

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Долина драконов
Книга третья
Магическая сделка

Annotation

Всегда помни — драконы выполняют свои угрозы, особенно если речь идет о Черном драконе. Всегда знай — попав в спальню Черного дракона, пути назад уже не будет. Но всегда верь, что любовь Главнокомандующего окажется сильнее предрассудков, обычаев и его собственных желаний и ты станешь не просто пленницей, а сердцем правящего дракона. Вот только никогда — никогда! — не соглашайся на сделку, предложенную Черным драконом. Иначе в обмен на спасение своего мира тебе придется научиться любить Правящего дракона.

- [Елена Звездная](#)
 -
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Елена Звездная

КНИГА ТРЕТЬЯ. МАГИЧЕСКАЯ СДЕЛКА

В вечном Горлумском лесу полыхало пламя. Оно не было видимым, но жар от него я ощущала всем телом. В нем не было сияния, но оно ослепляло. Для него не было преград и не могло существовать в принципе, но почему-то тихое «Нет» остановило стихию.

— Нет? — с хриплым рыком переспросил Черный дракон.

И пламя всколыхнулось вокруг нас, ломая ветви, превратив окружающее пространство во взвесь из снега, щепок и разреженного лишённого кислорода воздуха.

— Нет?! — прозвучало отдаленным раскатом редкого для зимы грома.

— Нет... — испуганным эхом отозвалась я.

В какой-то момент мне показалось, что Ирэнарн сейчас оборвет мою жизнь одним ударом покрывшейся черной чешуей руки, но, несмотря на творящееся вокруг нас, несмотря на убийственный прищур его нечеловеческих глаз, дракон не делал ничего. Прижав меня твердым, словно сталь, телом к дереву, он лишь смотрел прямо в глаза, обжигая дыханием губы.

Несколько долгих секунд, несколько ударов моего перепуганного сердца, несколько разбитых в щепки деревьев, сокрушенных той силой, что бушевала вокруг нас, отрезав от всего и всех.

А затем очень злое:

— Госпожа Радович, вы видите, что происходит вокруг?

Я видела, это невозможно было бы не увидеть в принципе, потому что происходило что-то совершенно жуткое.

— Видите? — повторно уточнил Правящий дракон.

— Да, — прошептала еще испуганнее, хотя секунду назад была точно уверена, что испытывать больший страх я уже просто не в состоянии.

— Это ярость, — очень холодно, почти отстранение произнес Ирэнарн. — Ярость дракона.

С последней фразой всплеск невидимого пламени взметнулся ввысь, поглотив еще несколько могучих деревьев, сокрушил их, разметав в щепки, а затем, перемолов и их, вмещал в ту мельчайшую взвесь, что окружала нас сплошной пеленой.

— Помните, — даже не дрогнув, продолжил Ирэнарн, — я говорил вам о пламени, которое вы невероятным и приводящим меня в неистовство образом умудрились разжечь?

Я ничего не ответила, не решилась ответить, просто не смогла.

Черный дракон продолжил:

— С каждым разом, — он вдруг придвинулся ближе, заставляя меня вжаться в дерево, — с каждым приступом, — губы Ирэнарна коснулись моих, — пламя ярости разгорается все сильнее. И территория поражения увеличивается пропорционально растущему во мне голоду.

Поцелуй был быстрым и болезненным, но дракон прервал его молниеносно и хрипло выдохнул:

— Я ненавижу и презираю себя за это, но ты нужна мне. Твой взгляд, улыбка, запах твоих волос, звучание голоса необходимы как воздух. Твое тело — как наваждение. Я ощущаю твою кожу ладонью каждый раз, стоит лишь прикрыть глаза. И если бы я горел сам, я бы сгорел молча и гордо, но Гаррат сбежал, я вынужден оставаться в столице, и гордость обращается в пыль, когда случаются очередные разрушения в долине. **ТАК ЧТО НЕ СМЕЙ ГОВОРИТЬ МНЕ: «НЕТ»!** — хрипло прорычал он.

А затем мягко опустил на снег, позволив соскользнуть вниз, придержал, не давая упасть, и мрачно посмотрел на творящееся вокруг. Смерч не желал утихать. Как зверь, вцепившийся в добычу, он завыл и сгрыз очередное дерево. К счастью, не то, к которому я испуганно прижалась спиной.

— Бояться не имеет смысла — тебя он не тронет, — с какой-то злой обреченностью произнес Ирэнарн, а затем с мрачной усмешкой добавил: — Как, впрочем, и любое иное пламя. Прикройся, я уже достаточно разочаровался в собственном самообладании.

Я поняла, что меня трясет, лишь когда попыталась судорожно сжать края разорванной рубашки. Не удержавшись, бессильно опустилась на снег, совершенно не ощущая холода. Ирэнарн молчал, стоя ко мне спиной и глядя на невидимое пламя, с голодным ревом желающее пожрать весь Горлумский лес. И под его взглядом Ярость дракона становилась слабее, пламя стихало, словно лишенное доступа кислорода, и вокруг нас опадали щепки, смешанные со снегом, да и измельченные практически до его уровня.

Но едва рычание и вой подчиненной стихии утихли, на весь лес раздался рык Гаррата:

— Милада!

И Ирэнарн развернулся ко мне с нечеловеческой скоростью.

Блеск портала настиг почти сразу с осознанием, что меня сейчас убьют, даже без разговоров.

Но уже в следующее мгновение я, как была в сапогах, плаще и разорванной одежде, оказалась сидящей на полу посреди спальни.

И словно набатом в голове прозвучали слова Зэрнура:

«Но вы должны понимать, госпожа Радович, что, войдя в спальню Черного дракона, уже никогда не покинете ее».

Я поднялась, шатаясь, едва сдерживая слезы, огляделась. Это действительно была спальня. Огромная, сделанная под размеры дракона как в человеческой, так и в естественной форме, но эта комната совершенно не походила на спальню Ирэнарна. Совершенно другой стиль, стены из отполированного, но практически необработанного камня, и нет никакой террасы. Я постояла несколько секунд, затем, подскочив, метнулась к узкому зарешеченному и застекленному окну и замерла. Да, эта комната находилась не во дворце. Дворец, огромный, освещенный огнями, виднелся вдали, располагаясь практически в самом центре Аркалона на храмовой скале, а место, в котором я была сейчас, являлось Крепостью — официальной резиденцией Главнокомандующего.

Я была в спальне! Спальне Черного дракона! Я...

Я сползла на пол, с трудом сдержав рвущийся из груди стон. Почему-то в этот момент перед глазами возник Верес, выпивший медвежьей крови и утративший шанс стать магом. Меня охватил не страх перед будущим, не ожидание и неизбежность появления Ирэнарна, а четкое, накатывающее лавиной ощущение, что я все потеряла. Абсолютно все, к чему стремилась, ради чего жила, что составляло мою жизнь...

Дверь открылась почти бесшумно, но из-за слез я не сразу поняла, кто вошел.

— Ванная там, — мрачно произнес Черный дракон, срывая с себя плащ и принявшись расстегивать мундир. — Могу отнести, но не гарантирую, что остановлюсь на этом.

И в этот момент дверь распахнулась снова, являя на пороге взбешенного, частично покрытого чешуей Гаррата.

— Ты!!! — прорычал Владыка Долины драконов.

И был сметен волной взревевшего пламени.

После чего дверь закрылась.

Даже не обернувшись, словно вообще ничего не произошло, Ирэнарн сказал:

— Мне повторить, или ты предпочитаешь заболеть окончательно и испытать на себе «постельный режим» в полном его значении?

Ответить я если бы и смогла, то едва ли успела бы — дверь распахнулась снова. На пороге стоял дракон. Огромный, ощеривший клыки серебристый дракон с пугающими черными провалами глаз и алым, прорывающимся сиянием через серебристые пластины на шее, огнем.

— Ты не посмеешь! — прорычало огнедышащее чудище.

Все также не оборачиваясь и не переходя в трансформацию даже частично, одним движением руки Ирэнарн с силой захлопнул дверь. Получивший по носу Гаррат взревел, но подсветившее дверь алым его пламя было сущей мелочью в сравнении с волной драконьей ярости, которая смела Владыку вместе с частью стены, как иначе можно было объяснить то, что следующий рык разъяренного дракона раздался уже за пределами Крепости.

Мне же молча указали на каменную дверь, которую я и не заметила вовсе.

Я осталась сидеть на месте, пытаюсь изо всех сил сдержать слезы.

— Я предупредил, — с нескрываемой угрозой произнес Правящий дракон.

За окном рычал и ревел второй, и от его ударов непоколебимая, казалось, Крепость содрогалась до основания. Следующий рев заставил задрожать стекла. Но что-то мне подсказывало — они выдержат: и Крепость, и стекла. Ирэнарн, судя по каменному спокойствию, также это знал, но вот чего он, кажется, не ожидал вовсе, так это раздавшегося за дверью:

— Хорошо, просто скажи, чего ты хочешь. Хочешь, я буду править? Хочешь, я... Рэнарн, я сделаю все, что ты хочешь, слышишь? Абсолютно все, что ты хочешь, только опусти девочку, она здесь не при чем. Она... Пылающий вечный, Рэнарн, не трогай ее!

Главнокомандующий молча развернулся, прошел к двери и, распахнув ее, прислонился плечом к дверному косяку, с холодным равнодушием глядя на брата. Гаррат же выглядел плохо. Обширные следы ударов на плечах, кровоподтек на щеке, израненные, словно он в человеческом, а не драконьем виде бился о стены, руки и взгляд, полный боли.

— Отпусти ее, — произнес он, глядя на Ирэнарна, — пожалуйста.

Черный дракон промолчал, все так же холодно глядя на Владыку. Гаррат же едва держался на ногах и, уперевшись рукой в стену, хрипло продолжил:

— Я женюсь на Гэндоран, как ты и хотел. Я возьму правление на себя. Я дам клятву на крови... любую, какую пожелаешь. Я сделаю все, что ты хочешь. Только опусти ее.

И он с мольбой посмотрел на брата.

Лицо Черного дракона казалось высеченным из камня — холодным, бесстрастным и равнодушным. Абсолютно равнодушным.

И полный надежды взгляд Гаррата стал меняться — из наполненного мольбой он стал ожесточенным и злым, и с этой бешеной злостью дракон прорычал:

— Это месть, да?

Ирэнарн усмехнулся. Это была странная, почти издевательская усмешка, но при этом складывалось ощущение, что издевается Главнокомандующий скорее над собой... А потому как-то жутко прозвучали его слова:

— Я бы никогда не опустился до мести, Гаррат, это мелочно.

— Неужели? — саркастично переспросил Владыка. — А как же ты тогда назовешь вот это?

И он кивком указал на меня.

Несколько секунд Ирэнарн молча смотрел на брата, а затем просто задал вопрос:

— Гаррат, на той поляне в лесу тебе угрожала смертельная опасность?

Владыка молча убрал руку, которой опирался о стену, потер явно ноющее плечо, и нервный взгляд его метнулся с Главнокомандующего на меня.

— Неужели, — издевательски протянул Ирэнарн, — ты начинаешь осознавать?

Гаррат гулко сглотнул, а затем хрипло произнес:

— Так вот почему мое пламя не сожгло ее...

— Что?! — вскинулся Главнокомандующий.

— Я... — Гаррат отступил, — я не видел... Иллюзии, я... не смог остановить огонь, я...

Он сделал еще шаг назад и вовсе отскочил, когда из груди Ирэнарна вырвалось:

— Не сумел остановить огонь? Не сумел?!

Черный дракон захлопнул дверь прежде, чем Ярость дракона вырвалась наружу. Постоял, заметно успокаиваясь, а затем хищно метнулся ко мне, подхватив на лету и, стремительно направившись к двери, начал попутно срывать с меня плащ, сапоги, остатки свитера.

— Не надо! Нет, я сама! — попыталась остановить.

Меня не слушали и не слышали.

Распахнув дверь, Черный дракон словно на крыльях все той же ярости слетел вниз по каменным ступеням, рывком содрал с меня рубашку, белье,

брюки, полностью игнорируя и мои попытки к сопротивлению, и этику, и мораль. После чего рывком усадил меня в круглую, плохо отесанную каменную, уже заполненную горячей водой чашу, развернулся и исчез в темноте практически полностью погруженного во мрак подвального помещения.

Я осталась сидеть в воде, ошеломленная осознанием, что он все видел. Вообще ВСЁ! От стыда горели уши, щеки и даже плечи. Меня голой последний раз видела бабушка, и то в далеком детстве. И сейчас стыдно было так, что каждый вдох давался с трудом. Даже просто вдох.

Но дыхание и вовсе остановилось, едва позади раздался едва слышный всплеск и меня обняли, прижав спиной к совершенно обнаженному телу. Мужские руки осторожно и бережно принялись распускать мою косу, у самого виска раздался тихий вопрос:

— Тебе удалось узнать, для чего Воронир натравил экта-принца детакоролевства на жрецов Древуна?

Судорожно выдохнув, попыталась отодвинуться, но мгновенно обхватившая поперек живота рука рывком вернула обратно.

— Я задал вопрос, — коснувшись губами моей щеки, произнес Ирэнарн.

Меня трясло, трясло всем телом, голос не слушался, но я все же попыталась ответить — промолчать оказалось страшнее:

— Ему нужен конфликт между друидами и жрецами Древуна и, как следствие, открытие тайных троп.

Мои волосы тяжелой волной упали на спину, и Черный дракон прижался к ним лбом, шумно вдохнув запах, сжал мои плечи и замер на долгий миг, чтобы в итоге абсолютно холодным тоном задать следующий вопрос:

— Почему он пустил всех, включая щенков и беременных самок грассов, в расход?

Я дрожала все сильнее, но все равно ответила:

— Он узнал о том, что вы способны их убивать.

Ирэнарн медленно, откровенно медленно убрал мои волосы со спины, перекинув частично мокрые пряди через плечо, и его пальцы осторожно, едва касаясь, заскользили вниз, словно изучая каждый позвонок.

— П-п-пожалуйста, прекратите. — Лепет вышел до отвращения жалким, но мне было уже все равно.

Дракону — тоже.

Обхватив меня обеими руками, он прижал к себе, вжимая почти болезненно, губы, обжигая горячим дыханием, скользнули по шее, и,

проведя языком по мочке уха, Ирэнарн хрипло выдохнул:

— Если бы я мог.

Но поцелуи прекратились. И теперь он только обнимал, прижав к себе и уткнувшись лбом в мое плечо. Секунду, вторую, третью слышалось тяжелое хриплое дыхание дракона, который, кажется, дышал мной.

Еще несколько секунд, а затем Ирэнарн произнес:

— Я не хочу принуждать. У тебя сутки, чтобы ко мне привыкнуть.

И, отпустив меня, Черный дракон покинул каменную чашу даже быстрее, чем я метнулась в сторону, едва появилась возможность сделать это. И, прижавшись к теплomu камню, я, обняв себя за плечи и подтянув колени к подбородку, не поднимая головы, спросила:

— А что произойдет через сутки?

И получила холодный ответ:

— То, на что я имел полное право еще на развалинах древнего храма в вашем прогнившем университете.

Уткнувшись лбом в колени, я ничего не сказала. Мне просто нечего было сказать. В целом нечего. У драконов действительно было право абсолютно на все, к примеру, сжечь весь УМ вместе с Любережью дотла, когда вскрылась история с пыльцой мишника. Или даже до нее... Это у меня не было права даже сказать: «нет», а драконы могли позволить себе все, что угодно. И от этого было так горько.

— Гхарарг приготовил ужин. Поторопись, — раздался приказ сверху.

Я несколько раз умылась, унимая слезы, затем огляделась и увидела рядом на очередном камне полотенце и сложенную для меня одежду — темно-зеленое, расшитое золотыми цветами платье с золотой каймой по вороту, центральному шву с застежками и рукавам.

Когда я его надела, оно оказалось велико, и если спереди разрез еще позволял хоть как-то шагать, то сзади платье волочилось. Мелькнула мысль, что это платье бывшей невесты Владыки, но нет — в кармане обнаружился гномий сертификат на гарантию от износа и прочих деструктивных для ткани факторов. С тканевых туфель и вовсе пришлось снимать печать, и вот они как раз были мне по размеру. Еще из одежды обнаружился пояс. Широкий, ладони в две шириной, и очень длинный. Я не была уверена, что повязала его правильно, но намотала как смогла на талию. Расчесаться было нечем — собрала волосы в косу, с тоской посмотрела в сторону моей разорванной в клочья одежды и начала подниматься вверх по лестнице.

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой... и вроде идешь вверх, но почему-то такое ощущение, что падаешь в пропасть.

Я останавливалась несколько раз, снова, снова и снова напоминая себе, что мою жизнь этот дракон как минимум три раза спас, а как максимум имеет на нее полное право. Я напоминала себе об этом, снова шла вверх и снова останавливалась.

В какой-то момент сделать следующий шаг я просто не смогла.

Вопреки всем доводам разума, вопреки осознанию ситуации... не смогла. Я не Верес. Это он смог выпить медвежью кровь, понимая, что иного выхода нет, а я не могла подняться наверх, даже четко зная, что других вариантов не существует.

И тут сверху раздалось:

— Мне уже даже интересно стало — можно ли в принципе подниматься медленнее, чем ты сейчас это делаешь?

Я в данный момент не поднималась, я просто стояла.

— Протест? — язвительно поинтересовался Черный дракон. И тут же произнес: — Вы умная девушка, Милада, вы же отчетливо осознаете, что любая попытка бессмысленна.

Осознавала, да. Отчетливо, тоже да.

И я шагнула вверх с четким ощущением, что падаю вниз.

* * *

В новой спальне Главнокомандующего стало больше света. Тысячи огоньков, словно срезанные прямо со свечей фитильки, порхали по стенам и потолку, освещали камин в углублении, закрытые каменными ставнями окна.

— Повернись, — приказал дракон.

И гребень осторожно коснулся моей косы, расплетая, расчёсывая и одновременно высушивая прядь за прядью, до тех пор, пока все волосы не опали водопадом по спине.

— Теперь лицом ко мне, — раздался следующий приказ.

Безвольная ладонь в твердой руке и последовавшие одно за другим золотые кольца на каждый из пальцев, после массивный браслет на запястье. Вторую руку ожидала та же участь. Золотую цепочку с кулоном в виде оскалившего пасть дракона Главнокомандующему не пришлось даже застёгивать — он лишь поднес ее на раскрытой ладони к моей груди, и цепочка ожила, змеей метнувшись вверх, обвив шею и спаяв концы на том месте, которое закрыл кулон.

Но это было еще не все.

Присев передо мной, дракон защелкнул ножной браслет сначала на правой ноге, затем на левой. После, поднявшись, осторожно надел золотую цепочку и на волосы.

Отступил на шаг, осматривая деяния рук своих.

Я не видела лица Черного дракона, глядя в пол перед собой, но его взгляд почувствовала отчетливо.

— Это... надолго? — спросила, подняв руки и указывая на золото.

— Навсегда, — холодно ответил он.

Затем, не спрашивая и не предлагая, властно взял за руку и повел к двери.

Уже за ней, когда я через силу шла по темному мрачному каменному коридору, все так же холодно пояснил:

— Золото олицетворяет власть. Конкретно этот оттенок золота — мою власть.

Черный дракон уверенно вел меня вперед, а я просто пыталась понять:

— Значит, все это было изготовлено давно?

Его взгляд я почувствовала, но лишь опустила голову ниже.

— В тот день, когда вы, отказавшись от помощи Зэрнура, отправились на свидание с дознавателем, прекрасно отдавая себе отчет в том, что ничем хорошим это не закончится.

Я невольно споткнулась, но упасть мне не дали, и мы продолжили куда-то все так же сосредоточенно идти. Я, пытающаяся не разреветься от отчаяния, и Черный дракон, которому этот выход почему-то тоже не доставлял особого удовольствия, как минимум, если судить по резким шагам.

Он остановил меня перед огромными, рассчитанными на драконий размер деревянными, окованными черным железом дверьми, развернул к себе, жестко ухватив за подбородок, вздернул мое лицо и, едва наши глаза встретились, холодно произнес:

— Не вижу поводов для страданий. Я спас тебя от Воронира, уберег от выгорания, оградил от Энроэ, и опустим тот факт, что в Горлумском лесу мне пришлось повторно спасти тебя, благодаря чему Воронир скрылся в очередной раз.

Я промолчала, но мне очень хотелось сказать, что если уж и начать считаться, то Воронир спас меня первым. Именно спас — деревенские убили бы, назвав ведьмой... А может, и нет, от нашей деревни до Горлумского леса недалеко, может, меня бы отдали жрецам Древуна, те наделенных силой растят в свободе, пить или не пить медвежьей кровью каждый выбирает сам, так что...

— Ты с чем-то не согласна? — почти издевательски поинтересовался дракон.

Молча отвела взгляд, сжав губы, и промолчала. Хотелось бы ответить, хотелось бы многое сказать, но один неоспоримый аргумент у дракона был — после применения заклинания Аградоно не выживают. И как бы я ко всему происходящему ни относилась, но одного факта было не оспорить — если бы не Главнокомандующий Драконьей долины, последнее, что я ощутила бы в своей жизни, — боль от сотен укусов убивающих меня змей.

— Успокойся, — мягко произнёс Ирэнарн, — самое худшее в твоей жизни уже произошло, а все проблемы отныне буду решать я. Поверь, ты очень быстро оценишь выгоды своего положения.

И прикоснулся к дверям.

Этого прикосновения было достаточно для того, чтобы створки распахнулись, открывая моему затуманенному слезами взгляду уютный, освещенный сотнями фиолетовых свечей и яркими факелами зал, длинный широкий дубовый стол, заставленный золотыми блюдами, поднявшихся при нашем появлении драконов в человеческом облике, среди которых как минимум двоих я знала — Зэрнура и Гхарарга, остальных едва ли могла припомнить, хотя, кажется, тоже видела... тогда, на кухне замка Правящих драконов... обсуждающих меня и мои отношения с Главнокомандующим.

Больше я ни на кого не смотрела.

— Ир-ханы, — торжественно сказал Черный дракон, — моя наири.

Я ощутила, как с ресниц сорвались две слезинки, и отрешенно проследила за их падением на платье.

Ирэнарн же продолжил:

— Вы все связаны кровной клятвой со мной и отныне с моей наири.

Смысл сказанного дошел не сразу, но я не успела до конца понять услышанное, как Главнокомандующий сообщил последнюю новость на сегодня:

— С этого дня Крепость заблокирована для всех, кто не связан со мной кровно-клятвенными узами.

«Вы должны понимать, госпожа Радович, что, войдя в спальню Черного дракона, уже никогда не покинете ее», — прозвучало в моей голове. Я пошатнулась, но Главнокомандующий удержал крепко и властно, затем подвел к столу, усадил, надавив на плечи, пододвинул мой стул ближе к столешнице, затем сел сам на стул рядом.

Лишь после этого опустились на свои места драконы.

Обстановка была мрачной, даже более чем мрачной. Я не видела никого, опустив голову и изо всех сил пытаясь не расплакаться, драконов,

кажется, подобный поворот событий тоже не устраивал.

И Зэрнур подтвердил мое предположение, когда в напряженной тишине позвучало его негромкое:

— Если Владыка откажется продолжить род, то совершить полет с Гэндоран придется вам, Правящий.

— Мне это известно! — ледяным тоном ответил Ирэнарн.

Но Зэрнур, помолчав несколько секунд, все же продолжил:

— Ни одна драконица не потерпит... — Бронзовый дракон оборвал себя на полуслове и нервно выговорил: — Ей придется смириться, не так ли?

— К чему риторические вопросы? — раздраженно спросил Черный дракон.

Видимо, ни к чему, потому что после его слов все молчали.

Недолго.

— Ваша наиря не может сдержать слез, и все мы видим, что это не от радости! — обвиняюще произнес кто-то из драконов.

И к осознанию ситуации добавилось еще и жгучее чувство стыда.

Но больше не прозвучало ничего. И я поняла, что более никто не решился возразить Главнокомандующему.

Я не могла осуждать их за это, я и сама возразить не посмела.

Спустя несколько напряженных секунд зазвенели столовые приборы, полилось вино, наполняя кубки. Судя по звукам, наполнили и мой, затем вновь зал наполнила тишина, после чего мне в руки вложили бокал и Ирэнарн провозгласил:

— За нас!

И все драконы поднялись, собираясь выпить этот тост стоя.

Я не стала. Ни подниматься, ни пить. Молча, все так же не поднимая головы, поставила стакан на стол, отодвинув от себя подальше.

— Милада! — прозвучало почти угрожающе.

Отвернувшись и посмотрела на пол. Пол был каменным, как и все здесь. Камень ржаво-серого цвета, разрезанный на ровные плиты, на какой-то момент стал неясным и нечетким, но затем слезы соскользнули с ресниц, и я снова могла безразлично смотреть на его природный рисунок.

— За мою наирю! — словно выносил приговор, а не провозглашал тост, произнес Главнокомандующий.

И рисунок камня вновь стал размытым и нечетким.

А драконы, выпив, сели и принялись за ужин, проходивший в атмосфере тягостного молчания. Тяжелого, гнетущего, напряженного молчания.

Молчания, в котором вдруг отчетливо слышался нарастающий звук возмущенных голосов и рык, потрясший всю Крепость до основания: «Я древний!»

Вздвогнув, я подняла голову и посмотрела на боковую дверь, ведущую из зала, за которой, как мне показалось, и были слышны голоса. Причем не только Асур-Ррата.

— Моя внучка! — раздался вдруг возмущенный крик, от которого по стенам затрепетали факелы.

Эта «бабушка» была мне совершенно не знакома. В смысле, я вообще никогда не слышала о бабушках с таким тембром и силой голоса, но новая родственница явно очень-очень-очень хотела меня видеть, настолько, что второй крик загасил половину свечей в зале.

Я мельком посмотрела на Ирэнарна и вздрогнула — внушительный золотой кубок в его руке оказался смят, хуже того — шипел и плавился, золото стекало на стол сверкающей лужицей.

— Он подписал бумаги, — с каким-то мрачным удовлетворением произнес Зэрнур, отсалютовал мне и выпил свой бокал до дна.

Главкомандующий посмотрел на Бронзового дракона так, что тот закашлялся, видимо, не в то горло попало вино.

А Ирэнарн откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и с ожесточенной решимостью приказал кому-то в пустоту:

— Открой.

Послышался грохот снесенных где-то в глубине Крепости ворот, а затем распахнулись тяжелые двустворчатые двери бокового входа, и в зал стремительно вошел Асур-Ррат в своей истинной форме. За ним в помещение влетела маленькая совершенно седая старушка в белом драконьем платье, а после решительным шагом вошел Гаррат. Но, несмотря на статус действующего Владыки долины, он не произнес ни слова, предоставив своим спутникам возможность говорить первыми.

Асур-Ррата такие мелочи, как оглядка на спутников, не интересовала вовсе, и первый вопрос, который он задал, был адресован мне:

— Ты подарок с золотой лентой брала?

Я отрицательно покачала головой.

— Тогда я не понял, это вот все что за дела? — возмутился древний. — И на каком основании ты не отправила этого извращенца пешим строем по лесам и весям?!

Прозвучало грубо, настолько, что все присутствующие драконы подобрались, как-то разом напомнив, что они все-таки боевые.

Но все молчали, и так как вопрос снова был ко мне, я и ответила:

— На том основании, что Главнокомандующий спас мою жизнь... упустив из-за этого магистра Воронира... — Последние слова дались мне с трудом.

В груди болезненно сжалось сердце... ровно до слов Асур-Ррата:

— В таком случае я требую немедленной свадьбы!

После чего обернулся к драконьей бабушке и сообщил ей:

— Вообще, что за дела? Меня она спасла? Спасла. Теперь пусть берет под покровительство, раз у нас в Долине нынче такие законы.

Бабуля поправила белые пряди растрепавшихся из пучка волос, прищурилась, размышляя, после чего заметила:

— И то правда. Тебя-то она первым спасла. Стало быть, счас всем родом скинемся тебе на золотишко, будем делать из тебя наири. — Она скорбно вздохнула и протянула: — А что?.. Раз такой закон имеется — надо следовать.

Шокированными после этих слов стали всего двое — я и Гаррат. Древний и, похоже, моя новая бабушка выглядели невозмутимыми донельзя, боевые драконы подобрались сильнее прежнего, на Черного дракона я не смотрела вовсе, а вот с Владыкой мы удивленно переглянулись.

— Так, стоп, — возмутился Гаррат, — мы так не договаривались.

— А это неважно, — беззаботно откликнулась бабушка.

— Что значит «неважно»? — разозлился Владыка. — У нас был договор!

— А у меня склероз. — Драконица умудрилась беззубо улыбнуться, хотя зубы у нее точно все были на месте. — Старая уже, ничего не помню.

— Да и я не молод, — поддакнул Асур-Ррат. — Древние мы, что тут сказать.

У Гаррата рот приоткрылся и с клацающим звуком захлопнулся. И да — ему нашлось, что сказать:

— Жулье престарелое!

После чего, едва не сплюнув с досады, с вызовом заявил:

— В общем, так — бумаги на удочерение я подписал. Глава рода Миладу приняла.

И тут Главнокомандующий произнес с нескрываемой насмешкой:

— Как я понимаю, ты даже взял на себя труд слетать в другой конец Долины за этой самой главой.

У Гаррата дернулся глаз, но, расправив плечи, Владыка холодно заметил:

— Это все не важно. Важен результат. А в результате ты, Рэнарн,

пытаешься присвоить себе дочь уважаемого древнего рода! Что является нарушением всех традиций и законов Долины! А Вкусня... А Милада не вещь! И даже уже не человечка! Она дракон! По характеру, сути, семье и роду! И она проводник — светлая душа, пробудившая древнего! И будь она драконицей, ты не посмел бы даже косо взглянуть в ее сторону! А она человек, и ты решил, что все можно, да?

И все посмотрели на Ирэнарна-Ррат-Эгиатара, великого Черного дракона, который спокойно взирал на брата, а вот ответил с издевкой:

— Ну почему же «пытаешься присвоить»? Я не пытаюсь, Гаррат, я присвоил.

И Владыка окаменел, только абсолютно черные глаза с серебристым вертикальным зрачком мерцали яростью.

— Это незаконно! Против всех правил этики, морали и справедливости! — прошипел Асур-Ррат.

Главнокомандующий медленно перевел взгляд на него и с плохо скрываемой злостью спросил:

— А где же ты был, древний, со всеми своими правилами этики, морали и справедливости, когда я молил ваш Совет древних о помощи?!

Асур-Ррат промолчал, черты его лица застыли.

— И почему же ты, древний, — продолжил Ирэнарн, — пробудившись, не счел нужным даже не то чтобы помочь, а хотя бы намекнуть на ту маленькую деталь, которую вы, древние, подло скрыли, дабы сохранить за собой позиции единственных целителей.

И Красный дракон опустил глаза.

Всего на мгновение, уже в следующее он прямо посмотрел на Главнокомандующего и хрипло, стараясь не замечать стоящего тут же Владыку, ответил:

— Мы сочли это верным. Мы видели беспечность и безответственность Гаррата-Ррат-Эгиатара, мы знали о его пороках, лени, отсутствии даже желания думать о последствиях своих решений. Совет древних принял решение устранить Старшего Правящего дракона, Воронир удачно подвернулся под руку, мы... — Древний запнулся на миг, но затем уверенно проговорил: — Мы приняли единственно правильное во всех смыслах решение. Мы поступили так, как сочли нужным, мы...

— Вы мне солгали! — зло перебил его Ирэнарн. — Вы подло лгали мне пять лет! И вся ваша ложь о «новой, измененной, не подвластной вашей магии Серой гнили» вскрылась три месяца назад, когда было обнаружено заражение стражей границ, которых вы же успешно излечили за считанные минуты. — Он вновь откинулся на спинку стула и холодно

вопросил: — Исключительно из любопытства — вы, древние, действительно полагали, что я не сравню образцы плесени?

Максимально выпрямив спину, Асур-Ррат холодно повторил:

— Мы поступили так, как сочли нужным.

Ирэнарн сдержал глухое рычание, которое расслышала, кажется, лишь я, и ледяным тоном ответил:

— Вот и я поступаю так, как счел нужным.

Я видела, как багрово-алым светом вспыхнули глаза древнего. Вспыхнули и погасли. Видимо, ему больше нечего было сказать. Зато бабушка молчать не стала:

— Так, а Миладушка тут при чем? — деловито спросила она.

Спросить что-либо еще она не успела, Черный дракон холодно задал вопрос:

— Уважаемая халоне Осаимо, до принятия решения на основании права главы рода Кириито вам доводилось лично знать госпожу Миладу Радович?

Вопрос повис без ответа.

Он словно действительно повис, разом лишив сил драконицу, Асур-Ррата и даже Владыку. Главнокомандующий же продолжал пристально смотреть, молча требуя ответа.

— Нет, — с трудом, через силу, произнесла драконица.

— Весь ваш фарс с удочерением — незаконен! — вымораживающим даже тень возникшей надежды тоном вынес вердикт Правящий дракон.

Пожилая драконица пошатнулась, ее голова и плечи опустились, Асур-Ррат так же стоял, опустив взгляд, Гаррат нервно смотрел то на нее, то на Красного дракона, ожидая от них хоть каких-то действий, хоть чего-то, хоть...

— Я вас не задерживаю! — холодно сообщил Ирэнарн.

Ни Гаррат, ни древний даже не пошевелились, но халоне Осаимо повернулась, медленно, с трудом переставляя ноги, понуро направилась к выходу. Я дернулась ей помочь, но Главнокомандующий удержал на месте, не позволяя даже подняться.

И тут за дверью, где, как оказалось, главу рода ждали, раздался голос Камали:

— Что?!

А затем окрик Хатора:

— Камали, стой!

Но драконица не подчинилась. Каким-то образом она извернулась, избежав захвата, как оказалось, стоящей у двери стражи, вбежала в зал,

остановилась, мельком глянула на меня, а затем медленно, неотрывно глядя на Главнокомандующего, опустилась на колени.

Все сидящие за столом боевые драконы мгновенно вскочили, в зал вбежал Хатор, следом еще какие-то драконы, но Камали даже не обернулась. С мольбой глядя на застывшего Черного дракона, она прошептала:

— Пожалуйста, я умоляю вас... Вы никогда не были ни подлым, ни бесчестным. Вы не обижали слабых, не лишали свободы невинных, не ломали ничью жизнь... Не ломайте и сейчас, я прошу вас! Ни ее жизнь, ни мою, ведь я не смогу жить, зная, как поступили с моим ребенком. Пожалуйста... я молю вас как мать, готовая отдать жизнь за своего ребенка, а Милада мой ребенок... пожалуйста...

Несколько секунд Ирэнарн-Ррат-Эгиатар сидел, практически с ненавистью глядя на драконицу, которая не требовала, не предъявляла права, не настаивала, лишь просила, забыв о гордости и надеясь на милосердие. Из прекрасных зеленых глаз Камали текли слезы, но она даже не пыталась их вытереть, продолжая с мольбой неотрывно смотреть на Черного дракона. Я не смогла сдержать слез с момента появления Камали, а уж после ее слов... Но на Главнокомандующего я даже не смотрела, отчетливо видя, как на его руке, лежащей поверх стола, стремительно прорезаются черные когти, кроша и кромсая обожженное дерево...

Несколько долгих секунд...

А затем плевком ярости прозвучало:

— Зззабирай!

Оглушенная, я даже не вздрогнула, когда с грохотом свалился его стул. С заторможенностью проследила за тем, как рухнул кусок выломанного Главнокомандующим стола, который дракон в ярости стряхнул со своей руки. Оглушающим грохотом пронесся шум закрытой за вышедшим драконом двери, которая тоже сломалась и жалко повисла на петлях, грозя оборваться.

Но того, как она упала, я уже не увидела — подбежавшая испуганная Камали подняла меня со стула и потащила прочь. Затем Хатор торопливо подхватил на руки, как ребенка.

Из Крепости мы неслись так, словно все здание собиралось вот-вот разрушиться.

На выходе из резиденции Главнокомандующего нас, как оказалось, ждали.

— На восток? — поинтересовался огромный воздушник.

— И быстро, — взмолилась Камали.

Подхваченные ветром, мы понеслись прочь от Крепости, прочь из города, все дальше и дальше, по горам, лесам и долинам. Но, обхватив Хатора за шею, я все смотрела назад, и почему-то, несмотря на то что даже Аркалона давно не было видно, мне все еще казалось, что я вижу окно Крепости и вижу взгляд стоящего за ним Ирэнарна.

* * *

Дом халоне Осаимо, или, как называли ее домашние, бабушки Осаи, я запомнила плохо.

Камали провела меня по нему, пытаясь что-то постоянно рассказывать, какие-то истории из детства, из детства ее детей, несколько семейных легенд, представляла каких-то драконов и дракониц — я почти не слушала.

Очень порадовало, когда, приведя меня в купальню с одной деревянной круглой ванной посередине, Камали остервенело принялась снимать с меня все украшения, отшвыривая так, что становилось ясно — будь ее воля, она бы все эти кольца и браслеты порвала и изломала.

Не снялась только цепочка.

Драконица пыталась найти замочек, не найдя, предприняла попытку снять украшение через голову, когда не получилось — растянуть. Не вышло и это — буквально перегрызть. Несколько минут, пока она это делала, я молчала, а потом как-то изнутри вырвалось тихое:

— Мама...

И Камали, бросив цепочку, обняла меня, прижала к себе и, расплакавшись, прошептала:

— Все будет хорошо, солнышко, все будет хорошо, главное, что успели. А Стража мы снимем, все равно снимем, не так, значит, по-другому, главное, не сдаваться, главное... И у нас же древний есть. Сам не справится, я весь Совет на уши поставлю! Я им устрою!

Мама что-то еще говорила, крепко обнимая меня и глядя по спутавшимся за время полета в воздушнике волосам, и меня медленно отпускало чувство обреченности. Но почему-то казалось, что где-то внутри, в самой глубине души, я до сих пор чувствую взгляд Черного дракона, и в нем нет ничего, кроме мучительной боли.

* * *

Повторно с домом бабушки Осаи я знакомилась уже утром. Вообще, она приходилась прапрабабушкой Хатору, и даже сложно сказать, кем мне, но в ее светло-голубых драконьих глазах, кажется, навеки поселилось безграничное уважение к Камали. Как и в глазах остальных членов рода Кириито... теперь моего рода.

Поверить в это было сложно, принять — еще сложнее, окончательно трудно оказалось столкнуться с призрачным драконом-прародителем. Но стоило мне выйти на террасу, украшенную изразцами, где собралось драконов пятьдесят, не меньше, как рядом с бабушкой Осаи возник призрачный мужчина в традиционном черном халате и с длинными, практически до середины спины, черными волосами, присобранными лишь наверху. И когда он возник, зашумевшие при моем появлении члены рода притихли, напряженно глядя на призрака. А он, отцовским жестом погладив бабушку Осаи по седым волосам, медленно подошел ко мне, пристально разглядывая, и остановился, лишь когда Камали решительно заступила ему дорогу, прикрыв меня собой.

И под сводами родового дома раздался глухой потусторонний голос: «Камали, Страж на ее шее говорит даже больше, чем весь опыт предков».

Мама вздернула подбородок, с вызовом глядя на призрака. Дракон укоризненно покачал головой и сказал: «Ты выиграла время, но не битву. Знай это. И прими».

И он растворился, став призрачным темным дымом, который сдул древний. Маленький, толстопузый и вредный древний, который опять принял привычный мне вид и, наплевав на присутствующих и в целом обстановку, нагло спросил:

— Мой пирожок сгрызла?

— Да! — подхватила я. — Спасибо! Огромное! Я же браслетик смогла найти! И мой резерв увеличился! И...

— Во-о-от! — торжествуя подняв указательный палец и обведя всех не менее торжествующим взглядом, заявил древний. — Кто Миладке больше всех помог? Я помог! А вы говорите!

И тут какой-то из незнакомых мне драконов, приподнявшись из-за стола, прорычал:

— Да ты ей брачный браслет Черного дракона приволок! Да ты...

— Я хотел как лучше! — возмутился древний.

— Хватит! — прикрикнула на всех бабушка Осаи и, поковыляв к столу, тихо произнесла: — Папа правду сказал — если бы не по нраву ему была, браслет бы не застегнулся. А вот чего я не знала, так это того, что наири она в нашем роду не первая.

И бабушка тяжело опустилась на стул, устало прикрыла глаза рукой и вообще едва слышно произнесла:

— Роды были тяжелыми, а когда древние поняли, что не доживет до утра, только тогда отец маму на руках взял в полет. Она умерла женой, я стала законной дочерью.

Бабушка вытерла глаза от набежавших слез и продолжила:

— Не говорил. Никогда не говорил. Я не знала. А он жил как в тумане, я для папы единственной радостью была, и когда счастье свое нашла и замуж вышла, он кинулся со скалы, сложив крылья. Без мамы не смог.

Мы стояли как громом пораженные, даже древний приоткрыл рот от удивления, а бабушка Осаи достала платок, вытерла глаза и решительно сказала:

— Ну да дела давно минувших лет, пустое вспоминать и печалиться. Я свою жизнь прожила с добром и светом, до последней минуты жизни моего Айсуро любила его всем сердцем, оттого и дети у нас славные — шестеро сыновей, три дочери, — при ее словах девять уже седовласых драконов заулыбались, — внуков двадцать девять, правнуков пятьдесят два, а вот пра-пра-правнучек сегодня стало на одну больше! И я рада тому, что род растет! И что сегодня в моем доме появилась новая драконица, пусть не по рождению, но по силе, смелости и великодушию!

И все захлопали, раздались непонятные мне пожелания на древнем языке драконов, а мама провела меня мимо всех к двум свободным местам возле Хатора, усадила посередине между собой и папой и только после села, с трудом скрывая волнение.

— Беспокоит тебя что-то, Камали? — через весь стол спросила бабушка Осаи.

Мама глянула на нее так, что стало ясно — этот вопрос она при всех обсуждать не готова. И глава рода спорить не стала, зато, едва я чай взяла, сообщила:

— Я-то вчера, спасибо друг любезный научил, — она чуть склонила голову, благодаря мгновенно преисполнившегося значимости сидящего рядом с ней древнего, — Владыке на подпись подсунула не только документы на удочерение, но право вылета тебе, Хатор, и всей твоей семье. А по утру пришел ответ на запрос из Академии Ветра. Эмали, девочка, сразу видно, что нашего рода, подсуетилась и уговорила халоне Миретана дать Миладе шанс сдать экзамены. А если принесет бумаги из университета своего, возможно, даже сможет сразу на второй курс поступить, тут уж от нее зависит.

Я застыла, держа в руках чашку.

— Так что, — продолжила бабушка Осаи, — заниматься девочка может начинать уже сейчас, Эмали передала все учебники и даже конспекты свои, а как оклемается немного, слетаете вдвоем в Любережь, документы ее заберете и будем подаваться в Академию.

Новости ошеломляли.

— Милада, что? — встревожилась Камали. — Не хочешь в Академию Ветра? В Долине двенадцать магических высших учебных заведений, выберешь, что понравится, просто девочки хотели присмотреть за тобой, хотя бы пока доучиваются. Но, если...

— Нет-нет, — я улыбнулась маме, — просто все неожиданно очень, но я рада, правда, даже не верится, что в Академию...

Я не договорила, вдруг четко осознав — в наш университет я не пущу ни Камали, ни Хатора. Они не боевые драконы, для них опасно там, я не знаю, сколько мишника еще в подвалах университета припрятано, и грассы...

Вот тут меня как водой холодной окатило — грассы. Голод! Отставив чашку, быстро посчитала — кормить Голода я должна была пять дней, пять дней прошли? И достаточно ли их было?

Я поднялась, не допив чай, заметалась по террасе, высчитывая... Профессор Нарски говорила о пяти днях. Два дня я кормила грасса в университете, на третий мы покинули УМ. В первый день путешествия столкнулись с мертвой деревней, ночь провели на порубежном пункте, на второй день приехали в Медведково, а ночью меня забрал Черный дракон.

Сегодня пятый день!

Голод голодный!

Со вчерашнего вечера!

— Милада? — Хатор поднялся. — Что случилось?

— Я грасса не покормила, — ответила с ужасом.

На меня посмотрели с непониманием.

— Грасса? — переспросил древний. — А это что за зверь такой?

— Пес, — ответила, холодея, — невидимый.

Драконы посмотрели на меня странно.

— Магически модифицированное животное, — пояснила я.

Все тут же закивали, мол, вот теперь-то они все поняли.

— И чего пес? — переспросила бабушка Осаи. — Животное, оно на то и животное, чтобы самого себя прокормить в случае чего. Так что садись, сама поешь, со вчера ведь ничего не съела.

Но у меня бы кусок в горло не полез, зная, что грасс там голодный.

— Асур-Ррат, — я с мольбой посмотрела на древнего, — мне нужно к

Владыке.

Все драконы разом повернулись к древнему, но тот, жуя пирожок, посмеиваясь, сообщил:

— К Владыке никак, он под домашним арестом.

— Что? — переспросила потрясенно.

— Под арестом, говорю, — забросив новый пирожок в пасть, пояснил Асур-Ррат! — Главнокомандующий если чего решил, он от своего не отступится — вчера решил запереть кого-нибудь, и точка, а раз тебя не вышло, Владыку запер.

Информация, похоже, для всех была неожиданной, потому что весь род как-то даже притих, и только древний, беззаботно поедая пирожок за пирожком, продолжал невозмутимо рассказывать:

— Черный вчера как с цепи сорвался. Крепость в руинах — сегодня отстраивают, а ведь лет девятьсот стояла монолитом. Вообще, Крепость исторически находилась вне черты Аркалона, но город разросся, так что... Некоторые окружающие дома тоже пострадали, но слегка. А вот с восточной стороны столицы теперь вид красивый на реку открывается...

— Какой вид на реку? — переспросил один из старших родичей. — Там горы.

— Были, — издевательски сообщил древний, и от пирожков перешел к блинчикам.

Мы все молчали, откровенно потрясенные информацией, а древний продолжал разглагольствовать:

— Нет, я в целом жителей столицы понимаю, если бы мой дом под угрозой разрушения был, я бы Черному любую девицу приволок, уже без разницы какого рода, но вот Миладку — никогда! Обойдется.

Минуты две за столом было тихо, а потом халоне Гайто переспросил:

— Древний, вы хотите сказать, что теперь вся столица знает, что причиной разрушений стала Милада Кириито?

— А? — переспросил Асур-Ррат, почесав ухо. — Не, ты что, мой мальчик, я своих не сдаю... А вот эльфийку жаль, ее за ночь уже раз пять Черному подсовывали.

И я вспомнила сказанное Гарратом: «Эсфирель вообще рыдает и клянется, что ей никакой коробочки с золотой лентой не предлагали, а если бы предложили, она бы давно и с радостью согласилась, причем вовсе не по причине толп драконов, осуждающими косяками летающих над эльфийской столицей исключительно с одной целью — в глаза посмотреть этой заразе бессердечной!»

— Это д-драконы опять летают в эльфийское королевство? — шепотом

переспросила я.

— Нет, — древний вдохновенно жевал, — Долина же закрыта для вылетов, так что они платят эльфийским наемникам, ушастые таскают им Эсфирель, изобретая все новые методы проникновения в королевский дворец Белых вод, король в ярости, эльфийку уже все достало, а Главнокомандующий исчез.

— Как исчез? — мне вдруг стало как-то совсем нехорошо.

— Молча, — невозмутимо пожал плечами Асур-Ррат, — его с рассвета никто не видел. Летают, ищут, хрен найдут. Видимо, улетел подальше и крушит чего-нибудь там, свободный от подсовываемой ему вечно эльфийки. Так что покормить песика не выйдет, малышка.

Я не удержалась на ногах и прислонилась к столбу, поддерживающему крышу.

— Эй, Миладка, ты чего? — забеспокоился древний. — Да перекусит чего-нибудь твоя псинка, ничего ему не сделается.

Но я точно знала, что сделается. Абсолютно точно.

— Асур-Ррат, мне нужен телепортационный браслет, — умоляюще сказала древнему.

Дракоша, жующий опять что-то, посмотрел на меня, как на умалишённую, демонстративно сплюнул, собственно, демонстрируя все отношение к моей просьбе, после чего посидел, почесывая подбородок, затем пузико, после важно сообщил:

— Никак. Все телепортационные браслеты контролирует канцелярия Главнокомандующего. Границы также он, и они полностью закрыты.

И я поняла, что сейчас мне придется испытать еще больший стыд, чем накануне. Гораздо больший. Мне уже было стыдно за себя до невозможности, и перед Черным драконом, и даже перед своим родом, но я не знала, что еще можно сделать в этой ситуации.

— Мама, мне нужны бумага и карандаш, — произнесла, с трудом выговаривая каждое слово.

— Зачем? — сложив руки на груди, холодно спросила Камали.

Пришлось признаться:

— Потому что грасс под заклятием, и в этом состоянии он может есть или меня, или то, что ему дам я.

Повисшая на террасе пауза выразила нелестное мнение, что имели на этот счет мои новые родственники.

— А я передумал, — вдруг произнес древний, — давайте отдадим ее обратно Черному дракону!

— У ребенка просто доброе сердце! — возмутилась одна из дракониц.

— Оно у нее странное, я вот лично не стал бы кормить того, кто мечтает мной закусить! — высказался суровый седовласый дракон.

— Серьезно, сынок? — с прищуром переспросила бабушка Осаи. — А не ты ли волка домой приволок в пять лет?

— Он был одинок, у него не было семьи! — гордо ответил старец.

— Он был матерым вожаком стаи и, сочтя тебя опасным зверем, увел от своей волчицы, защищая ее и волчат! Да кому я рассказываю?! — раздраженно спросила бабушка.

Закашлялась, чаем запила и сообщила:

— В общем, ребенок определенно наш, Камали, можешь всем смело говорить, что родила ее от Хатора, все одно кровь в ней Кириито, не иначе. — Посмотрела на меня, вздохнула и спросила: — Что делать будем?

— Я бы мог воздушника позвать, — меланхолично отозвался древний, — но смысла нет — Главнокомандующий ветер его знает где.

Где бы он ни был, я надеялась, что сможет прочитать, если напишу.

Еще я надеялась, что не сгорю со стыда, когда стану писать. А еще я боялась даже взглянуть на Камали. Но именно она поднялась и тихо сказала:

— Идем.

Кабинет пра-пра-пра-пра-прадедушки Сумори находился на третьем этаже прямо в библиотеке, заполненной в основном книгами на древнем языке. Здесь располагался стол, большой, основательный и широкий, за ним стоял стул, и размером, и крепостью, вероятно, способный выдержать даже дракона в драконьей форме, а вот в остальных местах повсюду лежали подушки и мягкие коврики, коврички, ковры. На подоконниках, между стеллажами книг, на открытом пространстве перед столом.

— Это для детей, — пояснила мне Камали.

Я удивилась.

Библиотека обычно суровое место, куда детей вообще не пускают, а здесь...

— Дети — свет жизни, — улыбнулась мне мама и указала рукой на стол, предложив сесть.

Но я не стала. Медленно обойдя стол вокруг и зачарованно ведя по деревянной столешнице пальцем, я дошла до стула, взяла из пачки в открытом ящике лист, карандаш из стопки, в основном цветных и, видимо, заготовленных тоже для деток, огляделась и как-то сразу выбрала себе место — на подоконнике, где у стены лежала удобная алая, расшитая цветами подушечка, на которую я оперлась спиной, едва на сам подоконник взгромоздилась. Мама подошла и подставила мне под лист книгу, чтобы

было удобнее писать, а затем тихо спросила:

— Миладушка, ты уверена?..

Она не договорила, но и не требовалось.

Помолчав мгновение, честно призналась:

— Я не знаю, что будет с Голодом, если не покормлю его сегодня. Просто не знаю. Мы не изучали заклятия подобного уровня, но, учитывая, что его мама все время старалась быть рядом в лесу, боюсь, что ничего хорошего.

— У него есть мама... — протянула Камали.

— Грассы разумны, — пояснила я.

Мама погладила меня по щеке и отошла. Я видела, что, несмотря на все мои доводы, она против подобного. Я чувствовала, что я и сама против, вот всем сердцем против, а еще было безумно стыдно, жгуче, нестерпимо, до такой степени, что хотелось зажмуриться и даже его ответа не видеть в идеале никогда, но...

«Мне очень нужна ваша помощь», — написала я на простом листе бумаги, простым карандашом, кажется, даже черным, а не обычным.

Просто я помнила про кровь, и я надеялась... надеялась... надеялась... Донадеялась.

«Серьезно?!» — появилась раздраженная, с сильным резким уклоном запись.

У меня возникло почти непреодолимое желание бросить все и убежать подальше. Но я вспомнила Голода и осторожно написала под этой записью:

«Пожалуйста...»

Секундное молчание — и злое:

«Никогда не думал, что скажу подобное круглой сироте, но ты вся в мать!» — последовал ответ.

Я как сидела... так и осталась сидеть. Камали, тактично отошедшая, увидев, как багровеют мои щеки, подошла, прочитала... и неожиданно улыбнулась. Потом, как и я, с ожиданием посмотрела на лист бумаги, где не появилось больше ничего.

Я ждала с замиранием сердца, мама стояла рядом, словно хотела меня поддержать, Черный дракон не отвечал.

Ни слова.

Ни буквы.

Ни знака препинания.

Мы смотрели на бумагу с надеждой, но взяла и открылась дверь.

Зэрнур вошел, не здороваясь, лишь склонил голову в знак уважения к Камали, после чего приблизился и с явным неодобрением передал мне

телепортационный браслет.

— Спаси... — прошептала я, едва не уронив тяжёлое металлическое не-украшение.

Бронзовый дракон молча посмотрел на меня так, что слова благодарности застряли в горле. После чего взгляд его скользнул по моей шее, сейчас закрытой тканью традиционного драконьего платья, и потому цепочку, я надеялась, никто не увидит.

Надеялась зря.

— Несмотря на то что вы не принимали дар, Страж на вас, и я отчетливо его вижу, и он активирован, наири Милада.

— Мы его снимем! — мгновенно заявила мама.

Искоса глянув на нее, Зэрнур все же не стал спорить с Камали, в целом крайне подчеркнуто вежливо ведя себя в отношении драконицы.

— Я к тому, — сказал дракон, обращаясь скорее к ней, чем ко мне, — что жизнь пса этого всего не стоит.

Но Камали ответила:

— У него тоже есть мать.

И Зэрнур отступил. Затем снова поклонился Камали, мрачно глянул на меня, развернулся и вышел. Через мгновение с террасы вертикально вверх взмыл огромный Бронзовый дракон.

Когда он улетел, Камали несколько секунд смотрела в окно, а потом задумчиво произнесла:

— Милада, деточка, я не хотела вчера спрашивать, да и в воду ты зашла, даже не поморщившись, но все же, солнышко, у вас что-то было с Главнокомандующим?

С непониманием посмотрела на маму.

Драконица несколько смутилась, но, все так же внимательно глядя на меня, спросила прямо:

— У вас что-то было?

Мой взгляд стал еще более вопросительным.

И Камали пояснила:

— То, что происходит между мужчиной и женщиной?

Покраснев в единый миг до кончиков ушей, я уже хотела сказать «нет», но... вспомнила все случившееся вчера. То как Черный дракон меня раздел, не просто растоптав, а разорвав всю мою стыдливость в клочья, то как обнимал сзади и прижимал к своему полностью обнаженному телу мое, напрочь лишенное одежды.

— Что-то было! — заключила Камали.

Помолчав, добавила:

— Взять тебя силой он не взял, иначе ты бы вчера в ванной так спокойно не сидела, и это одно уже радует. Так что же случилось?

Я не смогла ответить. Бывают моменты, когда стыдно настолько, что горло перехватывает.

— Милада, я бы не спрашивала, но ир-хан Зэрнур прав — Страж активирован. Я все пытаюсь понять почему, ведь дар ты не принимала и не приняла, я тебя уже знаю.

Ответить я не успела — на листе появилось всего одно слово:

«И?»

Я отложила лист, посмотрела на маму и молча надела браслет на запястье, предусмотрительно зажурившись.

Когда перенос закончился, я оказалась там, где было холодно.

Безумно, жутко, вымораживающе до самых костей холодно! И ветер завывал совершенно жутко, и в лицо ударила сотня ледяных игл.

Открывать глаза не хотелось вовсе.

— Мм-м, ты все сняла... крайне пренебрежительное отношение к золоту для бывшей сироты, — раздался злой голос.

И я открыла глаза.

И вздрогнула, увидев прямо перед собой морду Черного дракона и его холодные зеленовато-серебристые глаза.

Почему-то почувствовав себя виноватой, поторопилась оправдаться:

— Цепочка осталась.

Если я ждала проявления хоть каких-то положительных эмоций по этому поводу, то просчиталась. Глаза Ирэнарна мгновенно сузились, из груди вырвалось рычание, и Черный дракон переспросил:

— Что?

— Ц-ц-цепочка. — Я опасливо отползла немного и, расстегнув две петельки на высоком вороте, достала украшение и спросила: — Вы сможете снять?

На какое-то время в этом холодном темном месте воцарилась мрачная тишина, а вот затем дракон, у которого как шерсть дыбом поднялась чешуя, хрипло спросил:

— Что?!

В следующее мгновение я оказалась в Крепости.

Точнее — в ее остатках.

Здесь повсюду сновали драконы и духи, которые были уже знакомы мне по замку Правящих драконов. Кто-то строил стены, кто-то отшлифовывал каменный пол, духи занимались тем, что прямо из воздуха делали железные подсвечники и посуду, вставляли стекла в

проемы только что отстроенных стен.

Когда появилась я, все на миг замерли, затем очень как-то укоризненно посмотрели на меня, после снова вернулись к работе.

В этот самый момент в руино-строительный процесс вошел один из стражей, как-то очень тяжело глянул на меня и спросил у одного из драконов:

— А эльфийку куда нести?

Глухо прорывав что-то определенно ругательное, темно-зеленый дракон ответил:

— Верни жителям города.

Страж помялся, снова глянул на меня с осуждением и нервно сообщил:

— Они ее уже украсили сине-буро-паршивыми цветами, как ты и сказал, хотя, как по мне, ей белые шли больше.

Темно-зеленый дракон оторвался от каменной кладки, медленно, очень медленно повернулся к стражу и прорывал:

— Изыди!

Желание сбежать появилось даже у меня, что говорить о стражнике — он рванул к выходу встревоженной птицей, и уже где-то за пределами крепости чей-то голос спросил:

— А может, мы еще какую эльфийку поищем, а?

В самой крепости после этого атмосфера потяжелела вдвое.

— Может, стоит им правду сказать? — предложил один из медных драконов, укладывающих каминную плитку. — Жалко эльфийку.

— Главнокомандующий запретил, — отрезал темно-зеленый, возвращаясь к работе. И уже тише, но явственно добавил: — Эта прикрыла его от позора, теперь он прикрывает ее от публичного унижения, долг чести и все такое.

Потрясенная, я даже не знала, что сказать, — к счастью, и не пришлось. С неба, просто сейчас у Крепости вместо крыши было небо, рухнул Черный дракон, приземлившись возле меня уже в человеческом виде. Оглядев фронт работ и явно обрадовавшихся ему драконов, мрачно спросил:

— Ее плащ где?

Один из духов метнулся вверх, в ту часть, что сохраняла частично остатки второго этажа, и вскоре прилетел, бережно разворачивая упакованные в золотую бумагу мои плащ и сапоги.

— Спасибо огромное! — воскликнула я, после всех разрушений и не ожидавшая увидеть собственные вещи.

Дух улыбнулся плоским нечеловеческим лицом и умчался обратно,

создавать подсвечники. Главнокомандующий же молча отобрал у меня плащ и протянул руку, предлагая опереться на нее, пока буду переобуваться. Пальцы в его ладонь я вложила очень осторожно, боясь совершить неверное движение, и вздрогнула, едва его стальная длань стиснула их железной хваткой.

— Переобувайтесь, госпожа Радович! — скомандовали мне.

Нагнувшись, быстро сняла тканевые туфельки, обула сапоги, выпрямилась и замерла, едва Главнокомандующий набросил мне плащ на плечи, после накинул капюшон и стремительно застегнув те две пуговицы, которые я расстегнула, показывая ему цепочку, тщательно затянул завязки на плаще.

Быстрый взгляд в мои глаза, и мир вокруг потемнел, ударив волной холода.

Мы перенеслись куда-то в воздух, потому что я мгновенно начала падать и была поймана на лету больно сжавшей драконьей лапой.

Быстрый полет запомнился свистом ветра в ушах и абсолютным чувством защищенности. Мне было с чем сравнивать после левитации телеги Владыкой, вот тогда я жутко перепугалась.

Додумать не успела — рывок вниз, разжавшиеся когти, мгновение свободного полета, и Черный дракон мягко подхватил меня на руки.

— Напугал? — поинтересовался он будничным тоном.

— Абсолютно нет, это был замечательный полет! — совершенно искренне заверила я, подумав, что лететь было гораздо проще, чем сейчас ощущать себя в его руках.

— Вот как? — не спеша отпустить меня, переспросил Ирэнарн. — А у вас большой опыт полетов с драконами?

Несколько замявшись, пробормотала:

— Нет, но его правда хватило, чтобы сделать выводы.

Я не смотрела на Главнокомандующего, но почему-то показалось, что он несколько удивлен. И дракон подтвердил это, спросив:

— И что же это было такое, в сравнении с чем скоростное перемещение боевого дракона для вас «замечательный полет»?

— Левитирование телеги... Лучше даже не спрашивайте.

Он не стал спрашивать, он догадался:

— Гаррат.

Прозвучало до крайности гневно.

Я же пошевелилась, намекая, что меня хорошо было бы отпустить, но Черный дракон холодно сообщил:

— Рано. Так это был Гаррат?

Судорожно выдохнув, я посмотрела на Главнокомандующего и не смогла ответить. Не знаю почему. В тени Горлумского леса его лицо едва ли было различимо, но глаза... глаза притягивали, сверкая в полумраке внутренним светом драконьей сущности. Мне почему-то вдруг вспомнились пирожки в храме Аркалона и чувство неловкости, в чем-то даже стыда, но все равно соприкосновения с чем-то удивительным и волшебным.

— Вы странно на меня смотрите, — хрипло произнес Ирэнарн. И тут же добавил: — Но продолжайте, меня все устраивает.

Почему-то улыбнулась и, смутившись от собственной реакции, отвела взгляд...

И увидела Голода.

То, что он падал, и падал часто, говорил налипший на его бока снег, резко обозначивший впалый живот и проступившие ребра. А еще у него были прикрыты, словно от дикой усталости и истощения, веки, тоже припорошенные снегом.

— Голод! — испуганно воскликнула я и попыталась вырваться.

Но Черный дракон удержал и никак не отреагировал на мой возмущенный взгляд, продолжая пристально смотреть на грасса. И я поняла почему — Голод крался. Не шел, а именно крался, как подбирается к жертве хищник, обыкновенный хищник, а не разумное существо.

— Видимо, следствием наложенного заклинания стал ускоренный метаболизм. Грасс сейчас в состоянии, не контролируемом разумом, это уже голые инстинкты. Я не уверен, что вам стоит к нему приближаться, — холодно произнес дракон.

— А я уверена! — воскликнула, с тревогой глядя на зверя.

Готовящегося к прыжку зверя.

— Милада, нет! — перехватывая меня одной рукой и выставив, видимо для удара пламенем вторую, безапелляционно произнес Главнокомандующий.

Голода это не остановило, он зарычал, шерсть его встала дыбом... и тут сбоку на него прыгнул другой грасс. Повалил с ног, придавив лапой, ухватил зубами за холку и взвыл, словно призывая кого-то. И на его зов из лесу торопливо вышел другой грасс, тянущий за собой волокуши с половиной разделанной кабаньей туши. И вот этот второй грасс, дотянув мясо до Голода, кинулся ко мне и застыл, едва ли обозначенный упавшим с ветвей деревьев снегом, прямо перед выставленной вертикально расположенной ладонью дракона.

— Это мама Голода, — догадалась я.

И Ирэнарн нехотя опустил меня на снег. А затем, пройдя вперед, сдвинул удерживающего моего пса грасса, сам ухватил забившегося и пытающегося напасть Голода и выразительно посмотрел на меня, недвусмысленно намекнув, что держать животное будет он, и точка. Двое грассов нервно переглянулись, но возражать не стали. Мама Голода, проходя мимо, благодарно лизнула в щеку, а его, наверное, отец начал кромсать когтями мясо.

Первый кусок Голод взял не сразу, несмотря на железную хватку дракона, попытался укусить меня, а не мясо. Но Ирэнарн не позволил, и острые клыки грасса зацепили мясо. Есть пес начал тоже не сразу, сначала полежал с этим куском, обессиленно прикрыв глаза, потом сделал первое жевательное движение, второе, третье... и, проглотив, снова открыл пасть. Я с готовностью протянула ему еще кусок, и Голод, жуя, едва слышно пролаял «Милада»... Так жалко стало, и рука сама потянулась погладить, но Ирэнарн перехватил, и не зря — инстинкты грасса заставили его попытаться все-таки сожрать меня, и зубы клацнули там, где была бы моя ладонь, не останови меня дракон.

— Госпожа Радович, на будущее: зверь на грани смерти руководствуется исключительно двумя инстинктами — выживание и размножение. Для размножения вы ему не подходите. А для собственного выживания не суйте руки куда не следует!

После такой отповеди я просто молча кормила грасса, Голод молча ел, видимо, устыдившись своего порыва все-таки сожрать меня. И ел он много, не знаю, каким образом, но в пса уместилось примерно столько же мяса, сколько весил он сам.

— Хотелось бы верить, что у вас в обычном состоянии аппетита поумереннее, — скептически сообщил Ирэнарн двум стоящим рядом с ним грассам.

Ко мне оба зверя предусмотрительно не приближались.

В ответ на его замечание отец Голода с трудом пролаял:

— Мясо — не основная пища.

Удостоился вопросительного взгляда Черного дракона и пояснил:

— Хлеб. Злаковые. Ка-ши. Чело-ве-чес-кое пи-та-ние.

Говорить ему было явно очень сложно.

— У вас собственный язык? — поинтересовался дракон.

— Д-д-да, — ответил грасс.

— Отлично, — тоном, предполагающим обратное, произнес Ирэнарн. — Сообщите сыну, что два дня он проведет в моей Долине.

Грассы переглянулись, мать попыталась что-то сказать, не смогла, и

тогда спросил отец:

— По-че-му?

— Я действительно должен что-либо объяснять, учитывая, что вы намеренно держитесь на расстоянии суток пути от основной стаи?

Родители Голода оба опустили головы. А ведь я даже не поняла, что все настолько плохо.

— Кормить сырым мясом, это я понял. — Ирэнарн раскрыл ладонь, и на ней начал создаваться телепортационный браслет, да так, словно железо стекалось на руку дракона, по каплям вытекая прямо из земли, пробиваясь сквозь снег. — Через двое суток верну в стаю. Возвращайтесь к детям.

Мать Голода вскинула голову, что-то прорычала, и отец перевел ее вопрос:

— Спас-ти... мож-но?

— Судя по процессам в его организме, что я наблюдаю, — да. В крайнем случае разберусь конкретно с чарами.

И он перенес браслет на лапу Голода.

Яркая вспышка портала — и грасс исчез.

Ирэнарн поднялся, протянул мне руку и, едва поднял меня, мгновенно призвал второй портал.

* * *

Когда мы появились посреди Крепости, все сразу прекратили работы и посмотрели на нас. Посмотреть было на что — я в снегу, плащ тоже в снегу, я на нем сидела, колени мои в снегу, руки в крови.

— Даже спрашивать не буду, — произнес темно-зеленый дракон, возвращаясь к работе каменщика-восстановителя.

— Тут все просто — грасса кормили, — меланхолично отозвался Зэрнур, который с другим драконом собирал из уже отполированных частей стол.

А я вдруг подумала, что не говорила Главнокомандующему о грассах. Я вообще ничего не успела сказать, я только написала, что мне нужна помощь, и все, а как он узнал?

— Кормить животных — это хорошо, это правильно. — В холл Крепости вошел Гхарарг, вытирая руки о передник. И тут же обратился ко мне: — Леди Милада, а вы не могли бы до кучи и дракона одного покормить? А то второй день не жрет ничего.

Я опешила.

— Гхарарг! — угрожающе прошипел Ирэнарн.

Настолько угрожающе, что духи разом испарились, сам повар отшатнулся назад на шаг, но тут же остановился и произнес:

— А я что? Может, девочка тоже ничего со вчерашнего дня не ела. За ужином ни крошки не взяла, я следил, а с утра не успела, про пса своего вспомнила, у Зэрнура спросите. Ну, в смысле, я уже спросил.

Вопрос, откуда Черный дракон узнал о грассе, отпал сам собой. Я мрачно посмотрела на Зэрнура — бронзовый дракон самозабвенно складывал стол, делая вид, что вообще сейчас ничего не слышал.

— Так я там на стол накрыл, ир-хан Главнокомандующий, девочка голодная же совсем, вы на нее посмотрите, бледненькая же вся.

— Меня дома покор... — начала было я.

И осеклась, вспомнив сказанное Гхараргом: «Леди Милада, а вы не могли бы до кучи и дракона одного покормить, а то второй день не жрет ничего?»

Искоса взглянула на Ирэнарна — дракон, прищурив глаза, смотрел на повара так, что стало ясно — порвал бы голыми руками. И я так догадываюсь, что вполне даже мог.

Набрав побольше воздуха, решительно сообщила:

— Я очень голодная. — И поинтересовалась у Главнокомандующего: — А вы?

Черный дракон медленно перевел взгляд на меня и тихо ответил:

— Примерно как ваш грасс, но с поправкой на второй главный инстинкт. Переобувайтесь.

Я быстро сменила обувь, Ирэнарн помог снять плащ, передал его подлетевшему духу и молча указал мне на вход в кухню. От столовой-то ничего не осталось.

Едва мы вошли, провел к умывальной чаше. Гхарарг споро мыло подал, водный дух так вообще вымыл наши руки еще до того, как мы их в воду опустили. Второй дух поднес полотенце и передал его дракону. Ирэнарн странно посмотрел на ткань, потом на меня — молча взял одну мою руку, так что не вырваться, хотя я попробовала осторожно ладонь отнять, но дракон тщательно вытер сначала одну, затем вторую, после свои руки и вернул полотенце висящему рядом духу.

Чувство моей неловкости, кажется, уже можно было резать кусками. Особенно когда стало ясно, что отовсюду на нас смотрят. И если духи еще пытались прятаться, просто по стенам глаза видны были, то драконы заглядывали и через дверь, и через проломленную в нескольких местах стену, и парочка даже из подвала выглядывала через дыры в полу. Одного

взгляда Ирэнарна хватило, чтобы они все попрятались, а духи зажмурились, но не надолго — мы еще к столу не подошли, как все снова были на наблюдательных позициях.

— Хуже базарных баб! — не выдержал Главнокомандующий.

— Просто не хочется опять Крепость с нуля отстраивать, — нагло сообщил кто-то.

И все резко снова попрятались.

Ко всеобщему удивлению, говорить что-либо в ответ на это замечание Черный дракон не стал. Он молча подошел к столу, придирчиво осмотрел его, взял самое большое блюдо с красиво уложенным на нем мясом, сверху разместил тарелку с хлебом и сыром, глянув на меня, захватил рыбный суп, на край блюда пристроил столовые приборы и спросил:

— Что-нибудь еще?

Оглядев стол, я взяла заготовленную для меня тарелку, набрала зелени, захватила два яблока и малиновый рулет. Ирэнарн, едва заметно улыбнувшись, просто взял за руку.

Вспышка от сработавшего портала не отсекала от нас гула сильно разочарованных голосов.

* * *

Когда я открыла глаза, оказалось, что мы стоим в залитом солнечном светом храме, прямо у постамента.

Ирэнарн, не говоря ни слова, взгромоздил блюдо с едой на постамент, затем, взяв за талию, рывком усадил меня, после запрыгнул сам.

Какое-то время мы сидели все так же молча, глядя на храм, наполненный торжеством, светом и кристально-чистым воздухом, от которого немного кружилась голова. Но затем неловкость и торжественность обстановки оттеснил аромат еды, которую готовил Гхарарг отменно, а его печенья я в университете вообще, как могла, растягивала, и очень грустно было, когда все съела.

— Кстати, — почему-то решила спросить, — вы те печенья долго ели?

— Месяца два, — мрачно отозвался дракон. — Гхарарг отчего-то решил, что они поднимают мне настроение.

Помолчав, честно призналась:

— Мне поднимали...

— Следовало написать. С удовольствием передал бы вам весь ящик, — вдруг разозлился дракон.

И я решила, что самым правильным с моей стороны будет просто молчать. Так что я молча поставила рядом с блюдом, стоящим между нами, тарелку с зеленью, яблоками и пирогом, взяла суп и ложку и принялась есть.

Черный дракон мрачно глянул на меня, взял себе тарелку, наложил мяса и тоже принялся за еду. Молча, да.

Но уже спустя две порции вдруг спросил:

— Так что это был за полет на телеге? Гаррат ее нес?

— Левитировал, — поправила я.

Искоса взглянув на меня, Главнокомандующий уверенно произнес:

— Гаррат не обладает способностями к левитации.

— Не обладал, — снова поправила я. — И не способностями, а знаниями. Но он быстро освоился. Мы же долетели как-то.

Секундная пауза — и злое:

— Как-то?!

Я сделала вид, что очень сосредоточенно ем суп, но все же сочла своим долгом сообщить:

— У Владыки потрясающие способности к обучению. Он способен прочувствовать магию, понять принцип ее действия и применить. Он же перехватил управление грассами после всего раз услышанного приказа Воронира.

Ирэнарн неожиданно мягко улыбнулся и произнес:

— Это особенность крови Правящих драконов.

И очередную ложку я просто не донесла до рта.

Главнокомандующий улыбнулся чуть шире, глядя на потрясенную меня, и насмешливо произнес:

— А зачем, по-вашему, мне потребовались представители от каждой человеческой магической конфессии?

Удивленно моргнув, прошептала:

— Для выжигания магии и выявления ее остаточного фона, чтобы выявить причастную к случившемуся конфессию?

Усмехнувшись, Ирэнарн объяснил:

— Для первой стадии ритуала выжигания, определения возможностей и специфики магии каждой из конфессий и дальнейшей уже моей работы с использованием человеческой магии.

Окончательно потрясенная, я прошептала:

— Но... почему вы не сказали?

— А вы полагаете, я должен был посвятить всех вокруг в специфику возможностей Правящих драконов?

Я как сидела... так, впрочем, и осталась сидеть. Для меня способности и возможности Гаррата казались феноменальными, ошеломляющими, невероятными... В тот миг на поляне, осознав, что он сможет перехватить контроль над грассами, я испытала практически шок, но вот теперь... Гаррат как ребенок, недоучившийся, не наигравшийся дракон с феноменальными возможностями, способный использовать даже личные заклинания магистров, привязанные к их ауре, что по всем законам магии считается невозможным... Но вот я понимаю, что рядом со мной сидит тот, кто, в отличие от Гаррата, получил великолепное образование и продолжает постоянно обучаться, кто способен чувствовать магию, как травник определять состав трав в любом настое, кто осознанно и основательно пользуется этим умением, кто...

— Я вас испугал? — невозмутимо поинтересовался Черный дракон.

— Вы меня потрясли... — прошептала я.

— Вы меня тоже, — с легкой иронией отозвался он. — Признаться, я крайне раздосадован тем, что Гаррат поставил Воронира в известность о своих способностях.

В изумлении посмотрела на Ирэнарна.

— У вас удивительно красивые глаза, — почему-то вдруг сказал он. И тут же насмешливо продолжил: — Но вот смысл откровенно читающегося в них удивления мне непонятен, или вы действительно полагаете, что Воронир не разберется в случившемся?

Я прикусила губы, посидела так, пытаюсь подобрать нужные слова, все же сказала:

— Мы не могли иначе. Воронир убивал Гаррата намеренно, зная, что, как только его жизни будет угрожать смертельная опасность, вы появитесь. А едва бы вы появились, он отдал бы приказ грассам атаковать. Всем грассам, включая малышей и беременных самок. Нам нужно было сделать хоть что-то... других вариантов не было.

Ирэнарн внимательно посмотрел на меня и произнес:

— Следовало позвать меня!

Опустив взгляд, резонно заметила:

— Ваше появление спровоцировало бы Воронира на приказ грассам, что стало бы для них смертным приговором.

— Seriously? — насмешливо поинтересовался Черный дракон.

Искоса взглянула на него, не понимая причины насмешки.

И он любезно объяснил:

— Милада, вы сообщили мне о грассах. Вы передали Зэрнуру монографию, которую написал Воронир. Вы действительно полагаете, что

я мог наивно проигнорировать факт их управления хозяином?

Промолчала, почему-то вдруг вспомнив сказанное Асур-Рратом: «Доверься Черному дракону».

— В целом, госпожа Радович, вы отличаетесь крайне глупым поведением. Глупо было не взять защитный браслет, что я вам передал вместе с телепортационным, глупо было не сообщить Зэрнуру об откровенном шантаже со стороны лорда Энроэ, глупо было молчать о вражде с Айваном Горски, глупо в целом было отправляться в Горлумский лес на фактически невыполнимое задание. Отдельным крайне глупым поступком было молчать о личности Вачовски, но тут я хотя бы могу это объяснить вашим совершенно беспочвенным благородством.

Я молчала, опустив глаза.

— Гордость, госпожа Радович, — это костер. Для любого костра требуются как минимум дрова. Так вот ваш костер гордости умудряется гореть в принципе без топлива!

Высказав это, Главнокомандующий снова принялся есть, на этот раз с каким-то остервенением, словно едва сдерживал рвущуюся ярость. А я молчала, почему-то ощущая себя очень... мне просто было до крайности горько. Я бы многое могла сказать дракону, начиная с того, что привыкла рассчитывать только на себя, и заканчивая его написанными в том послании словами, но не стала.

Ирэнарн доел мясо, отставил тарелку и столовые приборы, оглядел «десерт», взял одно из яблок и, откусив, вдруг поинтересовался:

— Что планируете делать дальше?

Напряженно взглянув на него, с упреком сказала:

— Вы ведь знаете все о разговоре на террасе дома бабушки Осаи.

— Знаю, — не стал отрицать Главнокомандующий. — Но я не спрашивал вас о том, какие планы строят ваши новые родственники, я спросил, что лично вы планируете делать дальше.

Судорожно выдохнув, я несколько помедлила с ответом, но ответила честно и не скрывая:

— Мне нужно вернуться в университет и отдать карту. Это важно уже пусть не для меня, но для ребят. Затем попытаюсь поступить в магическое заведение в Долине... — Помолчала и добавила: — Если вы не против.

— Я против, — мгновенно ответил Ирэнарн.

И пока я пыталась хоть что-то сказать, пояснил:

— Милада, я действительно был тронут вашей заботой о моей репутации и тем, что Асур-Ррат, следуя вашей просьбе и приложив все свое влияние, скрыл имя истинной причины возникших в городе разрушений.

Но рано или поздно, причем скорее рано, драконы вникнут в курс происходящего. Впрочем, будем откровенны — ваша проблема не в этом.

Я отставила недоеденный суп, взяла второе яблоко и, перекатывая его в ладонях, выдохнула:

— Проблема в Воронире, да?

— Нет, — холодно ответил Ирэнарн, глядя на меня. — Ваша главная проблема — я.

Нервно отодвинувшись, я, помолчав несколько секунд, осторожно спросила:

— А можно я уже пойду?

Насмешливо усмехнувшись, Ирэнарн спокойно поинтересовался:

— Вам в принципе известно, какую скорость способны развивать боевые драконы?

— Н-н-нет, — запнувшись, ответила я.

— Оно и видно, — как-то устало прокомментировал Черный дракон.

И он спрыгнул с постамента, после собрал всю посуду и остатки еды и телепортом отправил, видимо, на кухню. Я, правда, не могла понять, почему при этом мы все так же остались в храме. И непонимание только усилилось, когда Ирэнарн, подойдя, встал вплотную к моим ногам, даже не предпринимая попытки меня снять с постамента.

Он просто стоял так, что мои колени касались его груди, и молча смотрел, вызвав жуткое желание как минимум отодвинуться, а еще лучше — вовсе сбежать из храма.

— Все время хотел спросить, — вдруг произнес дракон, и его ладони, прикоснувшись к стопам, мягко заскользили вверх по моим штанишкам, но ощущалось это так, словно ткани на мне вовсе не было, — вы адекватно оценивали опасность со стороны Гаррата или как всегда?

Я с ужасом посмотрела на руки Главнокомандующего, которые уже достигли моих колен, но, не остановившись, лишь замедлились, продолжая путь выше, но почему-то, вместо того чтобы попросить его остановиться, выдохнула:

— Да. Я знала, что он может меня убить.

Ирэнарн усмехнулся, подавшись вперед, схватил меня за талию, нехотя спустил на пол с постамента и, разжав руки, задумчиво произнес:

— Вы сказали «убить», а не «съесть». Что похвально — с одной стороны, и не радует с другой.

— В смысле? — переспросила я, ощущая его дыхание на лице, тепло его рук на моей талии, жар его тела.

— В смысле, — голос дракона стал ниже и каким-то хриплым, — вы,

наконец, сообразили, что никто не собирается вас есть в буквальном смысле, а вот не радует тот факт, что главная проблема Гаррата никуда не делась.

И Черный дракон рывком отошел от меня. Постоял, в задумчивости глядя на статую предка, затем молча протянул мне телепортационный артефакт.

— До вечера, госпожа Радович, — несколько издевательски произнес он.

— Спасибо, — поблагодарила, надевая браслет.
Вспышка.

* * *

Открыв глаза, я обнаружила, что стою перед домом бабушки Осаи.

Ярко светило солнце, искусственный ручей с красными и золотыми рыбками журчал и переливался десятком маленьких водопадиков, деревья цвели нежно-розовыми цветами, над домом витал аромат пирожков Хатора, с балкона мне помахала бабушка, из сада, оторвавшись от поливания мелких синих цветочков, один из моих новых дядьев громко спросил:

— Спасли?

— Да! — радостно ответила я. — Похоже, в последний момент успели. Главнокомандующий его к себе на двое суток взял проконтролировать исцеление от чар, но Голод точно будет жить!

— Умница, — искренне похвалил меня дядя.

— Это не моя заслуга, — честно ответила я. — А мама где?

— Камали? — Дракон выпрямился, удерживая жуткого размера лейку, почесал затылок, пожал плечами и ответил: — Кажется, с твоими тетками пошла к портнихе. Камали тут нервно металась из угла в угол, вот Хатор и отправил ее снять стресс посредством приобретения новых тряпок. Она с древним пошла, в итоге им еще и бесплатно сверху отрезков двадцать сунули, и тетки твои решили, что пора к портнихе.

— А-а. — Я немного расстроилась, честно говоря, не представляя, что мне тут делать без мамы.

Все-таки дом родным не был, драконов я еще даже не всех не то что по именам — в лицо не запомнила и чувствовала себя не совсем уютно. Сходить к Хатору?

Но тут из окна на первом этаже высунулся древний и крикнул:

— Миладка, чего стоишь? Дуй ко мне, будем сокровища считать!

Сокровища пересчитывать я не горела желанием, а вот несколько вопросов у меня к древнему были. И я пробежалась по дорожке, поднялась по ступеням, на секунду остановилась, привыкая к сумраку дома, и, повернув направо, отправилась искать Красного дракона.

Асур-Ррат в виде смешного дракончика обнаружился в сокровищнице. Та, сверкая квадратным входом, располагалась в полу, и мне махнули лапой, мол, заходи.

Я осторожно спустилась по ступеням, Асур-Ррат также взмахом лапы закрыл вход и, едва мы остались в одном сплошном голубом призрачном сиянии, сурово посмотрел на меня и спросил:

— Как там гад чешуйчатый?!

— Хорошо, поел, — присаживаясь на последнюю ступеньку и оглядывая горки золота и драгоценных камней, разложенных по полочкам на стенах, ответила я.

Улыбнулась кучке речных камешков, уложенных на блюдечко в самом центре сокровищницы, рядом с колечком Камали.

— Да, надо бы еще по детям пройти, — не оборачиваясь и каким-то образом заметив, куда я посмотрела, произнес дракон, что-то сосредоточенно считая.

Я сочла неприличным подходить и заглядывать ему через плечо, поэтому осталась сидеть на ступеньках.

Асур-Ррат некоторое время пересчитывал монетки — поняла это по тихому звону металла, — потом вдруг прекратил, посидел немного, опустив плечи, и тихо сказал:

— Черный дракон вчера сказал много. Очень много.

Древний опустил и голову.

Не желая перебивать, я молчала, надеясь, что он продолжит. Иначе самой спрашивать придется.

— Испокон веков правил всегда тот дракон, что был черен взглядом.

Я невольно вспомнила черные глаза Гаррата, пугающие настолько, что не спасал даже серебристый вертикальный зрачок.

— Но старший Правящий дракон оказался... слишком опасен, — продолжил древний. — Слишком безответственен, что при его силе — губительно. Мы пытались руководить, пытались учить, пытались сделать хоть что-то... Но Гаррат не Ирэнарн, он убийца, холодный, жестокий и немного безумный.

Я вспомнила взгляд перехватившего меня Владыки там, в лесу, когда я пыталась спасти Тихомира, и невольно поежилась.

— Ты понимаешь, о чем я, — оглянувшись через плечо, произнес

Асур-Ррат.

— Ирэнарн говорил о чем-то подобном, — вспомнила я.

— Ирэнарн судит о брате по себе, в этом его огромная ошибка.

— Гаррат... не плохой, — все же сочла нужным сказать я. — Он быстро учится, он старается помочь, он...

Осеклась под внимательным взглядом древнего.

И все же повторила:

— Гаррат учится и меняется.

— Уверена? — поинтересовался Асур-Ррат.

В этих словах было что-то большее, чем просто вопрос. Мне вдруг показалось, что от моего ответа будет зависеть решение, причем какое-то судьбоносное решение, которое коснется всех, включая меня.

— Знаешь... — Древний на хвосте развернулся, сел ко мне пузиком, оперся об него локтем и, уместив голову на кулаке, задумчиво произнес. — Если Ирэнарн останется лишь Главнокомандующим, ты вполне сможешь стать для него чем-то больше, чем наири. Но если Черный дракон станет Владыкой уже окончательно, ему придется заключить союз с Горным народом, а это тот неизбежный брак с Гэндоран Ардиран, от которого всеми силами пытался отделаться Гаррат.

Он помолчал и добавил еще тише:

— Но Гаррат чудовище, Милада. Мне жаль, что ни ты, ни Ирэнарн не желаете увидеть это. И в то же время мне хочется верить, что, возможно, ошибаемся именно мы — Совет, а вы самым непостижимым образом правы. Так что ты скажешь, девочка, ты уверена, что Гаррат способен измениться?

— Да, — ответила я, не став добавлять, что просто искренне верю, что хорошее есть в каждом.

— Да... — растерянным эхом отозвался Красный дракон. А затем решительно сказал кому-то, кажется, другому: — Нет.

Золотые монеты вдруг задрожали, протестующе, негодуя и гневно, но Асур-Ррат вновь повторил:

— Я, как единственный неспящий, налагаю вето!

Монеты снова дрогнули и стихли.

Потрясенная, я едва дышала, сидя на ступеньке.

А вот древний, любовно проведя лапкой по монеткам, вновь посмотрел на меня и спросил в своем насмешливо-веселом стиле:

— Как там Крепость?

— Отстраивают заново... — отозвалась я. И тут же переспросила: — Что это сейчас было, Асур-Ррат?

— Это? — словно не понимая, о чем речь, переспросил он. — Это монетки. Хочешь парочку?

Отрицательно помотала головой, а затем тихо спросила:

— А вы можете узнать, как там Гаррат?

Хитрые глазки древнего чуть прищурились, широкая ухмылка стала почти вызывающей, и дракон вдруг предложил:

— Ладно, пиши, отнесу ему записку.

Довольная, я подскочила с места и тут же села обратно.

— Что? — не понял Асур-Ррат.

Пришлось честно признаться:

— Все, что я напишу, может прочесть Главнокомандующий.

Вскинув чешуйчатую бровь, дракоша переспросил:

— Что?!

Повторять не стала.

Мрачный Асур-Ррат укоризненно глянул на меня, затем молча прошлепал ко мне же, снова одарил укоризненным взглядом, после обойдя, поднялся по ступеням наверх и осторожно, неожиданно осторожно приоткрыл люк.

Очень осторожно. После чего принялся чего-то выглядывать.

Кажется, догадавшаяся о происходящем, я чуть ли не ползком поднялась следом и тоже выглянула в щель между полом и крышкой люка. Взгляду частично предстали уже знакомые покои, в которых раньше находился Гаррат, и даже цепь присутствовала, но помимо нее в помещении обнаружилась многочисленная мебель, по большей части золоченая, две драконицы с бокалами в руках и легкими туниками вместо одежды, которые, как я подозреваю, были двумя половинами простыни еще несколько секунд назад, потому что обе драконицы даже замотать их не успели толком, лишь прикрылись и как-то шокированно смотрели на нас.

А потом откуда-то сверху, словно стоял он со стороны петель приоткрытого люка, показалась голова серебристого дракона. Черные, с серебристым зрачком глаза удивленно моргнули, и раздался не менее удивленный голос:

— Вкусняшка???

— Мм-м... — все, что смогла издать я, глядя то на Гаррата в драконьем облике, то на дракониц в человеческом.

Повисла неловкая пауза.

— Ну, раз уж мы убедились, что с вами все в порядке, то мы пойдем, — в конце концов заявил древний.

— Куда? — не понял Владыка.

— В более одетую компанию, — ехидно ответил ему Асур-Ррат.

Голова серебристого дракона повернулась к заметно смутившимся драконицам, Владыка недовольно цыкнул, затем у меня спросил:

— Ты как?

В смысле, я думаю, что у меня, не уверена, что его интересовал древний. Но древний так не думал.

— О, я замечательно, — радостно сообщил он. — Вчера хвост немного ломило, спина, сам понимаешь, в моем возрасте пошаливает, но в целом отлично, спасибо, что интересуетесь, Владыка.

Гаррат одарил его очень внимательным взглядом, после чего переступил люк, закрыв внушительным драконьим телом обзор на «неодетую компанию», лег на брюхо и, уложив голову так, что глаза его были максимально близко к просвету между люком и полом, спросил:

— Так как ты?

— Все хорошо, — заверила я. — Простите, что потревожила, просто...

— Ты просто переживала за меня, — улыбнулся дракон.

— Совсем немножко. — Я тоже улыбнулась.

— Ясно.

Гаррат смотрел на меня так, словно хотел запомнить каждую черточку моего лица и все выискивал что-то в моем облике, я, правда, не могла понять что.

— Я скучал, — вдруг произнес он так, что я сразу поверила.

Но говорить, что тоже скучала, не стала — прозвучало бы фальшиво. Просто после всего я была скорее рада, что в данный момент Гаррат находится подальше от меня и как минимум никого не обстреливает снежками, не сжигает, не гоняет, не оскорбляет и не левитирует. От всех этих мыслей почувствовала себя как-то неуютно, неловко и вообще сволочью.

— Как вы тут? — попыталась продолжить светскую беседу.

Но Гаррат, грустно глядя на меня, тихо повторил:

— Я безумно скучаю по тебе...

— Да что-то не заметно, — ехидно вставил древний.

Но я не обратила внимания на его реплику, глядя в полные тоски глаза Владыки, и, не удержавшись, спросила:

— Он надолго вас запер?

Губы дракона изогнулись в грустной усмешке, и Гаррат тихо ответил:

— Надеюсь — навсегда.

И устало опустил голову на лапы, все так же с тоской глядя на меня.

— Надеетесь? — переспросила потрясенно. — Но... почему?

Владыка отвел взгляд, затем вновь взглянул на меня и выдохнул:

— Потому что я сжег бы тебя, не защити он твое хрупкое тело от пламени. Даже драконьего пламени. И потому что, заигравшись с грассами, я как-то не подумал, что в этот самый миг Воронир тебя убивает. Должен был бы подумать, а я наслаждался победой и властью над грассами, забыв про очевидное. Ирэнарн сказал правду — я не имею права смотреть на тебя после этого.

Я... я не знала, как реагировать.

— Прости... — выдохнул Гаррат.

Не знаю почему, но, протянув руку, коснулась чешуи на его морде. Только дотронулась, а не гладила, хорошо помня, чем закончилась попытка прикоснуться в прошлый раз. Гаррат прикрыл глаза и прижался головой к руке.

— Э-э, — раздалось рядом со мной.

И потом дальше, где-то в доме бабушки Осаи: «Милада, ты где?»

Нервно оглянувшись, я посмотрела на древнего, тот мрачно сообщил:

— Камали пришла. Нам пора.

Осторожно убрав ладонь от морды Гаррата, я уже хотела было отойти, но тут вспомнила:

— Может, вам книги принести, чтобы вы не скучали?

Дракон как-то странно на меня посмотрел.

— Он не скучает, — насмешливо уведомил меня древний.

— Скучаю! — неожиданно капризно возразил Владыка.

Улыбнувшись, спросила:

— Что принести?

И вот тут Гаррат задумчиво прикрыл глаза, словно размышлял, а затем практически приказал не мне — древнему:

— Мне нужна программа обучения Брони за первые три года.

— Брони?! — переспросил Асур-Ррат.

— Справишься? — подначил Владыка.

— Вам бы весь спецкурс Дипломатии Ветра пройти, — с нажимом ответил древний.

— А этого добра хватает, — отмахнулся Гаррат. — Ирэнарн прислал, и даже двух библиотекарьш на случай, если мне еще чего понадобится... мм-м... — Дракон глянул на меня и добавил: — В плане там за литературой дополнительной слетать.

Я кивнула, решив, что лучше поверить ему на слово.

— Добудь мне программу Брони, — практически приказал Владыка древнему. Затем улыбнулся мне и прошептал: — Ты моя путеводная звезда,

вкусняшечка, просто приходи — мозг прочищается с одного твоего взгляда. Люблю...

И он закрыл лапой наш люк.

Мы с древним переглянулись.

— Не нравится мне все это, — задумчиво произнес Асур-Ррат. — Зачем ему курс Брони? Он не боевой дракон.

Почесал подбородок когтем и добавил:

— К тому же факультет боевиков закрыт даже для древних.

— А «Броня» — это что? — переспросила я, хотя уже, кажется, догадалась даже.

— Простодраконье название военного училища, — отмахнулся Асур-Ррат. — Ну да ладно, сделаем, что можем. Чем бы дитя ни тешилось, да?

Я не ответила, но тоже задалась вопросом — а зачем это Гаррату?

* * *

Когда древний вновь приоткрыл люк сокровищницы, мы были уже в доме бабушки Осаи. Невероятно вкусно пахло пирожками и сдобой, слышались голоса и смех, а едва мы вышли из пустой кладовой, которую выделили под вход в сокровищницу древнего, я себя почувствовала как на рынке.

— Смотри, какие драконы! — воскликнула одна из моих тетей, разматывая рулон синей шелковой ткани.

— Лучший в мире атлас! — окутывая меня отрезом алой ткани, сообщила вторая.

— Прямо под цвет твоих глазок! — Третья накинула на голову отрез голубой мягкой ткани.

— Идем мерить платья, — хватая меня за руку и рывком высвобождая из пут шелка, атласа и бархата, сказала мама.

Следующие часа три я была куколкой.

На меня надевали то одно, то другое, то третье платье, под каждое шли традиционные для дракониц-девочек штанишки и из той же ткани, что и платье, тканевые туфельки на кожаной подошве.

В какой-то момент я поняла, что являюсь самой младшей во всем роду, потому как мои сестры и братья из нового поколения еще не обзавелись потомством, поэтому меня было решено баловать. И меня баловали как могли — брошками, заколками, новыми платьями, заготовленными для пошива мантий тканями — сразу семи цветов, потому что никто, даже я,

еще не знал, какое учебное заведение выберу.

В результате я стояла посреди зеркального зала, который стал зеркальным, потому что в него со всего дома зеркала притащили, в нежно-зеленом платье, не достигающем до колен, в туфельках из той же ткани, с букетиком золотых, украшенных россыпью недорогих самоцветов цветов в волосах и с желанием сбежать бы уже отсюда поскорее.

Но, к счастью, пришел Хатор и сказал:

— Всем ужинать.

Тети тут же засуетились, помогая маме сложить и рассортировать мою одежду, а вот я, глянув в окно и поняв, что уже вечер, поспешила на кухню за пирожками. В кухне, кроме Хатора, помешивающего соус, и древнего, задумчиво ковыряющегося вилкой в разлегшейся на его тарелке жареной рыбе, никого не было.

— Эти с яблоками, — Хатор указал мне на большую корзину, одну из семи, находящихся на кухне.

— Шпашибо, — ухватив один и начав есть даже раньше, чем поблагодарила, сказала я. — А с мясом есть?

— Да, вон те, — указал папа на седьмую корзину.

Но когда я, подхватив со стола тарелку, пошла набирать себе пирожков, вдруг остановился, обернулся ко мне и сказал:

— А ты же с мясом не любишь.

— Я не шублю, — подтвердила с готовностью. И, прожевав остатки своего пирожка, пояснила: — Уже вечер, нужно снова Голода кормить.

— Пирожками? — недоверчиво переспросил древний.

— Нет, его — мясом, — ответила, набрав полную тарелку и раздумывая, хватит Черному дракону или нет.

— А-а, — глубокомысленно протянул Асур-Ррат. — То есть это ты пирожков набрала, чтобы из них мясо повыковыривать?

— Нет! — воскликнула я, возмущенная кощунственным предложением.

Просто из таких пирожков мясо не выковыривают, их проглатывают один за другим, не замечая, как они тают во рту, потому что Хатор готовил лучшие пирожки, похоже, не только в моей жизни. Но тут вдруг я поняла, на что намекнул древний.

Медленно повернулась и посмотрела на папу. Дракон стоял, забыв о соусе и воинственно скрестив руки на груди. С поварешки воровато стекал соус, древний сидел, подперев голову кулаком, и тоже ждал моих оправданий.

— Мм-м... — сказала я и быстро стащила еще два пирожка из

соседней корзинки.

Не знаю, с чем они были, но пахли безумно вкусно.

Хатор отреагировал слегка приподнятой бровью, древний открыл было рот, собираясь что-то сказать, но затем закрыл, решив промолчать.

Я же поняла, что мне лично сказать придется хоть что-то.

Ну и сказала:

— А вдруг Главнокомандующий тоже голодный?

И тут у древнего отпала челюсть. Буквально. Клыки и вовсе звякнули об тарелку. А вот Хатор почему-то напрягся.

— А ему силы нужны, — вдохновенно продолжила я, — потому что Голод сейчас не совсем адекватный и Ирэнарну его держать приходится, чтобы он меня не съел.

Челюсть у древнего уже и так лежала на столе, теперь следом брякнулся язык и развернулся, как рулончик. Удивленно взглянув на это, поняла, что не язык — действительно рулончик бумаги, исписанный золотыми древнедраконьими буквами. Древний тоже понял, что потерял что-то важное, подхватил свиток, свернул с самым важным видом и глубокомысленно произнес:

— А силы-то нужны, да, а то, понимаешь ли, горы и Крепость опять крушить нечем будет.

— И дома, — почему-то вставил Хатор, — в очередной раз.

— И от эльфийки отбиваться, опять же, сила надобна, — язвительно заметил Асур-Ррат.

Я кивнула и согласилась:

— Эсфирель жалко очень.

— Чего ее жалеть? — хмыкнул древний. — Она сама кого хочешь пожалеть может, причем разными способами. Ты знаешь, эльфийские принцессы ее уровня с рождения вообще кого хочешь пожалеть могут.

— В смысле — убить из жалости, — пояснил для меня Хатор.

Внезапно поняла, что вообще мало что знаю об эльфах.

— Оно ж как, — продолжил древний, — как дета-королевство наращивать мощь взялось, так все остальные длинноухие королевства и смекнули — хорошая партия для брачного договора появилась. А у дета-эльфов пунтик — принц может жениться только на лучшей воительнице королевства, вот эльфийские короли и взялись готовить своих дочерей к нелегкой доле невесты для наследника. С малых лет готовить начинают. А этот дета-наследничек все никак выбор не сделает... уже лет двести. Итого — в эльфийских королевских дворах полно принцесс с навыками «убью ближнего быстро, качественно и недорого», на ежегодно объявляемых в

дета-королевстве соревнованиях за сердце принца эти самые «нежные, хрупкие и подобные лилиям на ветру» принцесски бьют соперниц нещадно, давно переплюнув всех дета-воительниц, а принц активно проповедует безбрачие, намекая, что-де сердце его еще никто не покорил. Чую, донамекается он однажды, и подадут ему его сердце на блюдечке.

— Под гранатовым соусом, — мрачно добавил Хатор.

— Ага, — согласился древний. И продолжил: — Ну так вот, а Эсфирель значит, в отличие от товарок по коронкам, с юности решила, что выйдет замуж за дракона, а на дета-наследника она плевать хотела. Но, судя по исчезновению некоторых наемников, похоже, тренировки не пропускала. Так что увидишь эльфийку — беги.

— И быстро, — подтвердил папа.

— И петляя, — добавил кто-то позади меня.

Обернулась — рядом с окном стоял Зэрнур, и, похоже, давно уже стоял. Выразительно посмотрев на меня и тарелку с пирожками в моих руках, укоризненно заметил:

— Гхарарг хорошо готовит, леди Милада.

Смутившись, неловко ответила:

— Я знаю.

Но тарелку отдавать никому не собиралась.

— Не нравится мне все это, — вдруг как-то со значением произнес Хатор.

— Да я тоже не в восторге, — в тон ему ответил Зэрнур. — Крепость восстанавливать нужно, у нас две делегации в столице сиднем сидят, а этот с драконоубийственной собачкой полдня возится, чтобы вот эта вот над трупом не рыдала.

Папа постоял, подумал. Потом пошел к шкафу, достал из нее корзинку, устлал дно салфетками, подошел ко мне, отобрал тарелку, ссыпал все в корзинку, наложил сверху еще в три раза больше, чем я взяла, второй салфеткой все закрыл и молча мне отдал.

Древний тоже сидеть не стал, спрыгнул со стула, засеменял к пирожкам, выбрал один, подошел и протянул Зэрнуру.

— Что это? — с явным недоверием спросил Бронзовый дракон.

— Терпение, — сдал начинку древний.

Зэрнур достал золотую монетку, кинул мне, да так, что я едва поймала, — у меня же корзинка в руках была, после чего взял пирожок и, обреченно куснув, начал жевать.

— Еще парочку? — участливо поинтересовался Асур-Ррат.

— По обстоя... — начал было Зэрнур, но, мрачно глянув на меня,

страдальчески ответил: — Не помешает.

Мне пришлось еще две монеты ловить, потом все отдавать древнему, который, критически осмотрев и опробовав на зуб каждую, унесся в свою сокровищницу.

А Зэрнур, дожевав пирожки, молча протянул мне телепортационный браслет.

— Возвращайся хотя бы к чаю, — сказал на прощание папа.

Даже не знаю, разглядел ли он мой кивок.

* * *

Когда я перенеслась, несколько секунд стояла, озираясь и не понимая, куда вообще попала. Здесь повсюду на столах были реторты, колбы, ампулы и прочее. Приблизиться не рискнула, издали разглядев, что надписи на древнедраконьем, который не понимала совершенно, поэтому осталась стоять на месте.

Через минуту в двери вошел совершенно седой дракон, у которого абсолютно белыми оказались также брови и ресницы, глянул на меня несколько недоуменно, быстрым шагом подошел к шкафу, открыл, пробежавшись пальцами по этикеткам, спросил, не оборачиваясь:

— Ты не в курсе, какого цвета настой быстрогонника?

— Зеленый, — ответила не задумываясь.

— Ага, точно! — Дракон выудил нужную баночку, закрыл шкаф и ушел не прощаясь.

Я осталась стоять.

— Слушай, — раздался голос все того же белого, — найти спиртовой экстракт мирты сможешь? Шкаф тот же.

— Да, хорошо, — и я подошла к шкафу, перехватив корзинку другой рукой.

Отодвинув створку, взгляделась в баночки. Экстракт на водной основе зеленовато-желто-оранжевый, его нашла почти сразу, спиртовой — зеленовато-салатовый, его обнаружила, во-первых, потому что рядом был, во-вторых — тут название на драконьем дублировалось на древнеэльфийском, а он у нас шел как основной мертвый язык, так что его я частично знала.

— Нашла! — крикнула дракону.

— Тащи сюда, — приказал он.

Осторожно взяв баночку, пошла на голос и из лаборатории вышла в

узкий темный коридор, все освещение которого составлял свет из одной-единственной открытой двери. К ней и направилась.

Но стоило войти, я остановилась, потрясенно уставившись на плесень. Черную плесень! Которая, пребывая в человеческом облике, с энтузиазмом ассистировала белому дракону в изготовлении чего-то синего, бурлящего в реторте на столе.

— Чего стоишь? — грубовато спросил дракон. — Давай сюда настойку.

Осторожно, по дуге обойдя плесень в человеческой форме, приблизилась к дракону, протянула баночку. Тот, схватив, извлек стерильную пипетку и принялся отмерять нужное ему количество капель. Я же, не выдержав, осторожно спросила:

— Прошу прощения за вопрос, уважаемый халоне...

— Ир-хан, — поправил меня дракон, с ходу недвусмысленно намекнув, что никакой он не обычный дракон, а целый боевой.

— Уважаемый ир-хан, — тут же исправилась я. — Простите, а вы не знаете где ир-хан Главнокомандующий?

— Правящий наш? — не отрываясь от процесса подсчета капель, переспросил белый дракон. — Он пошел мыться и переодеваться, ты же сейчас придешь.

Тут на меня подняли несколько удивленный взгляд, и дракон отрешенно заметил:

— А, ты уже пришла.

— Ну да... — Мне почему-то стало неловко.

— А, ну раз пришла, сгоняй еще за спиртом, он все там же, четвертый шкаф от входа, нижняя полка.

Не возражая, снова по дуге обошла плесневое создание, которое орудовало с колбами, отрастив себе еще две дополнительные руки, и выглядело жутко.

Оставила корзинку на пустом столике у входа и пошла за спиртом. Как оказалось — руки освободила не зря, потому как спирт хранился не в колбах, а стеклянных жбанах с полведра размером.

И вот я иду обратно, осторожно ступая и крепко прижимая к себе спирт в стеклянном сосуде, выхожу в коридор и только каким-то чудом не врезаюсь в стоящего там же Главнокомандующего, который, видимо думая, что я нахожусь все еще в том же помещении, стоял в полумраке и спешно застегивал пуговицы на мундире.

— Госпожа Радович? — удивился моему появлению дракон.

— Ир-хан Главнокомандующий, — нервно поздоровалась я, вдруг

подумав, а как мои передвижения с колбой спирта выглядят со стороны.

Как оказалось — выглядели двусмысленно.

— Снова меня обворовываете? — поинтересовался Ирэнарн.

— Ну, вы знаете, это такое дело...

— В процессе которого входишь во вкус? — сверкнув улыбкой, предположил он.

— Примерно. — Я тоже улыбнулась.

— Спийиирт! — страдальчески возопил белый дракон из соседнего помещения.

— Простите, — осторожно обходя Главнокомандующего, извинилась я.

Ирэнарн уйти не позволил — молча одной рукой отобрал у меня стеклянную тару и пошел относить белому. Уже оттуда до меня донеслось:

— Хартэнган ит эреннта.

— Да что тут тяжелого, бабы в деревне по два ведра воды зараз таскают и не жалуются!

— Эт ша! — прозвучало пугающе и грозно.

Но, похоже, никого не испугало, потому как собеседник Черного дракона язвительно ответил:

— А корзинка, которую она вам приволокла, не легче будет.

Секундная пауза — и покаянное от белого дракона:

— Прошу простить меня, ир-хан Главнокомандующий.

Когда Ирэнарн вышел в коридор, неся мою корзинку с его пирожками, в коридоре стало сумрачно и мрачно, а раньше было просто темно.

— Идемте, госпожа Радович, — официально предложили мне, указав рукой направление вперед.

Я обошла Черного дракона и, осторожно ступая в кромешную тьму, заметила:

— У вас там плесневый человек.

— Нет, — мгновенно ответили мне. — Это колония Арха, для удобства работы с Нериг-Рратом она принимает человекоподобный облик, изменяясь в зависимости от ситуации.

Оступившись, я была благопристойно поддержана, после чего, возобновив путь, все же спросила:

— К-к-колония?

— Да, общность, связанная родством, интересами, способностью создавать коллективный разум. На данный момент в Броне их шесть, но Нериг-Ррат полагает, что вскоре отделится часть от колонии Тема, у них ярко выраженные воинственные наклонности, и они собираются

лоббировать интересы белых грибов в эльфийских лесах.

— Что?! — Я остановилась как вкопанная.

— Белые грибы, — невозмутимо пояснил Ирэнарн, — с некоторых пор находятся под угрозой исчезновения, так как после распространения слухов об их повышающих... мм-м... некоторые возможности свойствах подвергаются массовой вырезке. Колония Гема выразила обеспокоенность положением дел и совместно с Эмир-Эсхаратом разработала стратегию развития гена, который позволит грибам предпринимать конспирологические действия как минимум, как максимум — сбегать с места базирования основной грибницы.

Представила себе ошалевшие лица грибников, от которых массово сбегают грибы...

— Интересный проект, — продолжил Главнокомандующий, — мы со своей стороны решили допустить колонию Гема к знаниям о тактике и стратегии ведения войн на выживание.

В моем воображении ошалелое выражение лиц грибников сменилось на испуганное, потому что грибы, применив тактику заманивания противника в глубь леса путем убегания, развернулись, похватав сучки, палочки, иголки и прочего вида оружие и ринулись на несчастных.

— Бедные грибники... — только и сказала я.

— Но если ничего не предпринять в течение трех лет, белые грибы исчезнут как вид, — сообщил Главнокомандующий. — Направо.

И я послушно свернула, хотя вообще не видела, куда иду.

Но стоило только войти, как огонь, искрами возникший у двери там, куда я ступила ногой, разбежался по стенам, полу и потолку, оставляя после себя десятки зажженных факелов, в свете которых я увидела поднявшегося с лежанки гасса, радостно завилявшего хвостом при моем появлении.

— Можете подходить смело, пес уже полностью в сознании, — сказал Ирэнарн.

И я бросилась к гассу, радостно обняла тощего, почему-то отлично видимого и очень сильно обрадовавшегося мне Голода, и не сразу заметила куски мяса, оставшиеся на блюде возле лежанки. А увидев, удивленно перевела взгляд на Черного дракона, устроившегося на единственном тут стуле и задумчиво осматривающего содержимое корзинки. При виде изобилия пирожков про меня, кажется, временно забыли.

Но как оказалось, впечатление было ошибочно, потому как, продолжая разглядывать изделия из теста, Ирэнарн невозмутимо ответил:

— Да, ваша помощь ему больше не требуется, но раз уж вы все равно планировали прийти... — И дракон с явным трудом подавил усмешку.

Все так же продолжая смотреть исключительно на пирожки.

— Я поняла, — произнесла спустя долгую паузу, погладив грасса, устроившего голову у меня на коленях, — это был продуманный план по заманиванию меня с пирожками в Броню.

— Именно так, — на меня подняли веселый наглый взгляд, — все это было исключительно ради пирожков.

— А вы коварный! — воскликнула я.

— Рад, что вы, наконец, это поняли, — парировал Ирэнарн, выудив один из пирожков и добавив: — Приятно, что часть из них вы отбирали для меня лично.

И если после его первой фразы я еще хотела хоть как-то ответить, то после второй принялась делать вид, что очень увлечена поглаживанием Голода и вообще ничего не слышала.

Но дракон лишил меня и этого прикрытия, весело поинтересовавшись:

— Голод, пирожки будешь?

Мой верный грасс умчался в ту же секунду.

И нетерпеливо присел перед драконом, который принялся сортировать пирожки со словами:

— Это от Милады, — пирожки «от меня» отправлялись на одну салфетку, которая располагалась на коленях Ирэнарна, — это от Хатора, — вторые отдавались на съедение Голоду.

Почти все, так как парочку Главнокомандующий все же оставил себе, после все отложенное ссыпал в корзину и, поднявшись, объявил:

— Ну все, пошли.

— Куда? — настороженно спросила я, все еще сидя на лежанке.

— Нужно обсудить тяжелейшее состояние находящегося на грани выживания грасса, — совершенно спокойно пояснил дракон.

«Находящийся на грани выживания» подавился очередным пирожком и, повернув голову, недоуменно посмотрел на Главнокомандующего.

— Очень тяжелое состояние, — продолжил вдохновенно врать Ирэнарн.

Голод, с трудом проглотив пирожок, нервно закашлялся.

— Воды попей, — посоветовал ему дракон.

И оторопевшей мне:

— Мы идем или ты его так умирать оставишь?

Грасс метнул на меня испуганный взгляд.

— Это была шутка, — поднимаясь, успокоила его я.

— Что-то вроде этого, — не стал возражать Ирэнарн. И уже совершенно серьезно приказал грассу: — Поешь и спать. По Броне не

ходить, для восстановления способности к невидимости требуется не менее двадцати часов сна.

Голод угрюмо кивнул и снова принялся за пирожки.

А мы с драконом вышли в крошечную тьму.

Затем Ирэнарн взял меня за руку и уверенно повел за собой, решительно двигаясь вперед, потом вниз, вниз, вниз, снова вперед, туда, где я уже ничего не видела вообще.

— Тебя понести? — неожиданно остановившись, спросил Главнокомандующий.

— Думаю — не стоит, — осторожно отказалась я.

— Почему же? — насмешливо спросил дракон.

Я не была уверена, что нужно отвечать на этот вопрос, но все же сказала:

— Потому что не стоит.

— И все же — почему? — Мне казалось, что я точно вижу улыбку Ирэнарна.

— Да потому что непонятно, как вы на любое неосторожное прикосновение отреагируете! — в сердцах ответила я.

И рука, держащая мою ладонь похолодела. Не дрогнула, не сжала мою руку, не отреагировала никак, только прикосновение вдруг из теплого и полного света стало темным и холодным.

— Я вас обидела? — слова вырвались сами, а я на шаг ближе подошла к остановившемуся дракону.

— Обидела? — переспросил он. И тут же ответил: — Нет.

И дракон резко свернул, утягивая меня за собой.

Только на этот раз он шел не в пример быстрее, уже не подстраиваясь под мои шаги и словно размышляя о чем-то, что неизменно погружало и так царящую вокруг темноту в какой-то жуткий, беспросветный мрак. И мы спускались все ниже и ниже, а внутри становилось холоднее и холоднее.

— Милада, вы когда-нибудь испытывали голод? — вдруг тихо спросил Главнокомандующий, начав снова идти медленнее.

— Да, — ответила испуганным шепотом.

— Дикий, неистовый, разрывающий душу на части голод, — продолжил дракон.

Душу от голода не разрывает, это я точно знала. От противоречий — да, от ощущения дикой несправедливости — тоже, но от голода...

— Вы ведь не голод испытываете, — едва слышно проговорила я.

Ирэнарн остановился на одно мгновение, но затем вновь продолжил

путь. Молча.

Безропотно следуя за ним, я ощущала наползающий из темноты холод и, стараясь отвлечься от ощущения замерзания, спросила:

— Куда мы идем?

— Почти пришли, — резко ответил дракон.

И следующий мой шаг запустил ту разошедшуюся по пространству кромку огня, что я уже видела в помещении, где содержали Голода... только здесь пламя разбежалось синим огненным мерцанием, как на подожженном спирте, и осталось сиять на стенах, подсвечивая ледяные сталактиты и объемные ледяные скульптуры... одну за другой, изображающие девушку, судя по глазам — дракона, и ее же, только в драконьей ипостаси.

— Лед, — произнес Ирэнарн, — та грань стихии воды, что нам не подвластна.

Он оглянулся на меня, затем решительно снял с себя мундир и, укутав меня, прошел вперед, вернувшись к рассказу:

— Огонь мы контролируем едва ли не с рождения, с камнем учимся работать еще в детстве, любой металл осваиваем в юности, но лед...

Я осторожно ступала за драконом, в изумлении оглядываясь по сторонам, и остановилась, увидев уродливые полурастопленные статуи из непрозрачного льда.

— Боевые драконы, не прошедшие испытание льдом, никогда не получают руководящих должностей, — проследив за моим взглядом, сообщил Ирэнарн. — Это испытание можно попытаться пройти повторно, но те, кто достиг положения сотника, тысячника, десятитысячника, подвергаются испытанию льдом ежегодно.

И Черный дракон отправился дальше, недвусмысленно предложив идти за собой.

Я шла. По застывшим потокам некогда воды, переступая через фигуры, наполовину созданные из льда, а частично из металла, и кажется, догадывалась, что те, кто не был способен управляться со льдом, невольно вплетали в скульптуру ту стихию, что была ближе и послушнее. Спустя некоторое время заметила, что скульптуры не были той, одной девушкой, они все были разные. Девушки разные.

— Почему здесь везде драконицы? — спросила едва слышно.

Но эхо разнесло мой голос по пещере, отразившись от скал.

— Женщины — это то, что заставляет терять контроль. — Ирэнарн ждал меня впереди, рядом с фигурой, полностью созданной из железа.

Но даже издали я вдруг поняла — это я.

Я, в момент, когда прижала его ладонь к себе.

И я остановилась.

А затем заметила и то, чего не увидела сразу — рядом с десятком искусно выполненных ледяных скульптур, расположены две из оплавленного, искореженного льда.

— Это, — дракон указал на ровный ряд скульптур, — созданные до того, как я узнал тебя. Мои ежегодные с успехом пройденные испытания. — А это, — он недовольно поджал губы, глядя на искореженную, — то, что попытался создать в ночь, когда отдал тебя Камали.

Я продолжала стоять там же, где остановилась, нервно обняв себя за плечи, глядя на Черного дракона и боясь задать вопрос. Вопрос, который он, несомненно, ждал. Я отчетливо видела это ожидание в его глазах.

И потому заставила себя спросить:

— Что вы хотите мне сказать этим, ир-хан?

— Многое, — серебристо-зеленые глаза сверкали в полумраке. — Очень многое. Но мне интересно, что поняла ты.

Я робко огляделась по кругу, затем вновь посмотрела на идеальные скульптуры, созданные, похоже, самим Главнокомандующим, затем на искореженные, и, вновь посмотрев на дракона, прошептала помертвевшими губами:

— Что, если вы не возьмете под контроль свои чувства, вы потеряете власть.

Мой ответ вызвал усмешку, странную, грустную, злую.

— Не потеряете? — спросила практически с надеждой.

— Я не могу потерять власть, я — Правящий дракон. — Ирэнарн, оставивший где-то корзинку с пирожками, медленно направился ко мне, безжалостно давя осколки льда. — Меня могут не допустить к правлению во время боевых действий, но и только. В целом же я пользуюсь слишком большим кредитом доверия, Милада, чтобы утратить его всего лишь из-за проваленного испытания льдом.

Говоря все это, дракон подходил все ближе и ближе, пока не оказался стоящим возле меня, близко настолько, что, делая вдох, я ощущала прикосновение к его телу.

— Я хотел, чтобы ты поняла, — Ирэнарн мягко провел пальцами по моей щеке, — что в любой момент, в любую секунду, в любых даже не зависящих от тебя обстоятельствах я могу сорваться и присвоить тебя себе!

Вздрагнув всем телом, я удивленно прошептала:

— 3-з-зачем вы мне это говорите?

Дракон, склонившийся было ко мне, мягко выпрямился, холодно взглянул на меня и произнес:

— Чтобы ты перестала бояться любых неосторожных прикосновений.

Помолчал и добавил:

— Чтобы избежать бесконечных рекой льющихся слез.

Ослепительно вспыхнул портал.

* * *

Мы перенеслись на берег озера, спокойного и потому гладкого, как стекло, словно его поверхности не касался ни малейший ветерок. По берегам росли ивы, камыш, ближе к месту, на котором очутились мы, цвели удивительные, светящиеся в полумраке сгущающихся сумерек кувшинки и лилии.

Черный дракон молча сел на траву, разместив сбоку от себя вновь появившуюся корзинку с пирожками, я осталась неловко стоять, переминаясь и зябко кутаясь в мундир, который был мне невероятно велик. И смотрела я на кувшинки и лилии исключительно.

— Ты должна знать, — просто сказал Ирэнарн спустя долгое молчание.

Почему-то на глаза навернулись слезы.

— И с моей стороны было бы бесчестным скрыть это, — значительно тише добавил дракон.

Я обернулась, вопросительно посмотрев на него.

Главнокомандующий спокойно встретил мой взгляд и продолжил:

— Я Правящий дракон, Милада, моей главной обязанностью является смотреть правде в лицо, не позволяя себе обманываться надеждами и домыслами.

Он помолчал, жадно разглядывая меня, и добавил:

— Я гнал эти мысли два месяца. Просто старался не думать. Не вспоминать. Не представлять...

Секундная пауза — и хриплое:

— Но ощущение твоего тела под моей рукой... Запах твоих волос... Твои сияющие глаза... Твои приоткрытые губы... И если это не голод, тогда я не знаю что.

Он сидел, опираясь локтями о согнутые колени, и просто смотрел на меня. Нет, не просто — внимательно, жадно отслеживая каждое движение, любую эмоцию, и даже то, как появившийся ветерок шевелит прядь моих

волос. Я нервно заправила ее за ухо, ощущая себя... едой! Просто едой! Которая в ужасе стоит перед звереющим от голода хищником! И казалось, от того, чтобы наброситься на меня, его отделяет только какая-то невидимая, призрачная и совершенно не зависящая от меня грань... очень тонкая... уже почти не существующая...

— Полагаю, самое время вернуть тебя новообретенной семье, — хрипло выговорил Ирэнарн.

Вспышка.

* * *

Я очутилась в собственной комнате, среди недосложенных в шкаф новых нарядов, в метре от нагромождения туфель, в шаге от чего-то, что пугало, пугало до безумия, и в то же время... Я растерянно посмотрела на свою левую руку, почти физически ощущая тепло ладони Ирэнарна...

Внезапно раздался знакомый звук пришедшего сообщения. Растерянно оглядевшись, увидела возникший на столе тот самый блокнот. В нем прозвенело оповещение о втором сообщении.

Все так же придерживая наброшенный на плечи мундир, осторожно подошла к столу, открыла блокнот и прочла:

«Я говорил с ректором Академии Ветра. Он склоняется к выводам, сделанным ранее и мной: ты человек, и, несмотря на вхождение в род Кириито, остаешься человеком, что вряд ли сделает твое обучение в престижных учебных заведениях Долины простым и комфортным».

Не привыкать, безразлично подумала я.

Но дракон продолжил, явно не собираясь принимать во внимание какие-либо возражения:

«Я пришлю учебные планы человеческих магических высших учебных заведений — выберешь. Вопрос о твоем поступлении решу сам. Диплом любой из наших академий сможешь получить, сдав выпускные экзамены».

Опустившись на стул, сообразила, что на мне все еще мундир Главнокомандующего. Осторожно сняв, повесила на спинку стула и, подумав, написала:

«Может, мне стоит продолжить обучение в Любережском университете?»

«Не лучшая идея», — последовал мгновенный ответ.

Спустя минутное молчание Ирэнарн добавил:

«Обнаруженный тобой мишник — не единственное имеющееся там ядовитое средство. Плюс — Любережский университет полностью подконтролен Ворониру».

Я размышляла недолго, прежде чем написать:

«Не только Любережский...»

«Но именно в нем обучение отличается особой спецификой», — резонно заметил дракон.

На это возразить было нечем.

«Я разберусь, — продолжил Ирэнарн, — максимально щадящим образом».

И я поняла, что Любережь сжигать никто не будет, что очень радовало. Не то чтобы это был самый лучший университет в мире, но все же...

И, тут я вспомнила о самом лучшем! Действительно самом лучшем магическом университете во всех человеческих королевствах — Университете Стихийных Сил!

И схватив карандаш, я стремительно написала:

«Есть ли у меня возможность поступить к магистру Валентайну?»

Просто это было бы удачей, гораздо большей, чем поступление в любое из учебных заведений в Долине драконов. УСС — мечта, практически несбыточная для большинства из нас — просто добраться до него было практически невозможно, а конкурс составлял более ста человек на место. Потому что из университета стихийников выходили самые сильные маги. Наиболее обученные, подготовленные ко всему, выживающие в любых условиях. И при этом его заканчивали все поступившие, практически без исключений. В смысле, никого не исключали. Вообще. Именно поэтому поступление в Университет Стихийных Сил, или, как его проще называли, Университет Стихий, было счастьем, и да — там не было студентов-платников. Вообще. Но меня подкупало не это, а сказанное магистром Валентайном: «Мне жаль всех моих студентов. И я твердо убежден, что каждый из них достоин лучшей участи, чем стать расходным материалом в драконьем расследовании».

И потому я с замиранием сердца смотрела в блокнот, ожидая ответа Черного дракона.

Ждать пришлось довольно долго. Ко мне заглянул древний, смерил взглядом, спросил:

— Ты скоро?

Неопределенно кивнула в ответ.

И тут в блокноте появилась запись:

«Залечу завтра утром. Оденься по-человечески».

Я не совсем поняла, и, видимо, догадавшийся дракон добавил:
«В обычное человеческое платье. Не облегающее. Не короткое. С закрытыми руками и шеей. Лучше мантию».

А затем в блокноте мелькнула запись:

«Хочу обнять тебя крепко-крепко и никогда не отпускать...»

Но эта запись пропала столь стремительно, что я даже не была до конца уверена, не привиделась ли она мне.

* * *

Когда я, наконец, пришла к ужину, за столом оставались только Камали, Хатор, бабушка Осаи и древний. Похоже, меня терпеливо ждали. Причем не только они, но и запеченная в листьях рыба.

— Как псинка? — начала допрос бабушка Осаи.

— На данный момент лишился возможности мимикрировать под окружающую обстановку и потому видимый, но в целом намного лучше и уже даже ест сам, — с улыбкой ответила я и села за стол.

— Неужели? — как-то язвительно поинтересовался древний.

Я, уже активно жуящая, с удивлением взглянула на дракошу, но тот, делая вид, что старательно рассматривает когти на собственной лапе, ни на что вроде как не намекая, протянул:

— То есть твое присутствие, как я понимаю, для вечернего кормления вовсе не требовалось. — Быстрый взгляд на меня — и проникновенное: — Я прав?

Вдруг почувствовала, что краснею. Не совсем, правда, поняла от чего...

— А то знаешь, я как-то не сразу проанализировал слова Бронзового, но потом дошло — четыре часа Главнокомандующий убил на псинку и не избавил от чар? Это было бы странно. Особенно если учесть способности боевых драконов и этого конкретного в частности.

И все посмотрели на меня. Вопросительно и явно ожидая подробного изложения всего произошедшего.

Я с трудом проглотила пережевываемое. Запила все соком и бодро отчиталась:

— Сначала я отнесла одному дракону экстракт мирта, потом приволокла полведра спирта, потом появился Главнокомандующий, мы сходили покормили грасса, потом была пещера, следом озеро, затем я вернулась, и мы в письменной форме обсудили мое поступление в

Университет Стихийных Сил. Завтра собеседование с магистром Валентайном. Мне нужна мантия и человеческое платье. Я очень голодная.

Семья начала молча переглядываться, я старательно ела. Действительно была очень голодной, и в целом, кажется, это был единственный способ избежать более подробных расспросов, потому что говорить о том, что так явно продемонстрировал Ирэнарн, я не собиралась. Не хотела маму расстраивать. И надеялась выкрутиться. Еще не знаю как, но как-нибудь... И еще очень не хотелось во все это верить. Просто не хотелось.

И как-то вдруг вспомнилась фраза из лекции профессора Иваса: «Очень часто проблема заключается в том, что мы игнорируем степень ее опасности».

И слова Черного дракона: «Я Правящий дракон, Милада, моей главной обязанностью является смотреть правде в лицо, не позволяя себе обманываться надеждами и домыслами».

Перестала жевать. Посидела, подумала. Вообще, лекция профессора Иваса относилась к теме: «Методы выживания на активированных древних захоронениях», и вышеуказанные слова относились к тому, что нужно было четко понимать, с чем имеешь дело — просто с поднятым кладбищем полуразлагающихся трупов или с индивидами вроде упырей, гулей, выморхов и прочих. Потому что последние двигаются раз в двадцать быстрее первых и имеют большую склонность к убийству магов, в отличие от поднятых мертвых, которые всего лишь хотят выгрызть твой мозг и прочее.

— Милада? — позвала мама.

К слову, лекция читалась как раз таки на этом самом поднятом кладбище, где мы все сидели, забившись в древний склеп, и жадно внимали профессору, потому что слушать его было гораздо приятнее, чем скрежет когтей гулей по стенам и их же яростный вой, когда они осознали, что столь вкусная добыча остается в полной недосягаемости. К моменту как появились, наконец, профессора и магистр Аттинур, гули успели разобрать родовой склеп герцогов Верийских наполовину, по поводу чего ректор впоследствии имел неприятный разговор с королем, а мы навсегда запомнили, что три ржавых ножа в девятой от входа безымянной могиле — это не к добру, даже если повсюду валяются черепки разбитых горшков, а посуда, как всем известно, разбивается исключительно к счастью.

— Ты о чем задумалась? — спросил Хатор.

— О кладбище, — отмахнулась я.

И снова принялась есть, пытаюсь понять, с чего я вообще вспомнила об

этом кладбище. И о лекции. И о том, что «очень часто проблема заключается в том, что мы игнорируем степень ее опасности».

— О каком это кладбище? — встревожилась бабушка Осаи.

— На первом курсе был практикум по некромантике, — все так же отстраненно ответила я.

Просто не могла понять, почему вдруг появилось нехорошее предчувствие. Очень нехорошее. Просто появилось, и все. Откуда?

— Тебя если что тревожит, ты скажи, — неожиданно серьезно произнес древний.

— Не знаю, что тревожит, — честно призналась я. — Мысль какая-то промелькнула сейчас, как бы намеком, я все не могу понять какая. И кладбище это с чего вдруг вспомнилось? Может, потому, что у ректора Валентайна никто студентов на растерзание гулям не бросает? Но в таком случае воспоминание должно было бы вызвать спокойствие, а мне, напротив, тревожно стало.

Моя новая семья промолчала, давая мне возможность продолжить, но продолжать было нечем и не о чем. Я сама не могла понять, откуда вдруг такая тревожность нахлынула.

— Так, значит, мантия на завтра нужна? — спросила мама. — И платье?

Я кивнула, все еще раздумывая о своем.

* * *

Ночью мне приснился Призрачный ямщик. Он устроился почему-то на ступеньках возле трона, а рядом с ним, угрюмо сгорбившись, сидел наш король Умарх Третий, с криво повисшей на лысой голове короной, и жаловался, жаловался, жаловался призраку. Ямщик понуро слушал, но, судя по выражению его призрачного лица, уже очень хотел сменить место обитания.

— Такой человек был, ты понимаешь — такой человек, — жаловался король. — И такая смерть... По кускам привезли. Представляешь? По кускам.

— Да, хороший был мужик, — замогильным голосом подтвердил призрак.

— И по кускам... — Король всхлипнул. — И кто, вот скажи мне?

— Так псы эти призрачные, намердны вам донесение было, — напомнил Ямщик.

— Псы! — король горько усмехнулся. — Псы хоть и животные, а перепись провели, налоги исправно платят, территорию проживания обозначили, под королевскую присягу пошли. А ты говоришь, псы! Не могли грассы, я с их вожакom в шахи тут вот, прямо тут играл, и знаешь что — Ухр выиграл. У меня. Пес! Представляешь?!

Помолчал и добавил понуро:

— Не могли грассы... Кто-то из своих это был, кто-то из магов, как не сам Воронир. Я ж не дурак, я же, знаешь, задом чую, проворачивают что-то. За моей спиной проворачивают. Сам посуди — пограничная застава на южном тракте выгорела дотла — ни записей, ни людей не осталось. А ведь до того десятник Тессорду прислал сообщение: «Магов сюда, срочно!» Значит, случилось что-то, что-то гиблое, иначе к Энроэ сообщение бы пошло. Дальше смотри. — Король, забывшись, хотел ударить по колену собеседника, привлекая внимание, но рука прошла насквозь. Умарх крикнул досадливо и продолжил: — Тессорд и маги его где были убиты? В четырех верстах от начала государева пути. А значит, они на пограничной заставе, почитай, полдня провели — что там было? Что нашли? Почему ни вороны, ни почтовые голуби не долетают?! А я тебе скажу — маги скрывают что-то!

Король растер лицо ладонями, пальцы с кольцами запутались в бороде, он их с трудом высвободил и продолжил:

— Я как на печи раскаленной сию, веришь? С одной стороны, рвут на части эльфы, наши-то грабят их, то территорию Заповедного леса пересекли, то еще что! С другой — хутары эти! Вот ты мне скажи — что произошло? Договор был? Был! С атаманом по рукам ударили, сам ездил, лично. А тут вдруг раз — и нет хутарской княжны? Где, куда, как? Атаман Костицкий все договоренности разорвал, заявил: «С государством, полным мертвяков, дел иметь не будем», и всем посольством назад вернулись, и даже княжну, заметь, искать не стали, стало быть, сами они ее и спрятали. А мне как теперь? Двое надежных людей было — Энроэ и Тессорд. Мага больше нет, а Энроэ...

— Совсем помешался? — участливо спросил призрак.

— Совсем, — уныло подтвердил король. — Сам видишь — второй заговор у нас, а этот за девкой своей по всему Горлумскому лесу мотается.

Раздался тихий стук, приоткрылась дверь, и вошел мужчина, которого я уже знала: тот, который изменил мое вино на ужине с лордом Энроэ и предупредил про лес.

— Торн? — вскинулся король. — Чего тебе?

Вошедший прикрыл за собой дверь и сообщил:

— Нашли еще четыре кольца.

Умарх Третий, глухо и с отчаянием простонав, спросил:

— Тоже замаскированные под перстни с камнем Правды?

— Нет, — сухо ответил Торн. — Два были обручальными, один перстень с изумрудом, последнее с неприметным топазом. Идентифицировались как простые украшения, но реакция у подопытных заключенных одна — проявление крайней агрессии. Опасное даже у простых людей.

Король посмотрел на Торна, затем на свои руки и начал остервенело срывать кольца. Все.

— Указ о запрете ношения украшений уже готов, — сказал Торн.

— Неси, — глухо отозвался правитель Любережи, — подпишу.

И я проснулась.

* * *

Некоторое время просто лежала, глядя в потолок и потрясенно думая о том, что только что увидела и услышала.

Итак — король узнал о гибели магистра Тессорда. При воспоминании о боевом маге и его жуткой смерти на глаза наворачивались слезы... Смахнула, не задумываясь, потому что подумать было о чем. К примеру, о том, что, похоже, информация о мертвых деревнях теперь имела только у меня. Причем действительно у меня — плащ к концу нашего семейного чаепития принес Зэрнур, карта была в кармане. Но сейчас, после увиденного, я сидела и думала — а кому ее отдать?! Королю, от которого, похоже, скрывают факт того, что население его королевства практически уничтожают мертвяки, или магистру Аттинуру... и неизвестно, что тогда с картой будет дальше.

И что мне делать?!

Я села, затем соскользнула с постели, стараясь не произвести ни малейшего шума.

Осторожно подошла к окну, приоткрыла деревянные створки — на дворе была ночь. Время где-то около двух-трех, самое темное время. Неудивительно, что я увидела во сне Призрачного ямщика — это время его силы, вот он и передал свое видение мне через такое расстояние. Словно предупредить хотел. О чем? Видимо, о том, что лорд-дознатель Энроэ меня ищет. Но сейчас совсем другое взволновало.

Абсолютно другое.

Постояв несколько минут возле окна, я мысленно прикинула возраст дома бабушки Осаи. По всему выходило, лет триста, не меньше. Значит, мне не подойдет.

Опасливо магической вспышкой зажгла фитилек оставленного мне мамой фонарика, разместила его на столе, приоткрыв ту створку, которая бросала свет на нужную мне сторону стола.

Карту перерисовывала долго.

У меня на это ушло около часа, не меньше, но в итоге карт теперь было две, а это уже проще.

Закончив, затушила фонарик, взяла копию карты, вернула оригинал обратно в карман плаща, накинула халат на плечи, шелковый, такой же приятный на ощупь, как и ночная рубашка, которую мне мама дала, и, обувшись в домашние туфли, осторожно выскользнула из комнаты.

По счастью, дверь даже не скрипнула.

Бесшумно пройдя по открытой террасе и спустившись по лестнице, я обнаружила дверь.

Закрытую на внушительный засов входную дверь.

То, что открыть его я едва ли смогу, стало ясно с первого взгляда.

Немного поразмыслив, прошла к окну, практически не дыша, открыла, взобралась на подоконник и спрыгнула в сад. А дальше оставалось самое в принципе сложное — отсчитать как минимум четыреста шагов от дома и надеяться, что я не упрусь во время своего отсчета в высокий забор.

Тем обиднее было уткнуться носом в белый камень ограды на триста девяносто четвертом шаге.

Очень обидно.

Теоретически призвание духа можно было бы попробовать провести и здесь, но на практике у старых домов, особенно вот таких, с многовековой историей одной семьи, собственная аура давала сильные искажения — это как минимум, а как максимум — у них имелся дух-хранитель. И что-то мне подсказывало, что у дома бабушки Осаи он непременно тоже есть. А вызывать одного призрака на исконной территории другого — верх глупости, обыкновенно приводящей к смерти вызывателя, причем довольно мучительной.

Собственно, поэтому в свое время некоторые маги в Любережи настаивали на том, чтобы на дымоходе или же торце каждого дома указывалась дата его строительства. Правда, находились и такие, которые предлагали вместо года писать что-то вроде: «Осторожно, злой дух-хранитель», но инициативу не поддерживали, потому что обязательно появлялись умники, добавляющие к этой надписи что-то вроде: «А хозяева

так вообще звери», или «И кот-убийца», и это помимо личных оценочных высказываний о проживающих в домах людях.

Но это была лирика, а вот тот факт, что мне придется лезть через стену, стоял передо мной со всей очевидностью этой стены.

Безуспешно прошла к воротам — на них висел амбарный замок. Зачем вешать замок на ворота там, где все население вполне способно летать, для меня оставалось загадкой. К сожалению, неразрешимой, потому что калитка тоже оказалась заперта.

И тут позади прозвучало:

— Твоя мама так ко мне на свидания бегала.

Испуганно оглянувшись, с облегчением выдохнула, увидев Хатора. Папа постоял, светящимися в темноте, как и у всех драконов, глазами разглядывая меня, затем прямо спросил:

— В чем дело?

— Мм-м... — нервно проговорила я, думая, что вообще можно сказать в такой ситуации.

— То, что это не попытка сбежать на свидание, я уже понял, — посмеиваясь, сообщил дракон.

— А как? — не удержалась я от вопроса.

— К любимым драконам обычно бегают как минимум причесавшись, а не с вороньим гнездом на голове, — очень резонно заметил папа.

Судорожно пригладила волосы и сообщила:

— Просто не хотела никого будить. А ключи от калитки у кого?

— А зачем тебе выходить за ворота? — задал вопрос родитель, который в принципе имел полное право задавать такие вопросы.

Тяжело вздохнув, честно призналась:

— Перед тем как попасть в Долину драконов, я проходила практикум по Призрачным явлениям. И немного... помогла одному призраку.

— А надо было? — поинтересовался папа.

— По заданию требовалось его немного убить, — неловко ответила я.

— Поступок в твоём духе, — пожал плечами папа. — Дальше.

Стянув полы халата и потуже завязав пояс, нехотя продолжила:

— Дальше, в результате ритуала открепления его от места базирования у нас образовалась некоторая связь. Она непрочная и способна иницироваться только Призрачным ямщиком, который уже несколько раз показывал мне некоторые события, которые считал для меня важными или способными предупредить, в смысле, мне как-то помочь. Одно из событий он показал сейчас. Но лорд Энроэ для меня не представляет никакой опасности, а вот история с кольцами... и тот факт, что королю до сих пор

неизвестно о гибели жителей стольких деревень в Горлумском лесу, меня волнует, и очень. Вот я и хотела отойти подальше от дома, чтобы, не потревожив его духа-хранителя, связаться с Призрачным ямщиком и... — Я запнулась и понуро продолжила: — И по обстоятельствам.

Хатор внимательно смотрел на меня несколько секунд, потом подошел и, сдвинув в сторону, просто открыл калитку ключом, который из кармана достал.

И, выйдя первым на улицу, спросил:

— Так, значит, тебе нужно место, где не стояли дома, нет захоронений и не живут духи?

— Да, — неуверенно ответила я, выходя за ним.

— Идем, — папа протянул руку, — есть тут одно местечко, Эмали для медитаций и призывания ветра использует постоянно. Думаю, самое то, что тебе нужно.

Честно говоря, я даже и не пыталась возражать против присутствия дракона, с папой ночью на темной улице было гораздо спокойнее, и чувство безопасности окутывало, как теплым пледом.

— Знаешь, забавно, — заговорил Хатор спустя некоторое время, — мы с твоей мамой не маги. Ну, в смысле, как — я немного владею, но скорее на уровне интуиции, чем в плане способности менять материю, а вот дочери обе с сильными магическими данными. Знаешь, как мы гордились, когда Эмали первая прошла вступительные испытания и поступила в Академию Ветра? Я, наверное, год каждому встречному гордо рассказывал, что у меня дочь маг. А потом, как-то неожиданно, периодически таская у старшей учебники, и Ирида поступила. Мы с твоей мамой сочли это благословением древних, не меньше. Я думал, гордиться своей семьей больше, чем уже горжусь, невозможно, но вот у нас появилась третья дочка... и тоже маг. Кто бы мог подумать!

Не знаю, кто и как, но мне так приятно стало и так тепло на душе.

И тут Хатор остановился, указал на дерево впереди, возле которого, судя по доносящемуся журчащему звуку, протекал ручей, и спросил:

— Подойдет?

Я, несмело отпустив его большую крепкую и такую по-отцовски надежную ладонь, осторожно прошла вперед, как-то интуитивно переступив ручей, и, присев, коснулась земли. Пальцы кольнуло сотнями иголок отозвавшейся мгновенно магии.

— Здесь источник! — потрясенно прошептала я.

— Ну да, ручей, — подтвердил Хатор.

— Нет. — Я закрыла глаза, призвав иное зрение, и с удивлением

увидела то, о чем нам только рассказывали. — Это магический источник. Чистый магический источник! На территории человеческих королевств таких уже не осталось... Да я вообще не знаю, где они еще есть! А тут...

Магия заструилась от земли, обвивая руку.

— М-м-милада, доча, — напряженно позвал Хатор.

Открыла глаза и удивленно посмотрела на голубой, сверкающий и светящийся, подобный воде, всплеск, ласковым прикосновением обвивший мою ладонь и поднимающийся выше, до самого локтя.

— Триединый!.. — потрясенно выдохнула.

Магия! Чистейшая природная магия! Одной капли которой было достаточно, чтобы создать все тайные тропы разом! Хранимая эльфийскими друидами в священных сосудах и оберегаемая пуще всего Средиземья! Магия, доверчиво ластящаяся ко мне, как котенок...

— Эмали с детства любила это место? — вдруг догадалась я.

— Да. — Хатор, все такой же напряженный, сел на камень рядом. — Ее любимое дерево, всегда прибегала сюда, когда мы к бабушке приезжали. Ирида, как подросла, тоже вечно с ней сюда приходила. А эта штука здесь всегда была?! — Тревога отчетливо прозвучала в его вопросе.

Я улыбнулась. Магия продолжала ластиться к моей ладони, действительно как котенок, и я осторожно погладила в ответ, что вызвало яркий радостный всплеск по земле в радиусе метров пяти вокруг, а затем сияние вновь сосредоточилось под моей рукой. Словно источник очень соскучился по ласке и теперь был рад компании, и это было удивительно. Одушевленный, практически живой, игривый и настолько открытый, что наполнял меня энергией, хотя я, напротив, пыталась не взять ни капли... И тут я поняла, каким образом магический дар пробудился в Эмали и Ириде — они просто обе очень добрые, как и их родители... Они, видимо, играли с источником.

— Источник? Не знаю, — отозвалась на вопрос Хатора, — он небольшой... хотя мне судить сложно, источников ведь уже практически нет, но, возможно, он или пробудился, или просто часть от большего, потому что ведет себя... — я снова погладила маленькую синюю магическую с любопытством разглядывающую меня волну, — как малыш.

Хатор помолчал, а затем вдруг изумленно произнес:

— Киса — первое слово, которое сказали и Эмали, и Ирида!

Помолчал, затем добавил:

— Но я никогда не видел это здесь.

— А днем его не видно, — прошептала я. — Это как зажженный спирт, в ярком свете практически не заметно его горение.

Магический источник хотелось обнять, прижать к себе действительно как котенка, но время торопило. Я еще раз погладила это невероятно как сохранившееся чудо и, поднявшись, сказала:

— Это место не подойдет. Источник очень чувствителен к призрачным явлениям и в целом к магии, просто не хочу рисковать и вызвать в нем хоть какие-то изменения.

И, с сожалением оглянувшись на чистейшую магию в последний раз, я решительно перешагнула ручей и подошла к Хатору. Дракон, задумчиво окинув взглядом кинувшийся за мной сгусток магии, который, похоже, не мог пересечь ручей, а потому остановился на его границе, тяжело поднявшись с камня, повел меня дальше.

Я выбрала место между трех старых деревьев, древних, сильных и могучих, которые, если что, сумеют сдержать любые искажения. Попросила папу не подходить ближе, чем на десять шагов, отломала палочку от ближайшего валежника, и начала рисовать, по капле вливая в рисунок магическую энергию. Круг, в нем еще круг, символ Нэграш, а затем, опустившись на колени перед острием символа, на едином выдохе произнесла: «— Эссаджено!» — заклинание призыва высших призраков.

Мгновенно затошнило, сильно, до рвоты, которую нужно было сдержать любым способом, я и держалась, ощущая себя так, словно была подхвачена сильным течением быстрой горной реки, и теперь меня волокло по дну, болезненно прикладывая о камни.

И ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни вынырнуть нельзя!

Задержав дыхание, сжавшись, я пыталась усидеть на месте, но меня волокло и мотало из стороны в сторону в пределах внутреннего круга. Но страшно было не от этого, и я не испугалась, даже когда заметила среди валунов той призрачной реки, что несла меня сейчас сильным течением, нескольких сияющих фиолетовых змей, что тянулись ко мне, словно чуяли, словно помнили, что получили приказ и право на мое убийство. Я ужасно боялась, что вмешается Хатор. Поэтому изо всех сил сдерживала крик при особо сильных ударах.

Но еще всего несколько мгновений, и я распахнула руки навстречу свободному падению, едва призрачная река исторгла меня над столицей Любережи.

Падать было приятно и не больно. Я чувствовала, как ветер развеивает мои волосы, и, кажется, потеряла халат, но летела, летела и летела, отдавшись во власть воздушного потока, ровно до того, как разглядела крыши домов.

— Таэ... — полустон, полувыдох, и я замираю над городом, в

нескольких метрах от смерти.

Вдох — и город становится другим.

Я вижу умерших. Они ходят среди живых, едва ли осознавая свою смерть. Они живут... Они бродят по городу, разговаривают, стоят за прилавками в торговых рядах — они живут. Просто мир — другой. Совсем другой. И я не могу понять, как я в него попала. У меня нет столько сил. Нет таких способностей. Мой резерв на уровне студента-недоучки, я физически не в состоянии попасть сюда. Мой удел — крыши над городом и зов к тому призраку, что требуется.

Но я медленно опускаюсь на каменные плиты центральной площади перед дворцом и не могу понять, что происходит.

И окончательным шоком стало услышанное вдруг:

— Студентка Радович?

Резко обернувшись, я с трудом сдержала крик. Магистр Тессорд четко осознавал, что он мертв. Он осознавал это так ясно, что в отличие от других мертвых, которые по целостности кожного покрова и прочих органов не отличались от живых, представлял собой плохо пригнанные друг к другу куски истерзанной плоти.

— Вы... живы? — голосом, который исходил как изо рта, так и из разорванной глотки, строго спросил он.

— Да, — ответила, уже не будучи до конца уверенной в этом.

И магистр облегченно выдохнул.

— Надеюсь, вы в Медведково, — произнес он голосом, который было так жутко слышать. — Оставайтесь там, слышите? Если я успел, если вы еще не покинули территорий, защищенных жрецами Древуна, — оставайтесь там. Слышите? Вам не дадут добраться до столицы!

Он быстро выговорил все это, затем напрягся и хмуро посмотрел на меня. Я догадывалась, какой вопрос он сейчас задаст, и магистр подтвердил мои предположения, с нескрываемым подозрением спросив:

— А что вы здесь делаете, студентка Радович?

— Я не знаю, — ответила совершенно искренне. — Я использовала заклинание призыва высшего призрачного явления и должна была зависнуть над городом. Я не могу понять, почему опустилась в мир мертвых.

Магистр Тессорд нахмурился, поправил щегольским движением свой изорванный алый плащ и поинтересовался:

— А кого вы позвали?

— Вообще-то меня, — раздалось совсем рядом.

Я повернулась на голос и увидела... монстра. В мире мертвых

Призрачный ямщик предстал огромным, метра три, совершенно жутким созданием с покрытой черными шипами головой, черным же телом, огромными мускулистыми руками с гнутыми когтями и совершенно пугающим оскалом многоярусных зубов.

— Сам в ужасе, — признался он. — Это вообще со мной надолго?

— Я не знаю... — голос как-то резко сел.

Потом пришла жуткая мысль, что я тоже видоизменилась. С ужасом посмотрела на свои руки и заметила, насколько тоньше они стали. Я и так полненькой не была, но сейчас стремительно теряла вес — мир мертвых безжалостно брал плату.

— Тебе пора валить! — резонно произнес Призрачный ямщик.

— Призрак совершенно прав, студентка Радович, — поддержал его магистр Тессорд. — Мне многое нужно было бы вам сказать, но, боюсь, у вас на это не хватит жизненных сил.

Что ж, это я почувствовала — резко закружилась голова, и я поняла, что не дышу. Не дышу больше в мире живых!

— Карта мертвых деревень! — стремительно передала Призрачному ямщику зажатую в кулаке бумагу. — Грассы больше не нападут, они теперь подконтрольны Владыке Драконьей долины. За убийством магистра Тессорда и остальных стоит Воронир.

И из последних сил:

— Ассэнтаран! — заклинание возврата.

Заклинание, которое должно было перекинуть меня обратно в реку времени, чтобы вернуть в мое тело, в мою жизнь, в мир живых.

Заклинание, которое не сработало...

— Ассэнтаран... — прошептала я, чувствуя, что теряю власть над собственной магией.

И подумала, что все.

Это все.

Я останусь тут навечно. Или растворюсь, как бывает с теми, кто неосторожно ступил в мир мертвых.

— В карте отчет, — прошептала я, говорить уже не могла, — там... о мертвых... мертвяках... купцы...

И в тот миг, когда черная воронка смерти уже была готова поглотить меня, мир мертвых вдруг распахнул глаза и взглянул на меня очень знакомым зелено-серебристым безумно злым взглядом.

И меня отшвырнуло от земли так, словно я была мячиком, который ударили с невероятной силой! И надвигающееся небо, и удаляющаяся столица Любережи, и река времени, и улепетывающие фиолетовые змеи —

все пронеслось так, словно это был калейдоскоп стремительно сменяющих друг друга картинок, но сквозь них я все время видела взгляд, который, казалось, прожигал насквозь!

А в следующий миг я сделала судорожный вздох, потрясенно оглядываясь и отмечая краем сознания пылающую золотым пламенем поляну, два полыхающих изумрудным огнем круга, ранее нарисованных мной, сожженный этим зеленым огнем дотла символ Нэграш, стоящую вне пламени перепутанную Камали, которую удерживал бледный Хатор, находящихся также вне поляны боевых драконов, и только в конце я вдруг поняла, что вишу, не касаясь ногами земли, буквально схваченная за горло взбешенным до такой степени, что на его руке проступила черная чешуя, Ирэнарном.

— С возвращением! — практически прорычал он.

Внезапно поняла, что светает! Действительно светает, над деревьями уже показались лучи пробивающегося из-за горизонта солнца. Сколько часов я провела в мире мертвых?! Но мысли об этом улетучились, едва я поняла еще и то, что на Главнокомандующем нет ничего, кроме свободных штанов, поэтому, собственно, и увидела чешую на его руках.

— Я лег спать первый раз за трое суток! — все основательнее теряя человеческий облик, прорычал Ирэнарн.

— Я... я не знаю, что произошло, — просипела, схватившись за его запястье и пытаюсь хоть как-то ослабить хватку. — Я проводила ритуал призыва призраков раз десять, если не больше. У меня высший бал по этой технике, я просто не понимаю.

Ирэнарн молча разжал ладонь.

И я бы рухнула на землю, не придержи он меня, прижав к себе. Сердце правящего дракона билось быстро, неистово, сильно, словно хотело вовсе вырваться из грудной клетки, и как зверь набрасывалось на прутья ребер.

Несколько секунд, и удары замедлились, стали размеренными и четкими, после чего дракон решительно отстранил меня и, держа за плечо на расстоянии вытянутой руки, хрипло произнес:

— Не знаешь, что произошло? Ножки у тебя... красивые!

Я вдруг вспомнила, как улетел мой халат, и отчётливо осознала, что на мне сейчас короткая ночная рубашка до талии, и ниже короткие ночные шелковые шорты. Стремительно краснея, в ужасе глянула на свои голые ноги и замерла.

На левом бедре, чернея пятнами яда, виднелся змеиный укус.

— Тебя подвергли заклинанию Аградоно, — четко проговаривая каждый слог, хриплым от ярости голосом произнес Ирэнарн. — Ты

прекрасно видела призванных Ворониром змей. Ты знала, что они собой представляют. Ты ринулась в мир мертвых, даже на секунду не задумавшись о том, что в нем обитают те, кому уже отдали приказ о твоём убийстве. Знаешь, у меня появились небезосновательные сомнения в твоих умственных способностях!

У меня в моих... нет. Заклинание было разрушено Ирэнарном, разрушено... Я не допустила даже мысли, что угроза сохраняется, пусть даже при переходе на уровень мира мертвых. Я просто не знала.

— Что? — глядя в мои растерянные глаза, зло спросил Черный дракон.

— Я... не знала, — тихо прошептала в ответ.

А в следующее мгновение на меня вдруг резко и неудержимо навалилась темнота!

* * *

Это, наверное, был не сон. Просто потому что не мог быть сном.

— Ну и рожа, — произнес кто-то хорошо поставленным властным голосом.

Я растерянно посмотрела на короля, который все так же продолжал сидеть на ступеньках у трона и взирал на Призрачного ямщика, который оставался все таким же... черным и шипастым. Но ладно это — за ним, с трудом делая каждый шаг, шел магистр Тессорд!

И король, увидев его, растерянно поднялся.

— Тес... — голос Умарха Третьего оборвался.

Магистр же, распрямив плечи, уверенно подошел и протянул призрачную руку. От нее отвалился палец с тем самым кольцом, которое на государственной дороге привлекло мое внимание. Все проследили за ним взглядом, после чего, король все же пожал призрачную руку, а ямщик нагнулся, поднял палец, молча и невозмутимо вернул его магистру.

Маг так же невозмутимо прилепил палец обратно и сообщил:

— Маги-ренегаты начали уничтожение деревень в Горлумском лесу. На данный момент благодаря одному прелестному созданию, — он указал кивком на меня, — мы имеем четкую и подробную карту уничтоженных деревень северной стороны леса.

Король потрясенно повернул голову, посмотрел сквозь меня, снова повернулся к магистру и севшим голосом переспросил:

— Какому прелестному созданию?

— Она просто жива, поэтому вы ее не видите, — вставил ямщик.

— Карта, — произнес магистр Тессорд, передавая клочок бумаги.

Король, взяв переданное, развернул бумагу, просмотрел и пошатнулся. Затем прошел к ступеням, сел обратно на них, а не на трон, и начал читать. Я переписала всё: все события, все замечания, сообщения о мертвяках, всё, что было записано за время путешествия.

— Это война, — спустя несколько минут обреченно произнес Умарх Третий. — Война на уничтожение. Они нас уничтожают.

— Это то, что я говорил вам уже много лет. То, о чем говорил магистр Аттинур, — платное обучение магов лишает нас боеспособной магической армии! Это...

* * *

Очнулась от боли. Болели одновременно бедро и левая рука, вся, от запястья до предплечья.

Но одно прикосновение — и боль прошла, словно ее и не было, осталось чувство легкого жжения, там, где был укус призрачной змеи.

— Забавно, — раздался голос у самого виска, — брачная татуировка не исчезла. Скрылась на время и вот проявилась снова.

Я очень медленно открыла глаза...

И тут же их зажмурила до боли!

Открыла снова, огляделась...

Мы лежали в озере. На песчаном берегу. Я просто лежала. Ирэнарн, подложив мне руку под голову, устроился на боку, нежно глядя меня по щеке и руке. Одно это уже пугало и вызывало шок. Но гораздо большим был другой — озеро, в котором мы частично находились... было не из воды. На нас плавно накатывали и вновь откатывались в озеро волны чистой магии.

Быстро оглядевшись, поняла, что это пещера, огромная, теряющаяся в темноте пещера, внизу которой было вот это озеро чистой магии!

— Да, было несколько сложно убедить Хатора, что тебе нужно гораздо больше магии, чем есть у источника, который, как оказалось, обладает особым отношением к его дочерям, — задумчиво сообщил Черный дракон, и его рука соскользнула со щеки на шею.

Вздвигнув, посмотрела на Ирэнарна и искренне поразились его глазам — продолговатый зрачок значительно увеличивался, из-за чего глаза казались почти черными.

— В целом, — хрипло продолжил Главнокомандующий, — очень

странное явление, но говорит определенно в пользу тебя и твоих сестер.

Пальцы, лаская кожу, соскользнули еще ниже.

— Что вы делаете? — испуганно прошептала я.

— Я бы не стал на твоём месте акцентировать внимание на моих действиях, — странно ответил Ирэнарн.

Я бы, может, и не стала, но до меня запоздало дошел тот факт, что прикосновения дракона ощущаются не через ткань. И хватило одного взгляда, чтобы понять — ночной рубашки на мне не было!

— Да, я все снял, — спокойно подтвердил мои худшие опасения Ирэнарн. И практически издевательски добавил: — Но можешь высказать искреннюю благодарность за то, что я одет.

Та часть тела дракона, что находилась на виду, ни клочка одежды не содержала!

— По крайней мере я в брюках, — сообщил дракон в ответ на мой возмущенный взгляд.

— А я нет?! — воскликнула, вспомнив о шортах.

Вместо вменяемого чего-либо на губах Ирэнарна появилась странная, мало объясняющая что-то улыбка.

Совершенно потрясенная, я провела ладонью вниз по телу и застыла, осознав, что он действительно снял все. Абсолютно! Вообще!

— Очень провокационный жест, — хрипло и сдавленно выдохнул дракон, скользнув пальцами по моей руке, исключительно по моей руке, но в самый низ.

Я дышать перестала, осознавая, где сейчас находятся пальцы дракона, которые все еще располагались на моей ладони, которая... я даже не хочу думать о том, что прикрывала.

Резко сжав колени до боли в дрожащих мышцах, я практически взмолилась:

— Не надо меня трогать!

Ирэнарн навис надо мной и, глядя в глаза потемневшим нечеловеческим взглядом, все так же хрипло, но совершенно непреклонно, прошептал:

— Я осторожно. Очень-очень осторожно...

— Нет! — Меня начала бить мелкая дрожь.

— Нет? — Пальцы соскользнули на бедро, нежно, но как-то очень чувствительно, так что бьющая меня мелкая дрожь мгновенно перешла в крупную, прошла по коже в ограниченном стиснутыми коленями пространстве, и дракон властно и уверенно накрыл мою руку всей своей широкой ладонью и, почти касаясь моих губ, прошептал: — Но ты же себя

трогаешь. И я бы даже сказал — вполне нескромно.

Я была потрясена настолько, что первым порывом было отдернуть руку, и я даже было дернулась, но торжествующий блеск в глазах дракона остановил мгновенно.

— Вы! — Я возмущенно приподнялась и тут же резко обратно опустилась в магические волны, потому что они сейчас были единственным, что вообще меня хоть как-то прикрывало.

— Я... — Ирэнарн вновь склонился к моим губам, легко прикоснулся скользящим движением и прошептал: — Ничего плохого не делаю... Пока не делаю.

Внезапно окружающая нас магия всплеснулась, полукруглой стеной закрывая от входа, и почти сразу оттуда донеслось:

— Ир-хан Главнокомандующий, нашли.

Черный дракон замер, словно что-то обдумывая, на его скулах отчетливо проступили дернувшиеся желваки. Быстрый взгляд на меня... медленный и не без удовольствия ниже моего лица и еще ниже, едва я быстрым движением прикрыла грудь.

— Не вовремя, — хрипло, и только для меня, прошептал дракон.

— Не приближаться к месту обнаружения трупа! — уже громко и не мне.

— А... — отозвался невидимый вестник. — Откуда вы знаете, что труп?

Отвечать Ирэнарн не стал.

Вспышка.

И меня окружила самая настоящая уже обычная вода, а из полумрака донеслось:

— Закончишь купаться, поднимайся наверх и ложись спать. Разбужу, когда вернусь, нас сегодня Валентайн ждет. Не скучай.

И дракон взлетел по ступеням вверх, на ходу вытираясь полотенцем.

Я осталась сидеть в уже знакомой круглой ванне, все так же судорожно прикрываясь и пытаюсь понять, что вообще произошло. И что это было? И почему я не в доме бабушки Осаи? И учитывая, что ванна мне знакома, сходу стало ясно, что это Крепость! И как долго мне в ней находиться?! И что мне делать?!

Паника усиливалась с каждой новой мыслью, а на бедре, едва я подтянула колени к подбородку, стали явно видны две царапины от змеиного укуса.

— И да — я тебя раздел, чтобы проверить, нет ли еще укусов, — донеслось сверху. — Страж не был уверен, что пропустил только один.

Я застыла. Потом осторожно скосила взгляд на цепочку с пастью дракона. На данный момент пасть оказалась закрыта.

Шум шагов сбежавшего вниз Главнокомандующего, и, стремительно подойдя, Черный дракон, сев на край ванны и застегивая странного вида кроваво-красные запонки, зло высказал:

— Мне очень не понравился тот факт, что к ритуалу призыва высшего призрака ты отнеслась столь же легкомысленно, как, к примеру, Хатор к замесу теста для сдобы.

Кажется, тот факт, что я абсолютно раздетая сижу в воде, смущал только меня.

И все же я резонно возразила:

— Я — маг. Для меня подобные ритуалы такие же рутинные, как для папы замес теста!

— Ты недоучка, — не скрывая скепсиса в отношении моего владения магией, высказался Правящий дракон. — Причем не просто недоучка, а студент, которого НАМЕРЕННО паршиво учили, и тебе об этом известно.

Он взглянул на меня, а затем, вновь вернувшись к застегиванию запонок уже на правой руке, продолжил:

— Для погружения в реку времени неизменно устанавливается заклинание-хронометр. Любое, но устанавливается. Потому что потусторонний мир имеет иное течение времени, и тебе об этом известно. Я так полагаю, что всем в вашем гнилом учебном заведении известно об этом, но что-то мне подсказывает, что ни ты, ни другие студенты не в состоянии поставить магический счетчик реального времени, даже простейший.

Закончив с застежками, Ирэнарн сложил руки на груди и продолжил, пристально глядя на меня:

— И чтобы ты тут морально не терзалась по поводу того, как я тебя раздевал и что видел, пожалуй, мне стоит рассказать тебе о том, чего ты не знаешь. К примеру, о том, что Хатор, увидевший нападение на тебя призрачных змей, пробуждение Стража наири и вмешательство Этарана, приставленного к тебе боевого дракона, который с ходу просчитал, что Страж наири не справится, помчался в родовой дом за древним. Еще, пожалуй, тебе стоит знать, что Асур-Ррат в принципе был не способен что-либо сделать — он еще не полностью вернулся в мир живых, чтобы рисковать даже частичным погружением в мир мертвых. И все, чем он мог помочь, — отправиться за мной, потому что Этаран не способен отправить мне зов из пограничного состояния, да в принципе никто не способен. Таким образом, когда я появился, ты находилась в мире мертвых больше

двух часов. Больше двух часов!

Зеленые глаза сверкнули расплавленным серебром.

— К тому моменту как я тебя вытащил, Страж купировал яд в месте укуса, и на это ушли последние крохи оставшихся у него сил. К слову — Этаран сейчас лежал в соседней с нами пещере в таком же источнике. Впрочем, он и продолжает там лежать, и для восстановления ему потребуется несколько дней. Но это мелочи. Хуже было, когда ты, уже возвращенная в мир живых, внезапно потеряла сознание. Еще хуже — срывать с тебя одежду и с ужасом ожидать обнаружения еще одного укуса на твоём теле!

И, резко поднявшись, Ирэнарн направился к лестнице, но, не дойдя, остановился, постоял мгновение, затем развернулся и, глядя на меня, холодно произнес:

— Наири — это сердце дракона. Именно поэтому наири скрывают от всех, кроме доверенных. Исключительно по этой причине наири представляют своим кровным ир-ханам — с момента представления они обязаны защищать твою жизнь ценой собственной. И у наири нет свободы лишь по той причине, что только идиот может разрезать свою грудную клетку, вынуть оттуда сердце и отправить его гулять на свежем воздухе!

И он поднялся по лестнице, чтобы уже окончательно уйти.

Я осталась сидеть, потрясенно глядя в воду перед собой.

В голове не укладывалось.

Ничего не укладывалось. Есть вещи, которые просто физически невозможно воспринять, но я вспомнила светлеющее небо, Хатора и Камали, стоящих вне круга, пылающее вокруг пламя и то жуткое чувство полного погружения в мир мертвых, которое ранее никогда не испытывала. Никогда. Хотя не раз работала с этим ритуалом, и на практикумах, и в лабораторных условиях, и самостоятельно. Но в одном Ирэнарн был прав — мы все знали, что долгое пребывание как в реке времени, так и в пограничном состоянии опасно... и мы действительно не умели ставить даже простейший счетчик времени... И, если так подумать, момент гибели в потустороннем мире был лишь делом времени...

Вопрос, на кого нас обучали в Университете Магии, становился все более волнующим!

Но при этом слова профессора Нарски и сказанное магистром Тессордом: «Это то, что я говорил вам уже много лет. То, о чем говорил магистр Аттинур, — платное обучение магов лишает нас боеспособной магической армии!»... И я уже ничего не понимала.

Еще было безумно стыдно перед папой — страшно даже подумать, что

пережил он и насколько виноватым себя считает. И было очень жаль того дракона, который несколько часов сражался за мою жизнь. На фоне всего этого информация о том, что боевые драконы используют природные магические источники как ванны свободной силы для восстановления, в то время как эльфийские друиды молятся на каждую каплю, просто не имел значения.

Уже вообще мало что имело значение.

Я подняла руку, осмотрела ее и поняла, что и кость, и кожа вернулись в прежнее состояние. Значит, природный магический источник восстановил и меня. С другой стороны, иначе Ирэнарн не притащил бы меня в него... Вот только все, что в источнике произошло, вызывало не просто смущение, дышать тяжело стало!

Но затем я еще раз глянула на свою руку, и до меня дошло очевидное — после пребывания в мире мертвых отощали не только ладони и запястья. И что-то мне подсказывает, что Черный дракон рассказал не все, о чем мне «полагалось бы» знать. Он, к примеру, не сказал ни слова о том, что, вероятно, раздев меня, обнаружил не девушку, а великолепный образец для изучения человеческой анатомии... Скелет, в смысле. И стало ясно, почему я пребывала в природной магии по самую шею.

И учитывая все это, единственным оставшимся вопросом было — в источнике меня домогались или это было своеобразной моральной поркой?!

Выбравшись из воды и закутавшись в полотенце, я решила, что вот о последнем как-то спокойнее будет просто не думать. Не думать, и все. Или подумать завтра. Или послезавтра. А лучше всего совсем никогда.

* * *

Поднявшись наверх, ничуть не удивилась, обнаружив спальню Ирэнарна. Это была точно его спальня, но в отличие от прошлого раза она оказалась больше значительно, камин здесь другой поставили, в углу установили зеркало во весь драконий рост. Кровать была прежняя, правда с другим балдахином.

Из новых предметов мебели обнаружился шкаф во всю стену, которая шла напротив оконной стены, и этот шкаф жил своей странной жизнью. В нем что-то шуршало и перемещалось, в него, поднимаясь с кровати, улетали какие-то вещи, и в целом шкаф не внушал мне никакого доверия. Тем удивительнее было осознать, что взлетающие с кровати вещи...

кажется, мои.

Я так даже не поверила сразу, но, когда подошла ближе, увидела, как с кровати, из сваленных в беспорядке вещей, поднимается шелковое синее платье. Мое платье. Я его мерила сегодня... Или не мое, потому что на этом не было приколотой справа броши, которую подарила тетя Аэлли... И вот это платье, поднявшись, подлетело к шкафу, вися во всю длину, а длиной оно было где-то до середины бедра... но именно что было! Потому что в следующий миг длина у платья вдруг увеличилась, затем у него удлинились рукава и максимально поднялся ворот. После чего платье покрутилось вокруг своей оси, словно его кто-то проверял на профпригодность, и, складываясь на лету, улетело в шкаф.

О том, что я пребываю в шоке, догадалась, только когда полотенце с меня сползло практически полностью. Подхватив ткань, я начала заматываться, и взгляд невольно зацепился за мое изображение в зеркале.

В следующее мгновение я как зачарованная подошла к этому самому зеркалу, разглядывая себя.

Разглядывать было что... Синяк на скуле, обширный и уже заживающий след от удара на груди, ребра, проступившие настолько, словно я не просто голодала, а за всю зиму ничего съесть не удосужилась. На всем лице остались одни глаза... Именно в этот момент я поняла, что никто меня в источнике не домогался точно. Тут нечего было домогаться. Можно было только «обнять и плакать» как говорила госпожа Иванна, притаскивая на кухню очередное отощавшее животное. И это то, что уже имелось после источника... Я искренне порадовалась, что не видела того, что было «до».

Снова замотавшись в полотенце, посмотрела на левую руку — Ирэнарн оказался прав: исчезнувшая было татуировка сейчас оказалась отчетливо видна, будто ее вообще только что нанесли. Черный, поразительно похожий на Главнокомандующего дракон словно обхватил руку и устроил голову на предплечье, прикрыв глаза. Осторожно проведя по нему пальцами, поняла, что на ощупь рисунок ощущался как кожа, просто моя кожа, никаких неровностей, какие бывают при накалывании татуировок, ничего. Только кожа, моя, на которой было вот это.

И тут над моим левым плечом появилось плоское лицо. Не то чтобы я его заметила, просто снова глянула на себя в зеркало, а оно висит!

Чуть не заорала, остановило меня лишь то, что дух, внимательно рассматривая мою татуировку, чуть присвистнул и задумчиво выдал:

— Да, действительно только длинный рукав.

И улетел обратно к шкафу.

Потрясенно обернувшись, я проследила за тем, как дух, а теперь стало очевидно, что вовсе не шкаф, берется за очередное платье. На мой вопросительный взгляд дух отреагировал удивительной информацией:

— У портнихи был, халоне Шаамис, у которой вам, наири Милада, вчера шили все подряд. Взял мерки. За ночь закупил тканей. Тружусь.

Он улетел к шкафу, вернулся оттуда с черной шелковой ночной рубашкой, подлетел и, сказав «старался», нацепил на меня, одновременно утащив полотенце.

Отлетел, перекинув стащенное полотенце через призрачную руку, досадливо покачал головой и сокрушенно произнес:

— Не те мерки. Придется все ушивать.

И улетел обратно в шкаф, одним движением перекинув вещи с кровати туда же и захлопнув дверцы так, словно из-за моего отождания пребывал в жуткой досаде.

Я осталась дрожать в одной шелковой ночной рубашке, которая не теплое полотенце, и в ней было холодно. Особенно стоять на каменном полу.

Неловко потоптавшись, я пошла к постели. Кровать была внушительная, основательная и мощная, в драконьем стиле. И веяло от нее чем-то... вроде ладони Ирэнарна, медленно скользящей вниз по моей руке. И я решила, что даже моим костям лежать в чужой кровати все-таки неприлично.

Подойдя к шкафу, осторожно постучалась.

В ответ — тишина.

Невольно глянула на себя в зеркало — картина стоящей и стучавшейся в шкаф меня говорила явно не в пользу моего психического состояния. Но я все-таки постучалась еще раз.

— Что? — досадливо буркнули оттуда.

— Простите, вы не могли бы помочь мне с одеялом?

Дверца приоткрылась, и из темной щели прозвучало:

— Каким?

— Если можно, то теплым, — попросила я.

Спустя минуту я устроилась в кресле, закутавшись в мягкое, теплое, пуховое одеяло, и заснула, несмотря на все муки совести, чувства стыда, вины и мыслей о том, насколько же страшной видел меня Черный дракон.

Разбудил меня очень странный диалог:

— Я думаю, это кресло не вписывается в интерьер спальни, — очень тихо произнес, кажется, Ирэнарн.

— Напротив! — так же тихо, практически шепотом, возразил дух. — Посмотрите сами, оно идеально подошло ко всей мебельной композиции.

— Я сказал — кресло убрать. Оба кресла. Диван так же. Стулья... В принципе, тоже рисковать не будем.

— Так, а... тогда только одна кровать останется...

— Идеально! — как-то зло произнес Ирэнарн.

И меня кто-то поднял вместе с одеялом. Сонно приоткрыв глаза, увидела, что поднял меня Главнокомандующий, и в сторону кровати несет тоже он.

— А что вы делаете? — хриплым ото сна голосом недоуменно спросила я.

— Станный вопрос, — саркастично ответил дракон. И как-то раздраженно поинтересовался: — Милада, а как ты думаешь, зачем мужчина в принципе может нести женщину в свою постель?

— Определенно вы меня несете не за этим. — Меня жутко клонило в сон, кажется, я засыпала на ходу... в смысле, на весу.

— Серьезно? — Надо мной, кажется, банально издевались. — И откуда столь любопытное мнение?

— Я видела себя в зеркало, — честно призналась дракону.

— Мм-м, — как-то странно отозвался он. Затем остановился и произнес: — Извини, не совсем понял, поэтому и переспрашиваю: ты стояла и рассматривала себя в зеркале?

Распахнув ресницы, мрачно посмотрела на определенно издевающегося дракона.

— И что ты там разглядела? — невозмутимо продолжил он.

— Синяки, царапины и ссадины, — раздраженно ответила я, собираясь потребовать, чтобы меня отпустили.

— О, милая, ты явно куда-то не туда смотрела, — с ухмылкой протянул Ирэнарн, плавно опуская меня на постель. И, нависнув сверху, продолжил: — Иначе непременно заметила бы эти сияющие глазки, эту нежную кожу, — он провел костяшками пальцев по щеке, — эти манящие губы. — И, склонившись к самым губам, дракон прошептал: — Уверена, что мне стоит продолжить?

— Н-н-нет! — запинаясь, выдохнула я.

— Правильно, — улыбнулся Ирэнарн, — я тоже считаю, что давно пора переходить от слов к гораздо более приятным вещам.

Поцелуй был сладким. Настолько сладким, что ладони, которыми я уперлась в грудь нависающего надо мной дракона, пытаюсь оттолкнуть его, почему-то ничего не оттолкнули. Поцелуй был нежным, настолько нежным, что хотелось податься навстречу, чтобы ощутить прикосновение его губ сильнее. И поцелуй был коротким... Потому что в следующее мгновение дракон рывком поднялся, отошел к окну и, упираясь руками в подоконник, тяжело дыша, с какой-то ненавистью посмотрел на Аркалон.

Растерянно прижав одеяло к груди, я села на кровати, не зная, что делать и как вообще...

— Наверное, мне лучше вернуться на кресло, — прошептала я.

— Ты не можешь, — хрипло ответил Ирэнарн.

— Почему? — переспросила я.

— Здесь нет кресла, — нагло солгал дракон.

Я удивленно посмотрела на кресло — кресло удивленно продолжало стоять между вторым и третьим окнами и явно не понимало, что происходит. Ирэнарн, повернув голову, взглянул на меня, проследив за моим взглядом, глянул на кресло... Кресла не стало. Потом не стало второго кресла, трех стульев, дивана. Шкаф спасся — отравив ножки, он живенько ушагал за дверь и ту после себя осторожненько прикрыл.

— Духи, — так, словно это объясняло все случившееся, сказал дракон.

Я... промолчала.

У Ирэнарна мое молчание почему-то вызвало улыбку, он повернулся, прислонился плечом к стене, сложил руки на груди и спросил:

— Будем продолжать или пожалеет город?

— А что с городом? — встревожилась я.

Устало усмехнувшись, Черный дракон, вместо того чтобы ответить, вдруг раздраженно спросил:

— Что за идея спать в кресле?!

Я осторожно слезла с кровати и, кутаясь в одеяло, нервно ответила:

— Вполне логичная, учитывая, насколько неприличным является спать в постели мужчины.

— Seriously? — издевательски переспросил Ирэнарн. — Мне это понимать как то, что ранее ты меня как мужчину не воспринимала в принципе, не так ли? Ведь в моей постели тебе уже спать доводилось, и, насколько я помню, ты не особо была против!

Почему-то я сделала осторожный шаг назад, невольно прикидывая, насколько еще можно отойти, прежде чем там начнется стена.

— И в свете вскрывшейся информации, — продолжил дракон, — мне стало безумно интересно — кем же ты меня считала раньше?

— Д-д-драконом, — отступая еще на шаг, нервно ответила я.

— Драконом в каком смысле? — не удовлетворился ответом... собственно, дракон.

— Драконом, в смысле, крылья, когти, зубы... и едят девственниц... — прошептала я.

И в этот момент в дверь постучали. Затем раздался голос Зэрнура:

— Эльфийку опять принесли.

— Проклятые предки! — тихо выругался Ирэнарн.

А затем вдруг быстрыми шагами пересек комнату, распахнул дверь и спросил:

— Слушай, откуда этот бред про драконов, пожирающих девственниц?

— О! — с готовностью отозвался Бронзовый дракон. — У них под это дело подведена целая научная база! Серьезно. Суть в следующем — детей драконы не жрут из жалости, мужиков — из мужской солидарности, женщин тоже из жалости, по причине того, что любая женщина теоретически или уже является матерью, или беременна — в смысле, там, где секс, там, соответственно, не исключена беременность. Таким образом, по мнению любережских ученых, из-за своей принципиальности драконы едят исключительно девственниц.

Зэрнура я не видела, но у Ирэнарна было такое непередаваемое выражение лица...

— Так что делать с эльфийкой? — снова спросил Бронзовый дракон.

— Посвяти ее в тонкости научных изысканий любережских ученых, — с нескрываемым сарказмом посоветовал Главнокомандующий.

И захлопнул дверь.

— Мм-м, а насколько подробно посвятить? — поинтересовался Зэрнур.

— Отправь ее к первоисточнику!

— А, понял.

И в коридоре раздались его тяжелые удаляющиеся шаги.

Главнокомандующий же, постояв молча, в итоге произнес:

— Что ж, в принципе мы в равных условиях. К примеру, у меня с юности была в распоряжении информация о том, что человеческие женщины продают свое тело за золото, а иногда даже за серебро и медь.

Я открыла было рот... и закрыла. Сказать было нечего, а утверждать, что у нас нет борделей, глупо.

— Еще из поразившей меня информации в справочнике рас было упоминание о том, что люди также способны продавать собственных детей, убивать родителей или иных родственников ради получения материальных

благ вроде наследства и иногда даже есть себе подобных.

Я снова промолчала.

Ирэнарн мрачно добавил:

— Самое паршивое заключается в том, что все это оказалось правдой. И такой же неприглядной правдой является то, что иногда да, драконы едят людей. Обыкновенно фрагментарно, в смысле руку или ногу отхватить могут в пылу боя. Но я не знаю ни одного случая, когда была съедена представительница женского пола.

— Почему? — почему-то спросила я.

— Потому что у нас нет продажных женщин, Милада. Ни один род никогда не согласится отдать свою дочь, пусть даже за самые внушительные деньги, поэтому драконы женятся, и довольно рано. А женитьба предполагает долгие ухаживания, обязательно — взаимность со стороны девушки, непременно согласие рода, абсолютную верность после брака и да, самое неприятное, равные права с женой, что означает полную свободу ее передвижений. И все это ради того, чтобы заполучить женщину в свою постель, потому что с драконицами иначе никак. А теперь представь себе ситуацию — алчущий женского тепла дракон и незащищенная человеческая женщина... Поверь, еда будет последним, что придет на ум даже самому голодному дракону. Теперь ты понимаешь, насколько лишенным оснований является утверждение, что драконы едят девственниц?

Не то чтобы до конца понимала, но появился вопрос:

— Мне не совсем понятно, как при жестких правилах создания пар у драконов существует такое понятие, как наири, и в целом вся история с подарком, перевязанным золотой лентой?

Ирэнарн вздохнул, прошел к стене, словно собирался сесть, осознал, что садиться больше не на что, и потому объяснил стоя:

— Наири — иной разговор. Это не временная пара, не наложница и не любовница. Что касается золотой ленты, здесь все достаточно просто. Как ты понимаешь, в любом обществе есть те, кому позволено немного больше, чем предписывают правила, традиции и даже законы морали. К примеру, боевые драконы, у которых есть возможность пересекать границу Долины, не стремятся к ранним бракам, так как для них получение доступа к женскому телу вовсе не требует заключения семейного союза. Примерно в той же ситуации высшие слои населения, власть и деньги позволяют им претендовать на большее, чем то, что могут позволить себе простые драконы.

— А боевые, значит... — начала было я.

— Обычно содержат любовниц за пределами Долины, чаще эльфиек, реже — человеческих женщин.

Следующего вопроса Черный дракон ждал. Не желал его услышать и, вероятно, был зол на себя за то, что вообще поднял эту тему, но ждал. А я не могла не спросить:

— Вы... тоже?

Несколько долгих секунд Ирэнарн молчал, затем нехотя произнес:

— У меня не было женщины с того момента, как ты заставила к себе прикоснуться.

Дракон, сказав это, даже не шевельнулся, но по всей спальне словно потянулась тяжелая тьма, холодком плохого предчувствия пробежавшись по моей спине.

— Полагаю, этот разговор стоит закончить, — после недолгого молчания решил Ирэнарн. А затем ледяным тоном спросил: — Ты довольна?

— Я напугана... — честно призналась.

— Напрасно. На твоём месте открыто торжествовала бы даже драконица золотых кровей, что уж говорить о... — заканчивать фразу он не стал.

Просто молча ушел, впустив в спальню суетливо засеменивший шкаф, и, уходя, приказал:

— Одевайся. Если ты все еще хочешь в Университет Стихий.

Когда за Черным драконом закрылась дверь, я обессиленно оперлась о стену, к которой, оказывается, благополучно успела приблизиться за время этого тяжелого разговора. И даже не заметила этого.

Из вернувшегося на свое место шкафа вылетел довольный дух и принялся раскладывать на кровати ученическое платье, чулки, белье, мантию, перчатки, шляпку, шпильки, белый кружевной воротничок, бутоньерку из крохотных белых цветов.

Отрешенно проследила за тем, как он суетится, с ужасом осознавая все, что услышала. Безумно потрясло то, что драконы... не едят девственниц, но поистине ввергало в отчаяние другое: «У меня не было женщины с того момента, как ты заставила к себе прикоснуться». Заставила... Я заставила его к себе прикоснуться, следовательно, я и виновата во всем, что с ним происходит... в том, что у него не было других женщин с того момента, как я... заставила.

«Ты довольна? Напрасно. На твоём месте открыто торжествовала бы даже драконица золотых кровей, что уж говорить о...»

О безродной человеческой сироте, каковой я являюсь.

— Одеваться, одеваться, одеваться! — нетерпеливо потребовал дух.

Для Ирэнарна это постыдная связь и постыдное признание в собственной слабости, сделала закономерный вывод я.

Легче от этого не стало. Как, впрочем, и от осознания, что виноватой в своем желании дракон так же считает меня. Не удивлена, мне не привыкать быть без вины виноватой, просто горько очень. Оно, может, и не было бы так, но после воспоминания о том сладком поцелуе, теперь безумно горчило на губах.

— Только платье и мантию, никаких украшений, — тихо сказала я духу.

— А шляпка?! А перчатки?! А пряжка на ботиночки?!

Ни шляпку, ни перчатки я надевать не стала, сверкающую золотую пряжку сняла с ботинок, и так они стали выглядеть обычной добротной обувью.

— Но как же?! Как же?! — продолжал возмущаться дух.

Застегивая ворот мантии, я вышла из комнаты, на пороге все же заставив себя поблагодарить духа. Все же он старался и очень помог, и как бы мне ни было трудно говорить сейчас, слова благодарности все равно сказать следовало.

* * *

Планировка Крепости была проста и понятна, поэтому я без труда нашла лестницу вниз и спустилась на первый этаж, где стоящие у входных дверей стражники указали мне на трапезную, сообщив, что Главнокомандующий там.

— Ничего, я тут подожду, — тихо сказала стражам.

К сожалению, услышали меня не только они.

Тяжелая дверь в столовую распахнулась, и обнаружившийся на пороге Ирэнарн мрачно уведомил:

— Гхарарг приготовил завтрак.

— Я не голодна. — Почему-то говорить было все еще сложно.

Словно горло сжало спазмом, и он никак не отпускал.

— Потрясающе! — раздраженно прокомментировал дракон. — И в чем проблема на этот раз?

Я промолчала, опустив взгляд.

— Знаешь, — в голосе Ирэнарна прозвучало столько ярости, что задрожали мощные стекла витражных окон, — я мог бы тебя в принципе не

выпускать из спальни!

— Знаю, — прошептала я.

Дракон развернулся и ушел обратно, хлопнув дверью так, что она сломалась, жалобно повиснув на петлях. И снес ее напрочь, вернувшись через секунду и на ходу надевая черную куртку. Грохот пролетевшей через весь холл и разбившейся о стену двери прозвучал одновременно со вспыхнувшим порталом.

— Мне нужно к маме, забрать плащ, и в Любережь — отдать карту магистру Аттинуру, иначе ребятам не засчитают практическое задание, — торопливо проговорила я.

* * *

В доме бабушки Осаи было шумно. Ходили какие-то драконы, мне не знакомые, во дворе был накрыт стол, слышался гул тревожных разговоров... ровно до нашего появления.

Отойдя от Главнокомандующего, я поклонилась всем присутствующим, выражая уважение и почтение к старшим, подойдя, обняла бабушку Осаи, схватила поднявшуюся мне на встречу бледную маму за руку и молча увела за собой в дом, в пустую сейчас гостиную. Папа и древний пришли сами, оба остановились, едва зайдя, и вопросительно посмотрели на меня. Хатор нервно мямл захваченное с кухни полотенце.

— Я не знала, — с трудом сдерживая слезы, прошептала, виновато глядя на него. — Не предполагала, даже представить не могла. Это было все равно как если бы ты поставил пирог в печь, а из него на тебя набросилось бы что-то.

Папа прикрыл глаза и простонал:

— От тебя не осталось практически ничего. Скелет, обтянутый потемневшей кожей, я...

Договорить ему не дал древний, вставив скептически:

— Ты переживешь, а вот за Миладку я уже не уверен. Дитё, что с тобой?

Ничего не сказав, я молча обняла маму. Камали сжала в объятиях, словно уже догадалась. Хатор подошел и обнял нас двоих.

— А сбежишь ли? — грустно сказал древний.

— Лучше сделать и жалеть, чем даже не попытаться и всю жизнь горевать об упущенной возможности, — едва слышно ответила я.

Папа отпустил и тихо спросил:

— Где тебя искать?

— Я найду. — Асур-Ррат трансформировался в человеческую форму, подойдя, протянул мне цепочку с жемчужинкой: — Гаррат просил передать.

Не «Владыка», а произнесенное вполне дружески «Гаррат». Я улыбнулась, подумав, что, похоже, древний переменял свое мнение о старшем Правящем драконе.

— Не улыбайся мне так, — пробурчал древний.

И внимательно проследил за тем, как я, расстегнув воротник платья, спрятала надетую цепочку в вырез.

— Страж спит, — с явным намеком произнес он.

Я посмотрела на цепочку с ныне действительно закрытой пастью дракона, и глаза у золотого изделия также были закрыты. Секундное сомнение, и я осторожно сняла цепочку — дракон не проснулся. Асур-Ррат молча протянул руку, также молча вложила Стража в его ладонь. Медальон исчез на коже Красного дракона. Камали смотрела на меня полными слез глазами, ничего не спрашивая, папа тоже молчал.

— Прикоснешься к золоту и позовешь, — просто сказал древний.

Я молча кивнула.

Когда выходила из дома бабушки Осаи, набрасывая теплый плащ на плечи, меня никто не проводил. Оно и к лучшему. Я подошла к столу, еще раз обняла бабушку и, не прощаясь, ушла ко все еще стоящему во дворе Черному дракону.

Жаль, мне абсолютно не у кого было спросить, как быстро дракон способен забыть наири, но, учитывая все, что высказал сегодня Ирэнарн... для него будет лучше, если забудет. Для меня тоже.

— Все? — холодно осведомился Главнокомандующий.

Я кивнула.

Вспышка.

* * *

Во дворе Любережского Университета Магии завывала метель. Снег валил не прекращая, ровно до нашего появления — сразу после упал лишь тот, что успел на территорию двора залететь, остальной недовольно задерживался на расстоянии метров трех над землей. Следом разом убрались все сугробы, собственно, со двора, вычистив его до камней, после

чего Ирэнарн поинтересовался:

— Мы долго будем здесь стоять?

Я сорвалась с места, не оглядываясь и скорее ощущая, чем слыша, как Черный дракон идет за мной, и даже не поздоровалась с господином Ноштру, который со снегоуборочным совком так и остался стоять у входа, недоумевая, куда делся предполагаемый фронт работ.

В университете шли занятия, поэтому я без труда взбежала по лестнице на второй этаж, прошла по коридору к собственной комнате и замерла на миг — дверь открывали. Во время моего отсутствия дверь открывали.

— Эссашеа, — мягко спустила с ладони поисковое заклинание.

Оно сорвалось сиянием с кончиков пальцев, влетело в замочную скважину и вернулось через минуту, сине-зеленым сиянием оповестив, что опасности нет. И все же дверь я открывала с осторожностью, сначала открыла, затем, постояв несколько секунд, медленно вошла...

Что ж, комнаты у меня больше не было.

И здесь определенно поработал не маг — магистр. Очень серьезная работа. Так, на тонкие пластины были изрезаны стол, стулья, кровать, шкаф, книги. Тонкие, почти прозрачные пластины дерева, упавшие там же, где мебель подверглась воздействию магии.

От моих вещей не осталось ничего в принципе. Сам встроенный в стену шкаф был также изрезан на пластины, как и все здесь, но вещей не было. Ни единой. Ни белья, ни платьев, ни запасной мантии, ни даже сложенной внизу рубашки, которую я собиралась пустить на тряпки для вытирания пыли.

— Та-а-ак, — очень недобро произнес вошедший вместе со мной Ирэнарн.

У меня просто не было слов.

Сразу было видно, что здесь что-то искали. Но, опять же, едва ли подобное мог сотворить кто-либо из студентов, да и не стал бы никто тратить прорву энергии на то, чтобы тщательно исследовать все доступное в поисках тайника. В этот момент я очень порадовалась тому, что многократно и часто моя комната подвергалась студенческим взломам, потому что в итоге магистр, что проводил обыск, тайник не обнаружил.

Я подошла к месту, где ранее существовала кровать, теперь от нее остались только тонкие полоски дерева, сдвинула их, опустилась на колени и приложила ладони к полу.

— Хорошее место для тайника, — почему-то похвалил Ирэнарн.

— Вы... Откуда вы? — Я обернулась и взглянула на него через плечо.

— Я дракон, — просто ответил Главнокомандующий.

Сам он в этот момент стоял возле остатков шкафа, пристально его изучая.

Я же, вновь вернувшись к тайнику, проследила за тем, как по кромке крышки пробежали искры, взламывая блокировку. Едва они угасли, сняла теперь проступившую крышку, достала все документы, надела на руку бабушкин браслетик, спрятала свидетельство о рождении во внутренний карман платья, туда же отправились свидетельство о зачислении в университет и справка об окончании второго курса.

Отдельной папкой я вытащила контрольные и курсовые. Большинство контрольных были написаны наперед, на всякий случай, я с грустью подумала, что зря не спала столько ночей... очень зря.

— Научные труды? — скептически поинтересовался Черный дракон.

Взглянула на него с нескрываемой подозрительностью.

— Просто стало любопытно, имеется ли там трактат о поедании драконами девственниц.

— Я лично попрошу для вас конспект лекций по ОБЖП у профессора Иваса. Мой, к сожалению, уничтожен, — вежливо ответила я.

После чего вернулась к извлечению контрольных из тайника.

— Я не хотел тебя обидеть. Это был лишь сарказм, — вдруг произнес Ирэнарн.

— Сарказм — не самый лучший способ избежать оскорбления собеседника, — тихо сказала, доставая из тайника последнюю рукопись.

Это была дипломная работа. В смысле, ее план, вступительная глава и краткий перечень тезисов. «Магия как фактор улучшения качества жизни населения». Тема, выбранная еще на первом курсе. Едва ли не сразу после поступления. Пожалуй, одно название уже было прямым свидетельством всей моей наивности в тот момент. Здесь же, на титульном листе, имелось и имя научного руководителя: «Магистр Воронир»... Он, кстати, был единственным, кто одобрил выбранную тему, даже похвалил прилюдно... в смысле, при магистре Аттинуре и учебном совете, раскритиковавшем ее напрочь.

О том, насколько эта тема оторвана от реальности, я поняла уже на втором курсе, на третьем понимание оформилось окончательно... но почему-то я все равно упорно хотела защищать именно эту дипломную работу.

Глупо, да.

— Я все, — поднимаясь и прижимая стопку папок к груди, сообщила дракону.

Ирэнарн галантно попытался забрать у меня ношу, но проявление галантности со стороны того, кто презирает себя за желание обладать человечкой... это слишком даже для меня.

— Мне не тяжело, — увернувшись, заверила я.

Дракон не стал настаивать.

* * *

В кабинет ректора мы прошли без доклада. По той простой причине, что сэр Овандори, увидевший меня, уже поднялся было и раскрыл рот, собираясь по обыкновению высказать все или по крайней мере часть того, что он обо мне думает, но следом вошел Главнокомандующий, и секретарю срочно пришлось из полуприсяда трансформировать позу в поклон. А помощник ректора молод не был, так что секретарскую мы миновали под стоны и треск суставов.

А вот магистр Аттинур при виде меня даже как-то с облегчением выдохнул, откинулся на спинку кресла и произнес:

— Радович, жива, слава Триеди...

Он не договорил, увидев входящего за мой следом дракона.

Мгновенно вскочил, поклонился и начал было:

— Ваше...

— Обойдемся без титулов, — пресек изъяснение уважения Ирэнарн. Прошел, сел на диван и сообщил: — Халоне Кириито покидает ваше крайне удручающее меня учебное заведение.

Честно говоря, удивление испытали мы оба — и я, и магистр Аттинур, который, как и я, был на сто процентов уверен, что у меня другая фамилия и я точно не халоне.

Но дураков спорить с драконами тут не было.

— Отчет об обнаруженных деревнях, — сказала я, доставая из кармана ученическую магическую карту, на которой никак не отразились все перипетии нашего пути.

Магистр молча взял бумагу, развернул, вчитался.

Затем произнес:

— Группы профессора Иваса и профессора Этрана вернулись накануне. Утром прибыли Тихомир, Славен и Никодим. Верес?

Последнее было вопросом.

— Выпил медвежьей кровь, — с трудом проговорила я.

Ректор помолчал, вчитываясь в отчет, написанный в графах под

основной картой, и произнес:

— Что ж, возможно, оно и к лучшему.

Я с этим была не согласна категорически, но кого интересует мое мнение?

— Вачовски? — продолжил допрос магистр Аттинур.

Ответить мне не позволил Ирэнарн, сообщив:

— Информация не подлежит распространению.

Магистр глянул на меня, но, естественно, ничего уточнять не стал.

Он позвонил в колокольчик, призывая Овандори, а когда секретарь появился, приказал:

— Подготовьте бумаги об окончании студенткой Радович третьего курса факультета Теоретической магии.

Я с искренним удивлением посмотрела на магистра, не понимая, что происходит. Я находилась на третьем курсе. До его окончания было еще три с половиной месяца и летняя практика.

— В качестве летней практики зачете практику в Долине драконов, выполнение исследовательской миссии в Горлумском лесу засчитать как весеннюю сессию. — И уже мне: — Я так понимаю, курсовая за третий курс готова?

Я молча извлекла курсовую из с трудом удерживаемой папки и передала магистру, откровенно не понимая, с чего вообще такие милости.

Аттинур бегло просмотрел план, введение, пролистал основную часть, внимательно взгляделся в главы с расчётами и доказательной базой, закрыл курсовую, на титульном листе вывел «Великолепно» и поставил роспись. Протянул руку за контрольными и, указав мне на стул, сказал:

— Садись уже.

Проверять все курсовые магистр был не обязан, все же ректор, но он проверил каждую, везде выставив резолюцию «Великолепно». А я тем временем, в ожидании разглядывая магистра, вдруг поняла, что на нем нет никаких магических украшений. Ни накопителей, ни амулетов, ни даже заколки в виде оскаленной пасти волка, которую ректор всегда крепил на алуу, подчеркивающую его статус шапочку. Ни-че-го!

— Я так понимаю, вы переводитесь в одно из образовательных учреждений драконов? — светским тоном поинтересовался он.

— Нет, я намереваюсь поступить в Университет Стихийных Сил. Надеюсь, магистр Валентайн согласится меня принять, — совершенно честно ответила я.

И увидела, как дернулась рука магистра Аттинура, выводящего резолюцию на очередной контрольной.

Затем быстрый взгляд на меня. Что-то странное, промелькнувшее в мутных светло-голубых глазах ректора, и едва заметное движение головой, означающее «Нет!».

И руководитель Университета Магии мгновенно вернулся к подписанию моих контрольных, но... но... и снова «но»... Глядя на магистра Аттинура, который всегда меня ненавидел, вообще пытался изгнать из университета, многократно топтал мое врожденное чувство справедливости до такой степени, что я вообще в какую-либо справедливость верить перестала, я вдруг решительно отодвинула всю неприязнь к этому человеку, отстранилась от нее, как отстранилась бы от холодной стены, и начала вспоминать другое. Слова профессора Нарски и технику защиты от выпивания силы, которая фактически спасла меня от крайне неприятной участи остаться без магии и постареть лет на сорок сразу, причем Нарски прямо сказала, что технику разработал Аттинур. Вспомнила о том, в какую ярость пришел магистр, когда выпили одного из студентов... Вспомнила сказанное дознавателем Торном... И о том кольце с камнем Правды, которое превратило профессора Нарски в агрессивного, злобного, стремящегося убить Вачовски мага, кольцо, которое предназначалось Аттинуру... Вспомнила историю на кладбище, и только появление Аттинура спасло нас с профессором Ивасом, когда гули практически разобрали склеп...

И поняла, что я, кажется, ничего не знаю об этом человеке.

— Видите ли, Радович, — вдруг заговорил магистр, — у вас в контрольной работе, вот этой, по методам магического речевого программирования, не учтен еще один редко упоминаемый в учебной литературе, но крайне часто используемый на практике метод блокировки речи. Что вы о нем знаете?

И Аттинур пристально посмотрел на меня.

— Ничего: — На экзамене я бы ни за что так не ответила. Начала бы придумывать хоть что-то, лишь бы добраться до правильного ответа, пусть даже окольными путями. Но сейчас не было сил что-либо придумывать... да даже пытаться.

Даже не укорив меня за это, Аттинур как ни в чем не бывало продолжил:

— Это очень эффективный метод, Радович.

Он виновато глянул на Ирэнарна и произнес:

— Простите старика, я по привычке называю ее фамилию.

Старика? Да, я всегда считала магистра Аттинура старым человеком... была убеждена в этом, пока профессор Нарски не сказала, что они

ровесники. А значит, ректору максимум пятьдесят, но никак не семьдесят, на которые он выглядел.

Черный дракон никак не прокомментировал обращенную к нему фразу, и ректор продолжил:

— Так вот, Радович, вам, как студенту, находящемуся на особом положении птенца Воронира, — взгляд Аттинур стал очень выразительным, — в отличие от других студентов данного учебного заведения, были доступны закрытые библиотеки на нижних уровнях. И вам следовало отнестись с гораздо большим рвением к поиску учебной литературы для данной контрольной работы. В этом случае вы указали бы метод магической блокировки речи, срабатывающий при упоминании определенной тематики, имени, названий... к примеру, университетов.

И магистр посмотрел мне в глаза так, как, пожалуй, может смотреть только животное, не способное говорить.

Невольно ощутила, как прошел мороз по коже. Потому что совершенно отчетливо вдруг поняла — Аттинур всеми силами пытался отчислить не стипендиатов, а именно «птенцов Воронира». Исключительно «птенцов Воронира». Тех единственных, кто имел право на стипендию в УМе. Тех единственных, кто имел доступ к запрещенной для других студентов литературе. Тех, кого отчислить он мог фактически лишь двумя путями — заставить уйти по собственному желанию или завалить на сдаче экзаменов и зачетов.

И, кажется, опознав понимание в моих глазах, магистр удовлетворенно кивнул и произнес:

— Я бы искренне порекомендовал вам другое учебное заведение.

А я внезапно подумала о том, что из всех, абсолютно всех магических высших учебных заведений только в Университете Стихийных Сил нет платных мест. Там все студенты являются стипендиатами. Все. Еще — девяносто процентов выпускников Стихийного Университета покидают его стены в звании не магов, а магистров. В это учебное заведение очень сложно попасть, но если ты уже попал, то фактически вытащил самый счастливый билет в жизни. Магистры-стихийники востребованы даже при дворах эльфийских королевств.

Эльфы — стихийники — Воронир — стипендиаты... Цепочка начала складываться.

— Магистр Аттинур, — я немного подалась вперед, выразительно глядя на ректора, — а если бы я спустилась в закрытую библиотеку на нужном уровне, и нашла нужную литературу, я могла бы найти там способы защиты от магической блокировки речи?

Очень спокойно, словно речь шла исключительно о рабочих моментах организации учебного процесса, магистр ответил:

— Да, конечно. В разделе с пассивной защитой от магического поглощения сил.

Это было ясное и определенное «нет». Нет, потому что в нашем университете не существовало никакой методики пассивной защиты от магического поглощения сил! И Аттинур знал, что я пойму его абсолютно правильно, а значит, был в курсе того, что профессор Нарски обучила меня разработанной им же технике защиты.

Я посидела молча некоторое время, глядя, как ректор завершает проверку последней контрольной, а затем произнесла:

— Знаете, магистр, мне почему-то вспомнился случай с практикой по некромантике на кладбище, на первом курсе. Помнится, профессор Ивас тогда читал нам удивительно запомнившуюся лекцию на тему: «Методы выживания на активированных древних захоронениях». Знаете, я все никак не могу понять, каким образом профессор Ивас, один из лучших преподавателей нашего университета, не смог отличить поднятых полуразлагающихся мертвяков от гулей, со стороны которых мы подверглись нападению.

Аттинур усмехнулся почти одобрительно, и это было первое проявление одобрения с его стороны за все годы моего здесь обучения, а затем ответил:

— Видите ли, Радович, у профессора Иваса всегда было плохо с математикой. Запуская студентов на кладбище, он не удосужился пересчитать, сколько конкретно прямоходящих индивидов впустил. Математика, Радович, простая математика. Иногда для понимания сути происходящего стоит просто правильно все посчитать.

И мне вспомнился залитый солнечным светом сияющий Аркалон и наш диалог с магистром Валентайном:

«— Я безумно скучал по этому городу. Именно здесь, в Аркалоне, прошли лучшие мои годы.

— Вы бывали здесь раньше?

— Да, давным-давно, когда небо было голубее, а деревья значительно выше и зеленей.

— Ваше детство прошло здесь?!

— Молодость».

И мои глупые мысли: «Мм-м, последний раз наши маги были здесь в семисотые годы, сейчас на дворе тысяча двадцать пятый год, это ему уже... ему уже точно не стоит носить тяжести».

Да, действительно, иногда стоит просто все посчитать, и сразу станет ясно, что что-то здесь определенно не так.

* * *

Университет Магии Любережского королевства я покидала с аттестатом о неполном высшем образовании и дипломом мага пятой ступени, что давало мне право исключительно податься в ученики, помощники и прочая, но никакой возможности для самостоятельной магической деятельности. Дипломную работу магистр Аттинур мне вернул, в отличие от курсовой и контрольных.

Когда мы выходили из кабинета, ректор напутствовал тихим:

— Выживай, Радович, у тебя это неплохо получается.

Да уж, по выживанию мне смело можно было ставить высший балл.

Когда я вышла из дверей главного входа в УМ, на миг остановилась и, обернувшись, посмотрела на это мрачное, бывшее всегда столь неприветливым ко мне здание. Обернувшись, поняла — я прощаюсь с домом. Несовершенным, давшим мне ведущее к вероятной гибели образование, бывшим нередко похуже тюрьмы, но домом... На душе было муторно и грустно, будущее маячило серыми призраками неизвестности и определено грядущими неприятностями... А рядом со мной стоял тот, кто самого себя ненавидел за чувства ко мне, и, как ни странно, именно это придавало мне сил.

— Университет Стихийных Сил? — словно почувствовав, что я думаю о нем, холодно поинтересовался давший мне время попрощаться с «домом» Черный дракон.

— Вестерс, — назвала я столицу Мебережи.

— Мм-м? — переспросил Ирэнарн.

Для того чтобы объяснить причины нежелания перемещаться сразу в УСС, мне пришлось бы солгать, а о том, что драконы способны почувствовать ложь, я уже знала, поэтому сказала правду:

— Хочу посмотреть город.

— У тебя будет время после поступления, — раздраженно сообщил Ирэнарн.

Пришлось заходить с других козырей:

— Я голодная.

Вспышка портала.

Вестерс мне довелось увидеть с высоты птичьего полета. Ирэнарн завис над городом в человеческом облике, крепко удерживая меня за талию и позволяя все рассмотреть. В Мебережи царила весна! Утопающий в зелени цветущих деревьев городок казался светлым, сказочным, милым и уютным. Наверное, прекраснее его был только Аркалон, но в принципе мало что могло сравниться со столицей Долины драконов.

— Нравится? — холодно осведомился дракон.

— Безумно, — прошептала я.

— Ты будешь жить не здесь, — видимо, решив сразу избавить меня от напрасных иллюзий, произнес Ирэнарн. — С утра до обеда сможешь находиться в университете, в остальное время — у меня.

Я даже не стала возражать или уточнять. Я уже точно знала, где буду жить. Здесь. В Вестерсе, в городе, где полгода царит весна. Наверное, стоило порадоваться... но не получилось.

— Смотри, — продолжил Черный дракон, — на возвышении в центре города внушительная крепость с высокими шпилями над четырьмя башнями — университет. Над каждой башней реет флаг цвета ее стихии. Синий — вода. Красный — огонь. Зеленый — земля. Призрачный — воздух. Пятая, центральная башня — ректорат. В той же башне располагается магистратура города.

— Управление столицей осуществляет университет? — потрясенно спросила я.

— Да, — последовал спокойный ответ.

И так же спокойно дракон вернулся к описанию Вестерса:

— Столица Мебережи — фактически студенческий город. В самом университете крайне ограничено количество мест в общежитии, поэтому большинство студентов проживают в городе. Практически все окружающие университет дома либо сдают комнаты студентам, либо полностью превращены в своеобразные пансионаты. Здесь же торговые ряды, в основном также рассчитанные на студентов, а также расположено большинство заведений питания. Что ты хочешь на завтрак?

— Вниз, для начала, — попросила я.

Дракон не стал заставлять просить его дважды и плавно, словно спускался по лестнице, а не прямо по воздуху, сошел на землю. Но я едва ли наблюдала за тем, как он спускался, жадно разглядывая город, практически впитывая расположение улиц, домов и прочее. Я решила, что

мне здесь предстоит жить, и потому старательно изучала место своего обитания.

Когда мы опустились на улицу, едва ли кто-то обратил на нас внимание. Несколько любопытных взглядов, и только. Практически никого не заинтересовал даже тот факт, что мой спутник является драконом.

— Выбирай, — холодно приказал Ирэнарн.

Я огляделась. По левую сторону от нас располагались ресторация, кафетерий, чайная, булочная, кондитерская — все с открытыми застекленными витринами, просматриваемые насквозь. По правую сторону опять же ресторация, ресторан, открывающийся в вечернее время, и чайная с названием «Вкусный завтрак». Мой выбор был очевиден.

* * *

Когда мы вошли, я сразу поднялась на второй этаж, откуда с высокой террасы открывался вид на университет. И заняла столик так, чтобы видеть происходящее там. А происходило нечто — над башней стихии Воздуха летали двое студентов в мантиях со светлой каймой и лупили друг друга облаками. Облака были разными — от больших кучевых до маленьких, но практически грозových. Один смог сбить другого, только используя облако, исторгнувшее торнадо, и второй студент рухнул наземь. Первый, потрясая руками в знак победы, устремился следом.

Подошедшая к нам подавальщица, безразлично мазнув взглядом по улетающему студенту, равнодушно произнесла:

— Магическая дуэль, обычное дело. И у воздушников скучно, другое дело — огневики или земля. Что будете заказывать?

— Чай, — попросила я.

— Что к чаю? — вежливо уточнила девушка.

Вспомнив, мимо чего мы проходили, я вопросительно произнесла:

— Пирог с корицей.

— Как пожелаете, — мгновенно согласилась девушка. Посмотрела на дракона, но тот лишь качнул головой, демонстрируя, что ничего не будет.

И подавальщица уже хотела было уйти, как я вскинулась:

— Простите, где здесь можно вымыть руки?

— Полуподвальный этаж, вторая дверь слева, — отчеканила подавальщица и ушла выполнять мой заказ.

Извиняющееся улыбнувшись Ирэнарну, я положила на край стола свою дипломную, расстегнула и разместила на стуле плащ, дико сожалея,

что с подарком мамы придется расстаться, и направилась в указанном девушкой направлении.

Уйти не успела.

— Милада, — внезапно позвал дракон.

Я замерла, затем медленно, нехотя обернулась.

— Ты бы еще этот плащ погладила на прощание, для усиления эффекта драматизма, — насмешливо произнес дракон.

А затем, без тени улыбки, холодно приказал:

— Вернись и сядь!

Прикрыла глаза на миг, довольно болезненно восприняв фактическое поражение, распрямила плечи, вернулась за столик и устало опустилась на стул. Ирэнарн проследил за мной, как и всегда пристально вглядываясь, словно видел насквозь, и вдруг, усмехнувшись, поинтересовался:

— Я похож на идиота?

Я промолчала.

Взглянув с насмешливым укором, дракон криво улыбнулся и произнес:

— У вас, людей, есть поговорка: «Держи друзей близко, а врагов еще ближе». Давай, любительница выживать, делай выводы.

Неуверенно оглядевшись, вдруг вспомнила то, что меня так поразило, — никто и внимания не обратил на появление в центре столицы дракона. Дракона! Причем никакой иллюзии Ирэнарн не применял, и всем отчетливо были видны нечеловеческие глаза дракона, рост и не то чтобы существенно, но отличающееся от человеческого телосложение. Но никто не реагировал... А значит, драконы здесь давно стали обыденным явлением. То есть... драконы в курсе происходящего и держат Вестерс под контролем.

В некоторой растерянности посмотрела на Ирэнарна. Тот, усмехнувшись, учтиво склонил голову, что-то вроде «Приятно познакомиться, дракон».

И откинулся на спинку стула, услышав заранее, еще прежде чем она появилась, на террасе шаги подавальщицы. Девушка поднялась, подошла к нам, осторожно ступая, сняла с подноса и расположила передо мной пустую чашку, заварник, кипяток в закрытом кувшине, тарелку с двумя кусками пирога, салфетку, столовые приборы. Затем, поклонившись, причем не мне, а Ирэнарну, ушла.

Я осталась сидеть, потрясенно глядя на Черного дракона.

И очень замедленно до меня дошло — он все знает! Знает про Воронира и, похоже, про магистра Валентайна тоже. Вспомнила о том, что он знал и о нападении на храм Древуна и явился в самый нужный

момент...

— Мне нравится, как меняется твой взгляд, — с легкой иронией произнес Ирэнарн, — как в нем наконец-то просыпается осознание. Приятное зрелище. Милада, посмотри вверх.

Я посмотрела. Там, в небесах, среди облаков парил орел.

— Эта птица, не поворачивая головы, способна видеть даже то, что происходит сзади нее, и в данный момент без особого труда оглядывает сразу большую половину города в поисках нужной добычи. Без труда, Милада. Это просто в рамках ее возможностей.

Медленно перевела взгляд с парящего орла на откровенно наслаждающегося ситуацией дракона. Ирэнарн тоже своеобразно парил, без труда использовав экранирующее заклинание, огненной кромкой отделившее нас от всего остального пространства и исключив любую возможность подслушивания.

— Рамки моих возможностей — шире, — улыбнулся дракон, — гора-а-аздо шире. И, к примеру, в данный момент я отчетливо вижу, как в лаборатории центральной башни данного университета под руководством самого Валентайна проводятся испытания нового драконьего яда. Испытывают, правда, на ящерицах, но очень горды эффектом.

А я вдруг вспомнила фрагмент вспыхнувшего над нашим университетом письма: «Срочное секретное донесение его королевскому величеству Умарху Третьему, датированное от восьмого яросня от верноподданного мага Гарнилиуса. Великий, истинный, святопомазанный, гениальнейший и умнейший, простите, сегодня я вынужден быть краток и не могу в полном объеме выразить вам свое восхищение и уважение, ибо сообщить должен — орден „Мучительной гибели всех драконов“ требует от вас решительных действий, ваше величество. И знать желают, что там с тем ядом, экспериментальный состав коего вы передали магистру Аттинуру, для испытания на гадах подлых из комиссии проверяющей. Издохли ли? Мучительно ли? Корчились ли поганые?»

— Орден «Мучительной гибели всех драконов»? — прошептала невнятно.

— Он самый, — весело подтвердил Ирэнарн.

Дракон продолжал смотреть на меня с усмешкой, откровенно наслаждаясь моментом и ожидая... Не знаю, чего он ждал, меня взволновало совершенно иное:

— Вы знали о смертях в Горлумском лесу! О гибели людей! О гибели магов! Вы, драконы, знали! — Меня переполняли и возмущение, и горечь, и непонимание.

Ирэнарн улыбаться перестал. В его зеленых с серебристым отливом глазах промелькнуло не то недовольство, не то гнев. А затем Черный дракон произнес:

— Милада, если ты сейчас подойдешь к краю террасы и взглянешь вниз, то хорошенько приглядевшись, увидишь кусок недоеденной, покрытой глазурью булки. И вот сдобу ты, может, и разглядишь, а сражающихся за нее муравьев из двух различных муравейников вряд ли. Так вот, милая, там сейчас идет война. Настоящая. И там действительно гибнут, счет пошел на сотни, но учитывая спешащую подмогу, дойдет до тысячи. Полагаешь, если я дракон, то обязан вмешиваться в любой конфликт?

Я встала, подошла к парапету, посмотрела вниз — действительно с трудом разглядела остатки булки, и то лишь благодаря розовой глазури, сохранившейся на боку... Муравьев я не увидела, но война...

Тяжелый вздох дракона, и булку внизу разнесло на две равные части в разные стороны, видимо, разом прекращая смертоубийственное сражение.

— Спасибо, — робко поблагодарила я, обернувшись.

— Без проблем! — с нескрываемым сарказмом ответил Ирэнарн. — Но, полагаю, мне лучше не стоит говорить о мухе, которая попала в паутину вон на том дереве, птице, только что схватившей выглянувшего из-под листка червяка, и да — орел, кстати, тоже уже нашел себе источник пропитания в виде амбарной крысы.

Укоризненно посмотрел на меня, вздохнул и все же уточнил:

— Или их тоже спасать будем?

Отрицательно покачав головой, я вернулась за стол и сказала:

— Им есть нужно. А за муравьев спасибо.

Дракон не ответил, пристально глядя на меня, затем тихо, практически с издевкой, спросил:

— Ты действительно искренне верила, что могла бы сбежать? От меня??? Seriously?!

Я промолчала.

Опустила взгляд, едва ли глянув на остывающий пирог.

— Почему? — Вопрос мрачно повис в воздухе. Дышать стало тяжело, горечь снова обожгла горло, и молчать едва ли следовало, но я промолчала снова.

— Твоя жизнь принадлежит мне, — тихо произнес дракон, и я, почувствовав, как мелко задрожали мои руки, спрятала их под стол, положив на колени.

Ирэнарн, видимо, заметил тоже — как иначе объяснить долгую паузу.

Но все же Правящий дракон вернулся к тому, с чего начали:

— Я в очередной раз наступаю на горло собственной гордости, позволив тебе учиться дальше, а не заперев в спальне, как следовало бы. Я сдерживаю собственное желание, хотя, видят предки, я ни одну женщину не хотел так, как тебя. Я иду на уступки раз за разом! Снова, снова и снова. Но с тем же упорством, с каким я пытаюсь приручить тебя, ты...

— Приручают животных. — Я не знаю, слова вырвались сами.

— И женщин, — с нажимом произнес Ирэнарн.

— Животных, — непримиримым шепотом повторила я. И добавила: — Женщин — любят.

— И много ты знаешь о любви? — насмешливо поинтересовался Черный дракон.

— А вы?

Я все же посмотрела на него. В зелено-серебристых глазах дракона зазмеилась странная туманная дымка, разлилась серым маревом, и Ирэнарн холодно ответил:

— Достаточно, чтобы убедиться раз и навсегда — совместный полет не для меня. Я боевой дракон, мой удел — схватить добычу и унести в свое логово. Без сантиментов и прочих условностей. И чем больше я пытаюсь дать тебе хотя бы видимость свободы, тем сильнее осознаю — напрасно! И твоя наивная попытка сбежать — как последний гвоздь в гроб моего терпения.

Проговаривая все это, Ирэнарн смотрел мне в глаза так же холодно и безразлично, как до того глядел на башню Университета Стихийных Сил. Но за холодом и безразличием я с нарастающим ужасом видела другое — решимость, растущую крепнущую решимость, и я сильно засомневалась, что мне понравится его решение.

И убедилась в своем предположении, когда дракон как-то очень нехорошим тоном поинтересовался:

— На тебе ведь нет золота? Не так ли?

И в его улыбке не осталось ничего человеческого.

Вспышка портала, и одновременно нахлынувшая на меня темнота.

* * *

Когда я очнулась, где-то рядом капала вода.

Капля за каплей, снова и снова... Я слышала сначала лишь эти капли, звук обрушивающейся с огромной высоты воды нахлынул позже, и

заставил болезненно застонать, свернувшись на... Я подскочила прежде, чем осознание окончательно оформилось, и едва не рухнула на постель снова от накатившей слабости.

Я находилась в каменном гроте. Внушительном, темном, без окон, но с широкой двустворчатой дверью. В этом гроте единственным, что имелось из мебели, была кровать. Только кровать. И все.

Отшатнувшись от нее, как от жертвенного алтаря, я с ужасом прижалась спиной к стене, оглядывая грот повторно, но, как я ни всматривалась в полумрак, ничего более разглядеть не удалось.

Затем осторожно, придерживаясь за стенку, двинулась к выходу, ощущая нарастающий звук падающей воды.

И, когда распахнула двери, увидела ее источник.

Я находилась в пещере под водопадом.

Под огромным водопадом, которым Заменя с яростным ревом рушилась в подземную реку Атту. Отсюда открывался размытый струями падающей воды вид на Аркалон с речной, не знакомой мне еще стороны, но... едва ли это могло меня заинтересовать. Потому что Аркалон был уже недоступен для меня и с каждой секундой становился все недоступнее!

Я не знаю, как Ирэнарн работал с горным хрусталем, но тот, подчиняясь его воле, упорно рос прямо из стен, чтобы соединиться в единой точке в центре, отрезая меня от водопада, от города, от всего...

— Три комнаты, — не оборачиваясь, но ощутив мое появление, произнес дракон, продолжая перекрывать для меня все пути к отступлению. — Пока что только кровать, остальное перенесу в течение нескольких дней, у тебя есть возможность высказать пожелания.

Я молчала, с ужасом глядя, как соединяются края хрустального «стекла».

— Здесь нет металла, — невозмутимо продолжил Ирэнарн, — дух-хранитель этой скалы способен сдерживать даже водопад, соответственно легко прервет любые твои попытки призвать магию.

Хрустальные края соединились, спаялись и стали единым целым, разом отрезав от меня и грохот падающей воды, и возможность покинуть пещеру.

— И едва ли я подвергнусь очередному нашествию твоей новообретенной родни, ведь они искренне убеждены, что ты от меня сбежала и скрываешься где-то там, за границами Долины. — Ирэнарн обернулся, смерил потрясенную меня откровенно издевательским взглядом и добавил: — Так что у тебя есть только один выбор, милая: или привыкнуть ко мне быстро, или привыкать медленно. Решать только тебе.

Он усмехнулся и устало произнес:

— В любом случае я как минимум смогу нормально выспаться, не обремененный необходимостью вырывать тебя из очередных объятий смерти, когда крепких, когда не особо. Твой завтрак.

И мне небрежно указали на стол с чашкой, кувшином, заварником и двумя кусочками пирога, которые находились у противоположной от запаянной хрусталем стены. Похоже, стол был перенесен вот прямо так из чайной вместе с нами.

— Отдыхай, — почему-то стараясь больше не смотреть на меня, посоветовал дракон.

Вспышка.

А я поняла, что, не удержавшись, медленно сползаю на пол, продолжая цепляться за свежеставленные двери.

* * *

Не знаю, сколько просидела на полу, растерянно глядя в серый необработанный каменный потолок. Встать не было сил. Плакать... Я все еще надеялась, что это не навсегда. Просто надеялась. Отчаянно надеялась. Надежда была тем единственным, что у меня оставалось. Она сохранялась во мне до наступления сумерек...

А потом умерла.

К моменту, когда появился Ирэнарн, я сидела уже у искривленного гранями впаянных кристаллов стекла, и смотрела на искаженный потоком водопада далекий город. Я безумно замерзла, опять. Но холод скорее успокаивал, чем причинял неудобство.

— Долго там сидишь? — раздался холодный вопрос.

Я не ответила.

— Милада?

Если бы можно было раствориться в этом камне, я бы растворилась, просто чтобы не слышать. Не слышать шагов, не чувствовать болезненного хвата на запястье, не ощущать рывка, которым меня подняли.

— Я спросил! — прорычал дракон.

А я вдруг поняла, что стекло было ровным и гладким, без искажений. Я просто все это время плакала, даже не замечая этого.

— Прекрати! — продолжая больно держать руку, потребовал взбешенный Черный дракон.

Молча отвернулась, даже не пытаюсь высвободить руку.

Он отпустил сам.

И я снова опустилась, обняв колени и глядя на сияющий огнями вдали город... Город растворился в черноте стекла, которое потемнело, едва в пещере зажегся свет. Ужасающе много света. Столько, что, казалось, не осталось места ни для одной тени, ни одному темному закутку... Наверное, так сияет солнце в пустыне — выжигая все.

— Я принес ужин, — произнес все так же стоящий надо мной Ирэнарн.

Я не отреагировала.

— Но тебе все равно, ты ведь не притронулась даже к завтраку! — заключил разъяренный дракон.

Да, мне было все равно.

— И как долго ты собираешься так сидеть? — раздраженно поинтересовался он.

Пока не сдохну...

И понимание этого накатило волной. Я вдруг отчетливо осознала, что все, чего я сейчас хочу — просто умереть. Молча и тихо. Превратиться в камень, упасть на самое дно этой реки, исчезнуть в темноте... Все, что угодно, только бы не оставаться здесь.

— Значит, так, — зло произнес Ирэнарн, — у вас есть два варианта, госпожа Радович: или вы поднимаетесь, идете ужинать и отогреваетесь самостоятельно у огня, или... я тебя поднимаю, несу в ванную, отогреваю в воде, а после по крайней мере один из нас с удовольствием утолит голод, и это буду я!

Мне было все равно.

Просто все равно.

— Милада, учти — если я сказал, я сделаю, и мне плевать, что произойдет после.

Я сжалась, опустила голову и уткнулась лбом в колени... Я слишком устала даже бояться... Мне уже было все равно, что произойдет после...

— Милада! — прозвучало угрожающе.

Закрыла глаза, зажмурилась и подумала, что лучше бы я умерла все те много раз, в которые ир-хан Главнокомандующий спасал от неминуемой смерти. Потому что неминуемой оказалась вовсе не смерть, неминуемым был он.

И дракон набросился на меня.

Жестко схватив, вздернул, поднимая, перекинул через плечо и понес, расшвыривая с пути мебель, какую-то не знаю даже когда перенесенную сюда одежду, что-то фарфоровое, разлетевшееся замедленно, словно в

стазисе, тысячей сверкающих осколков, какие-то упавшие сорной травой цветы, безжалостно растоптанные решительной поступью Правящего.

Внезапно поняла, что меня сомнут и растопчут столь же решительно и безжалостно, просто потому, что слова были сказаны, а они у Главнокомандующего не расходятся с делом.

— Нет! — Я попыталась ухватиться за дверь, мимо которой мы проходили.

Но Ирэнарн перехватил мои руки прежде, чем пальцы коснулись дерева, перекинул наперед, прижал к своей груди, не позволяя и дернуться, и уверенно внес в купальню, в которой, стоило нам войти, в круглую каменную ванну хлынула вода.

— Не надо, пожалуйста, — тихо взмолилась, осознав, что он сейчас сделает.

Но никакой жалости у дракона не осталось.

Моя одежда опала на пол грудой изорванных ошметков с той неизбежностью, с которой опадают по осени листья с деревьев. Со своей одеждой Главнокомандующий тоже не церемонился и через мгновение перед судорожно пытающейся прикрыться руками и волосами мной стоял абсолютно голый мужчина. И я в жизни не видела ничего более агрессивного...

— Нравлюсь? — ледяным тоном, не особо скрывая жестокую насмешку, поинтересовался Ирэнарн.

— Не надо, пожалуйста, не надо, — испуганно отступая, отчаянно попросила я.

Отчаянно, потому что надежде здесь не было места. У надежды здесь не было и шанса. Для надежды здесь не осталось ничего... И в ответ на мою просьбу у дракона лишь яростно сузились зрачки, превратившись в две тонкие сверкающие линии, лишив его взгляд, лицо, облик всего человеческого.

Ирэнарн настиг меня одним шагом, рывком прижал к себе и впился в мои соленые от слез губы, жестким поцелуем, напрочь лишив возможности к сопротивлению. Одна его рука стиснула мои волосы на затылке, не позволяя ни отвернуться, ни отстраниться, вторая, схватив за бедро, приподняла, и все это не прекращая, не останавливая жесткого, перехватывающего дыхание поцелуя. Хотя едва ли это было можно назвать поцелуем. В поцелуях есть нежность, хотя бы капля, здесь ее не было. Здесь ничего не было, кроме жестокого решения и железной решимости воплотить его в реальность.

Дракон остановился лишь раз, когда, продолжая удерживать в

стальных тисках, из которых я не могла высвободиться, как ни пыталась, поднялся по ступеням и спустился в воду, погружая в нее мое тело вместе со своим. Насмешливо посмотрел на мои бесплодные попытки оттолкнуть его и холодно произнес:

— Милада, у меня запястье шире твоего предплечья. Ты действительно полагаешь, что сопротивление имеет смысл?

Едва ли видя что-то из-за слез, я все же взглянула на широкие плечи Главнокомандующего, на его рельефную мускулатуру, на его широкую сильную ладонь, превосходящую мою собственную втрое.

Перевела взгляд с руки на лицо Ирэнарна, взглянула в глаза, в которых все так же не было ничего человеческого, и попросила:

— Не надо... пожалуйста, я не хочу, я...

— Я хочу! — прервал мой жалкий лепет дракон, глядя прямо и жестоко.

И под этим жестоким взглядом я медленно убрала ладони, которыми изо всех сил упиралась в грудь Ирэнарна, медленно опустила голову и закрыла глаза, понимая — я не хочу видеть того, что произойдет дальше. Просто не хочу. Если бы я могла еще и не чувствовать, но я чувствовала все — легкие поцелуи, которыми дракон покрывал мои плечи, скольжение его ладони вниз по спине, а затем резко, с каким-то остервенением, Главнокомандующий прижал к себе, обнял и замер, касаясь губами моего плеча. И только его хриплое дыхание и могучее, с силой бьющееся сердце были свидетельством того, что дракон все еще осознанно существует.

Затем прекратила с шумом литься вода, и в наступившей тишине прозвучал хриплый, уставший вопрос:

— Что я должен сделать для того, чтобы ты согласилась?

Он отодвинул меня от себя, схватив за подбородок, вынудил посмотреть ему в глаза и прорычал:

— Конкретно, что?!

Говорить после всего, что только что произошло, я едва ли могла, но одно слово все же выговорила:

— Отпустите.

Его лицо, казалось, окаменело, но Ирэнарн подчеркнуто осторожно меня поднял, снимая с собственных колен, и опустил в воду рядом.

Рывок, и дракон, ухватившись рукой за бортик, одним движением вышвырнул себя из воды, схватив полотенце, остервенело обернул его вокруг бедер, прикрывшись, а затем, упираясь обеими руками в край ванны, посмотрел на меня настолько диким взглядом, что я с трудом подавила желание испуганно отодвинуться подальше.

— Хорошо, пойдем от противного — золотом тебя не купишь. Ничего, переживу! Привилегиями... — Он оглядел меня, не прикрытую ничем, кроме совершенно прозрачной воды, и хрипло произнес: — Ладно, честно признаем — привилегии твоего положения сомнительны, и, пожалуй, лучше вовсе их не касаться. Но есть один непреложный факт о человечестве, как, впрочем, и обо всех иных разумных существах — все продается и покупается. Цена есть у каждого. Кто-то пойдет на все ради своего народа, кто-то горло перегрызет за детей, кто-то... рвет в клочья собственную гордость ради никчемной девчонки... Не важно! Я хочу знать твою цену. И либо ты ее назовешь, либо я вернусь к начатому!

Я не знаю почему, но из всего им сказанного, из слов, от каждого из которых я невольно вздрагивала, сознание зацепилось всего за одно:

— Никчемной девчонки? — чувствуя, как в груди становится пусто, едва слышно переспросила я.

Ирэнарн мгновенно выпрямился, одним этим жестом продемонстрировав всю силу и гордость драконьего народа, затем сложил руки на могучей груди и холодно спросил:

— Я действительно должен все объяснять?

— Нет, — прошептала я, обнимая колени и прикрываясь от его взгляда, — вы не должны ничего объяснять. Вы вообще ничего не должны... Должна я... Должна оценить и восхититься теми привилегиями, которые вы сами назвали сомнительными. Должна радоваться своему новому положению. Должна быть исключительно счастлива от того, что у вас появились чувства и желания к такому ничтожеству, как я, и делать вид, что не понимаю, не замечаю и в целом не осознаю, как вам самому мерзко, отвратительно и противно от того, что эти чувства у вас есть, а также по причине того, что вы вынуждены их испытывать!

Я выпалила последнее слово, все так же глядя перед собой и не смотря на дракона. Мне и не надо было смотреть, чтобы ощутить его ярость. Ярость, которая уже была здесь, уничтожая стены скалы изнутри, беснуясь вокруг нас невидимым пламенем, превращая в крошево, казалось, устойчивый ко всему гранит.

Но ярость дракона затихла столь же быстро, как и появилась, и в шорохе осыпающейся каменной крошки, прозвучало злое:

— Ты понимаешь, что, если бы не мое вмешательство, твоя жизнь была бы уже закончена?!

Вскинув голову, я посмотрела на дракона и звенящим от едва сдерживаемых эмоций голосом с трудом, но выговорила:

— А вы понимаете, что всю свою жизнь я отчаянно боролась за то,

чтобы закончить университет и стать уважаемым магом. Уважаемым! Не отребьем, не безродной сиротой, не деревенщиной, не грязью под ногами почитаемых и благородных, а человеком, Достойным уважения!

Не знаю, какой реакции я ожидала, высказав все это. Чего я точно не ждала, так это вопроса, заданного ледяным тоном:

— Это твоя цена?

Я снова ощутила это жуткое чувство опустошения внутри, пустоту с привкусом горечи и тупую боль там, где должно биться сердце.

— У меня нет цены. Это надежда, мечта и цель, но не цена.

И, глядя в воду перед собой, тихо добавила:

— Вообще, вопрос о цене странный. Какая цена может быть у никчемной безродной сироты? Никакой. Она же не драконица, на защиту которой поднимется весь род...

И мне вспомнился наш утренний разговор. С трудом заставив себя взглянуть на Ирэнарна, я тихо спросила:

— А женщины, те, которых драконы не едят... а используют для совсем иных целей, как... они к этому относятся?

Главнокомандующий вновь оперся руками о бортик ванны, и зло глядя на меня, холодно ответил:

— Они совершают разумный выбор между участью быть съеденной и временной передачей собственного тела в пользование дракону.

— И вы считаете это... нормальным? — Мой голос дрогнул.

— Я считаю это разумным, — жестко ответил Ирэнарн.

И, не дав мне сказать что-либо против, резко спросил:

— Вам доводилось испытывать голод, госпожа Радович?

Нервно сглотнув, тихо ответила:

— Да. И вы уже спрашивали об этом.

— Решил уточнить, — парировал Ирэнарн. А затем, подавшись ко мне и вцепившись в край ванны с такой силой, что камень под его пальцами пошел трещинами, выдохнул: — Мое желание к тебе — голод. Дикий, нестерпимый, изматывающий голод. Стыжусь ли я этого чувства? Безмерно! Я — Правящий дракон, я — Главнокомандующий Долины драконов, я правлю самыми мудрыми, сдержанными и великими созданиями этого мира, и я же не в состоянии сдержать собственное безумное влечение к человеческой девчонке настолько, что мои чувства, вырвавшись из-под контроля, уничтожают горы и сносят дома, включая Крепость, которой было более семисот лет. Полагаешь, мне есть чем гордиться?

Несколько секунд я сидела в воде, все так же обнимая колени.

Затем медленно встала, уже не пытаясь ничего прикрывать, подошла к краю ванны, переступила через бортик, спустилась по ступеням и молча подошла к дракону, глядя куда угодно, только не на него.

— И как это понимать? — выпрямившись, спросил Ирэнарн.

Все так же глядя в сторону на стену... точнее, то, что от нее осталось, безразлично ответила:

— Ну, у вас голод и город, подвергающийся разрушению, а у меня, как мы ранее выяснили, денег нет, так что, по факту, вы просто делаете разумный выбор.

Ирэнарн постоял молча, затем, потянувшись, взял полотенце, молча закутал меня, развернулся и вышел. Тоже молча.

Когда за ним закрылась дверь, я, придерживая полотенце руками, медленно прошла и села на ступени, меня не то чтобы даже потряхивало, просто было как-то пусто. Пусто внутри.

Не знаю, в какой момент вернулся Черный дракон, я не услышала ни то, как открывалась дверь, ни даже его шагов, просто в тишине купальни вдруг раздалось:

— Знаешь, сначала хотел спросить, за кого ты меня принимаешь, потом вспомнил утренний разговор, и собственно факт восприятия меня как людоеда, по сравнению с которым то, что ты считаешь меня подонком, уже как-то меркнет.

Повернув голову, увидела, что он сидит на ступеньках у раскрытой двери, все так же оставаясь всего в одном полотенце. Прикрылась собственным, как могла.

— А смысл? — мрачно спросил дракон. — Я там уже все видел. Я даже больше скажу — мне все понравилось. Говоря откровенно — твой имитирующий пособие для изучения человеческого скелета вид мне, как ни странно, понравился тоже, хотя это вряд ли можно назвать нормальным. А если пойти в своей откровенности до конца, единственное, что мне не нравится, — вид твоих слез, и это наталкивает на совершенно печальные мысли.

Подняла вопросительный взгляд на дракона. Ирэнарн, глядя в мои глаза, хрипло произнес:

— Я люблю тебя.

От этих слов я замерла, непонимающе и потрясенно глядя на дракона. Главнокомандующий, криво усмехнувшись, совершенно безрадостно пояснил:

— До последнего не хотел в это верить.

Мне стало как-то зябко и неуютно и от его слов, и от той

обреченности, которую Ирэнарн даже не пытался скрыть.

— Ладно, — он резко выдохнул, — отчаяние — путь слабых, никогда к ним не относился. Что я должен сделать?

Вздвогнув и от его вопроса, и от изменившегося взгляда, нервно спросила:

— В каком смысле?

— В прямом! — Правящий дракон смотрел не мигая. — Мне мало твоего тела, это я уже понял. Мне нужна ты. Вся. Эмоции, мысли, чувства, желание быть со мной. Что я должен сделать, чтобы получить это?

Прямой вопрос, прямой пристальный взгляд, и я, в прямом смысле не знающая, что на это вообще можно ответить.

— И? — произнесенное ледяным тоном.

Нервно закусил губы и получила мгновенное:

— Не делай так. И плечи не гладь. Я знаю, это выражение нервозности для тебя, но у меня все мысли переключаются на... инстинкты. Опустит руки, пожалуйста.

Я опустила.

Дракон судорожно выдохнул, запрокинул голову и, глядя в потолок, сипло произнес:

— Я слишком многого от тебя требую, да? Сам же сказал, что ты ничего не знаешь о любви, теперь вопросы задаю. Глупо, согласен.

Он помолчал, затем, опустив голову и вглядываясь в пол перед собой, продолжил:

— Пытаюсь проанализировать, с чего все началось. Когда и как ты меня зацепила. Что-то ведь было, и явно до того, как ты заставила к себе прикоснуться. До того, как обняла ночью. До того, как на твоей руке появился мой брачный браслет, чтоб он издох, этот древний!

— Не надо! — испуганно выдохнула я.

— Не надо что? — мрачно глядя на меня, переспросил Ирэнарн.

— Не нужно, чтобы он умирал, — прошептала я.

У дракона дернулась щека, но Правящий сдержался. Затем, тяжело вздохнув, сказал:

— Они подло поступили, Милада. Весь Совет древних. Они лгали мне в лицо, говоря о том, что штамм черной плесени, поразивший Гаррата, является неизлечимым. Лгали намеренно. Более того, когда стало ясно, что шансов на спасение нет — весь Совет древних впал в спячку. Видишь каменные ступеньки, скажи, в них есть жизнь?

Я, сидевшая на них, отрицательно покачала головой.

И Ирэнарн рассказал:

— На шестой день после заражения Гаррата я вошел в пещеру Совета древних и обнаружил там камни. Пустые, безжизненные камни. Древние бросили умирать моего брата. Они покинули Долину, лишив меня возможности хотя бы просто получить совет по управлению государством, о котором я не знал ничего. Я — боевой дракон. Понимаешь? Меня учили ведению боевых действий, тактике и стратегии войны, учили убивать, пытать и допрашивать, но никто и никогда не учил меня править. Я остался один. С умирающим братом на руках и ответственностью за благополучие моего народа, которая так же легла на мои плечи, ведь отец тоже входил в Совет древних.

Несколько секунд Ирэнарн молчал, затем продолжил:

— Я начал с того, что знал, — с защиты своей страны. Мы перекрыли границы, изменили правила таможенного досмотра, установили полный запрет на вылет драконов с территории Долины, казнили причастных к заговору. Во время допроса схваченных магов выяснилось, что Серая хворь предназначалась не Гаррату, а мне. Но ни один из схваченных магов не имел магического излучения, сходного с тем, что давали пробы черной плесени, что подтверждало вердикт древних — штамм был создан драконом, более того — меня старательно убеждали, что его создал брат.

Черный дракон усмехнулся и произнес:

— Я практически в это поверил. Других объяснений тому, что раз за разом черная плесень возвращалась, практически не было. Но повторю, отчаяние — путь слабых. Я никогда слабым не был. За пять лет я создал новую систему управления Долиной, взяв за основу эльфийское право, на все ключевые позиции поставил тех, кому мог доверять, — боевых драконов. Учиться пришлось и мне, и им. Я сократил время своего сна до одного часа в сутки, обязав ир-ханов спать как минимум четыре, во избежание ошибок от усталости. У нас просто не было права на ошибки, мы не могли себе их позволить. И фактически не позволили ни единой. За пять лет уровень дохода населения в Долине поднялся втрое, мы перестали пользоваться эльфийскими банками — у драконов появились собственные. Прекратились масштабные закупки эльфийских тканей — мы начали производство своих, пижама, которую я вчера сорвал с тебя, — местного производства, и теперь эльфы покупают ткани у нас по ценам втрое выше, чем стоимость на внутреннем рынке.

Он резко выдохнул и ожесточенно продолжил:

— Почему заговорил о тканях? С них, собственно, все и началось. Драконий шелк стал известен не только в эльфийских королевствах. Но если эльфы, гномы и прочие скрипя зубами, но идут на наши условия, то

человеческие торговцы решили провернуть все в обход таможи и попытались подкупить стражей границы. Вполне допускаю, что ранее им удавалось подобное, но с начала моего правления все границы контролируются боевыми драконами и за любое нарушение устава — смерть. Стражи отказались от взятки. И подверглись заражению.

Ирэнарн умолк, словно переживал все случившиеся события заново.

Затем сипло выговорил:

— Древние ожили мгновенно. Не все, двое из тринадцати, но ожили, явились на пост, исцелили драконов и, вернувшись в пещеру, окаменели вновь. Демонстративно и нагло. И, видимо, сочтя меня полным идиотом, который не догадается взять пробы обнаруженной Серой хвори и сравнить с имеющейся на Гаррате. Обман вскрылся, как ты понимаешь. Но окаменевшие образины древних никак не отреагировали ни на мою ярость, ни на мои мольбы. Им было все равно. Они уже решили, что для всех будет лучше, если Гар сдохнет, и просто придерживались своего плана.

Черный дракон замолчал, и на этот раз молчал долго. И я, не выдержав, тихо спросила:

— Что было дальше?

— Дальше? — переспросил он. Поднял взгляд на меня и произнес: — Дальше, я понял, что искать нужно среди человеческих магических конфессий. И нашел. Тебя.

Прозвучало как-то... пугающе.

Усмехнулся и добавил:

— Полагаю, теперь ты понимаешь, по какой причине я не испытываю к древним ни почтения, ни каких-либо добрых чувств.

— Понимаю... — прошептала я.

Ирэнарн улыбнулся, повел могучим плечом, словно разминая шею, и произнес:

— Прошло пять лет, Гар жив, Долина процветает, задача решена, и успешно. Но в девяти шагах от меня сидит новая, и есть резонные опасения, что она сложнее предыдущей. Все, что мы имеем на данный момент, мои чувства и мою смелость в них признать самому себе. Это... скажем так, было не просто.

Он помолчал, затем сообщил:

— Я не силен в выражении чувств, я привык действовать, обходясь минимальным количеством слов. Ривэл это устраивало, по крайней мере, она заставила меня в это поверить. В любом случае доступ к ее телу я получил с первого поцелуя и получал в дальнейшем, едва прикоснувшись. Впрочем, с остальными было так же. С тобой — нет. От прикосновений к

тебе голову теряю почему-то только я, от поцелуев и вовсе сносит все — в буквальном смысле. В Аркалоне несколько крыш слетело утром. А в лесу... в принципе ты помнишь, что осталось от деревьев.

Я... помнила.

— Возможно, дело в сохранении энергии, — отстраненно произнес дракон.

Недоуменно посмотрела на Ирэнарна.

— Они отвечали на мои чувства, ты — нет, — пояснение вышло непонятным.

Заметив непонимание в моем взгляде, Главнокомандующий сообщил:

— Гипотеза. Одна из. Пытаюсь разобраться в проблеме и решить задачу.

И вновь замолчал, глядя на меня.

Я сидела, стараясь не двигаться и чувствуя себя до крайности неловко после произошедшего. После того, как он видел меня без одежды. После... всего.

— Я не уверен, что смогу вернуть тебя семье Кириито, — вдруг произнес Ирэнарн.

В ответ на мой вопросительный взгляд объяснил:

— Понимаю, что для тебя это сейчас правильно, но не могу. Что-то на уровне инстинктов, не могу... отпустить.

Помолчал и добавил:

— И не хочу.

Я опустила взгляд, зябко обняла плечи. Каменные ступени, на которых сидела, вдруг стали теплыми, почти горячими.

— Возможно, утром, — продолжил Ирэнарн и резко добавил: — Дня через три... четыре... Никогда.

— «Никогда» — очень страшное слово, — тихо заметила я.

— А мне нравится, — парировал Главнокомандующий. — В отношении тебя оно звучит потрясающе. В целом лучшее слово из всех, мне известных.

Глянув на него, прошептала:

— Есть слово «всегда»...

Он мрачно посмотрел на меня, кивнул и эхом повторил:

— Всегда...

Усмехнулся и добавил, видимо о себе:

— Всегда будь готов к нападению. Всегда помни об ответственности. Всегда контролируй силу. Всегда держи себя в руках. Всегда помни о том, кто ты. Всегда...

Кажется, он ненавидел слово «всегда».

Я подумала и едва слышно сказала:

— Всегда радуйся каждому дню, даже когда небо затянуло тучами. Всегда будь собой, ведь ты остаешься собой, что бы о тебе ни говорили. Всегда верь в лучшее.

Ирэнарн улыбнулся и мягко произнес:

— У тебя иное восприятие слова «всегда».

— Я слишком часто сталкивалась с «никогда», — ответила, слабо улыбнувшись.

Дракон посмотрел на меня зелеными с серебристым оттенком глазами, его зрачок снова сузился до одной тонкой нити, и Ирэнарн хрипло произнес:

— Я никогда не отпущу тебя. Я не могу. Не хочу. И не буду.

Он помолчал и добавил:

— Видимо, это предел, но мне уже все равно, кто ты — человек, эльф или дракон, мне абсолютно все равно, кто и что скажет и как этот союз воспримут иные государства. Ты стала единственным, что имеет значение. Это пугает, как не пугала даже внезапно свалившаяся на меня ответственность за всех драконов разом, но это факт.

Ирэнарн резко выдохнул и продолжил:

— Есть два варианта, милая. Первый — ты называешь свою цену, я плачу ее и получаю тебя. И второй — ты продолжаешь молчать, искать красивые слова, которые, несомненно, пробуждают мою совесть, я даже спорить с этим не буду, но ни совесть, ни благородство, ни воспитание, ни самоконтроль уже не работают, понимаешь? Не осталось ничего, кроме тебя и моего желания увидеть отклик этого желания в твоих глазах. Не слезы, не глухое смирение, мне нужен твой отклик. Нужны твои руки, которые не отталкивают, несмотря на всю очевидность абсолютной бесполезности сопротивления, а... неважно.

В купальне снова стало тихо, так тихо, что стало отчетливо слышно, как где-то вдалеке шумит водопад.

И вдруг Ирэнарн произнес:

— Я знаю твою цену.

Удивленно посмотрела на него, дракон же, чуть прищурив глаза, произнес:

— Твоя цена — мир и благополучие Любережи, а это включает в себя уничтожение Воронира и Валентайна. Я прав?

Ответа на его вопрос у меня не было. Как и слов. Как, впрочем, и возражений. Я помнила вмешательство Черного дракона в ту битву, к

которой готовились жрецы Древуна, и битвы... ее просто не было. Я знала о планах Воронира и мертвяках, запертых в деревнях, которые станут опорой его армии, я... я даже догадывалась, что магистр жив.

— Воронир жив? — спросила почти шепотом.

— Естественно, — холодно ответил Ирэнарн. — Мы шли по следу. Используя иллюзию, он подставил одного из учеников. Его упущением было то, что я способен видеть истину даже без даров воздушников.

Я невольно коснулась цепочки с жемчужиной, затем, опустив руку, поправила край полотенца, все это время ощущая взгляд дракона на себе.

И как-то вдруг, практически внезапно, мелькнула странная мысль: а как вышло, что в прошлом драконы спасли человеческих магов от уничтожения? Ведь они вмешались же, остановили храмовых фанатиков и особо рьяных приверженцев Триединого, восстановили магические учебные заведения, сохранили саму магию в человеческих государствах...

— Мы уже вмешались раз, — словно в ответ на мои мысли произнес Ирэнарн, — я способен вмешаться повторно.

Не удержавшись, тихо спросила:

— А первый раз? Это тоже было сделкой?

— Нет, — последовал холодный ответ. — Это было помощью другу.

И я как-то невольно вспомнила сказанное Асур-Рратом: «А подарив тебя Черному дракону, был уверен — он обретет друга. Искреннего, преданного, открытого, готового всегда помочь. Друга, в котором, как я думал, он так нуждается...»

Не обрел.

Я опустила взгляд.

— И? — потребовал ответа Правящий дракон.

Вспомнила его слова о том, что цена есть у всех.

Подумала о деревнях, о людях, которых можно было бы спасти, если бы вмешались драконы... о магах из Ума, которые казались столь старыми из-за того, что Воронир неоднократно выпивал их силы, о Мебережи и Университете Стихийных Сил, в котором где-то сейчас травят ящериц, изобретая яд для драконов, о гассах, о... обо всех. Обо всех, включая Вереса, который, как и остальные жрецы Древуна, погиб бы, не вмешайся Ирэнарн.

— Ты согласишься, — вдруг произнес Черный дракон. — Ты уже согласна.

Подняла на него напряженный взгляд.

Дракон смотрел на меня, чуть прищурившись, словно видел насквозь.

И он действительно видел.

— Это согласие не принесет счастья ни тебе, ни мне.

Спорить было не с чем. Действительно, не принесет, я знала это уже сейчас. Как едва ли принесло счастье Вересу вступление в ряды жрецов Древуна. Мы слишком маги... мы слишком долго стремились к тому, чтобы стать магами. Мы слишком многое вынесли, ради мечты в один прекрасный день наконец назвать себя магами.

Ирэнарн отвел взгляд.

Долго, неизмеримо долго он смотрел в стену, а затем тихо просил:

— Тебе понравилась Мебережь?

— Да, — просто сказала я.

Он кивнул, все так же глядя в стену, от которой уже мало что осталось.

Мне показалось, Ирэнарн принял решение. Как всегда сам, как всегда окончательное. Сопоставил факты, учел все факторы и принял решение. Мне бы только очень хотелось знать какое.

Но, не уведомив меня, Черный дракон приказал:

— Наверху в спальне твой шкаф, ступай, оденься.

Он даже смотреть на меня не стал, ожидая реакции. И так знал.

— Иди, — просто повторил.

Когда я поднялась, увидела уже знакомый одушевленный шкаф, из которого высунулся знакомый дух, оглядел меня с головы до ног, скорбно вздохнул и умчался в недра предмета мебели, доставать для меня всю одежду: от нижнего белья до плаща, шляпки и перчаток.

Одеваться я ушла в спальню, следом за мной туда же приковылял не считающийся с приличиями шкаф и с процессом одевания, несмотря на все мои попытки к сопротивлению, взялся помогать.

— Насколько я понял, Аттинур готовит нечто вроде восстания, если это можно так назвать, — раздался из основного помещения голос Ирэнарна.

— Насколько я поняла — да, — подтвердила, ахнув, когда дух затянул шнуровку на корсете.

— Все в порядке? — деликатно оставшись за дверью, уточнил Черный дракон.

— Да, просто... — я перевела дух, — просто в Мебережи приняты корсеты.

— Тебе он не нужен, — уверенно сказал Ирэнарн.

Дух был убежден в обратном, а я не слишком бы хотела выделяться среди местного населения, поэтому спорить с моим модельером не стала.

Ирэнарн же после некоторого молчания продолжил:

— К моменту, когда я вытащил тебя из реальности Воронира в

Горлумском лесу, на тебе использовалось заклинание. Оно не причинило вреда, но я его ощутил. Что это было?

— Элвеннир, — ответила я и пояснила: — Заклинание отъема магических сил.

Дух между тем принялся заплетать мои волосы, в итоге закрутив саму косу в пучок и закрепив шпильками. Поверх невозмутимо была натянута шляпка. Затем последовали ажурные перчатки, буффоньерка, пояс, сумочка и туфельки с пряжкой. Дух отрывался после того, как утром ему не дали возможности действовать.

— Заклинание не сработало, — утвердительно произнес Ирэнарн.

Спасаясь от духа, который с невозмутимым плоским лицом пытался приколоть мне еще и брошку в основание кружевного воротничка, я выскочила из спальни, прикрыла двери, прижалась к ним спиной и, стараясь отдышаться, пояснила:

— Магистр Аттинур подвергался этому заклинанию многократно, поэтому и выглядит гораздо старше своих лет. Насколько мне сумела объяснить профессор Нарски, Элвенниру подвергались, кроме ректора так же практически все магистры в Университете Магии. Но именно Аттинур и разработал методику пассивной защиты от этого заклинания.

В этот момент дух с неистребимыми дизайнерскими замашками просочился через щель между дверью и полом, создал прямо на моих глазах новую брошку, старая не пролезла, что ожидаемо, и, несмотря на мой возмущенный взгляд, гордо увенчал и так весьма выдающийся ворот жемчужной не менее выдающейся брошкой.

После чего, смерив меня с головы до ног взглядом, удалился с чувством выполненного долга.

Проследив за демаршем духа, нервно посмотрела на Ирэнарна. Черный дракон стоял все в том же полотенце, обмотанном вокруг бедер, прислонившись к столу и сложив руки на груди.

Несколько неверно истолковав мой взгляд, Главнокомандующий неуверенно произнес:

— Ну... красиво. — Затем гораздо увереннее добавил: — Но без одежды лучше.

Отреагировав на мои округлившиеся глаза, произнес:

— Что тебя удивляет?

Я даже не знала, что сказать на это.

Ирэнарн же вернулся к предмету обсуждения:

— Метод пассивной защиты, как он работает?

Открыла было рот, собираясь максимально точно ответить, и...

покраснела.

— Серьезно? — иронично переспросил дракон. — Все настолько интимно? Интимнее твоего прошлого объяснения?

Кажется, надо мной издевались. Или не кажется.

— Центр ощущения магии моей конфессии, — я прикоснулась рукой к кружевному воротнику и массивной жемчужной брошке, — его следовало сместить ниже... — И почему-то снова отчаянно краснея, добавила: — Значительно ниже.

— Мм-м, — глубокомысленно отозвался Ирэнарн. — Ну-ка подойди.

Я осталась стоять на месте, выразительно глядя на полуголого дракона.

— Тебя что-то смущает? — с нескрываемой иронией поинтересовался он. И добавил: — Знаешь, я тоже был несколько смущен, когда мне для начала открыто предложили исследовать все свои особенности телосложения, а под конец предоставили огромные, ничего не понимающие глаза и непомерную гордость.

Раздраженно сделала несколько шагов, отделяющих меня от дракона. Ирэнарн рывком развернул, прижал меня спиной к своей груди... и в целом ко всему, затем, расположив ладонь в основании моей шеи, замер, все так же прижимая к себе, обхватив поперек тела.

Несколько секунд держал, затем, все так же не отпуская, произнес:

— Да, центр магии сдвинут. Но я не могу понять как. У тебя нет ни сил, ни способностей для управления энергетическим центром, пусть даже и собственным.

— Да я же никчемная человечка сомнительного происхождения, — пробормотала, и, к сожалению, вслух.

— Вот и я об этом, — съязвил Правящий дракон. А затем без доли насмешки исключительно жестким командным голосом приказал: — Не дергайся сейчас.

И его теплая сильная ладонь двинулась вниз, не щадя моих чувств, не принимая в расчёт интимность его действий, не реагируя на то, что на нем вообще было всего одно полотенце! Единственное, что меня в какой-то мере примиряло с ситуацией, — спокойное дыхание дракона и его, похоже, чисто научный интерес.

А вот результат исследования не обрадовал.

— Ты использовала чужую магию для смещения энергетического центра! — жестко произнес Ирэнарн.

Я вспыхнула, собираясь было честно сообщить, что нет, я бы ни за что и никогда, я... И осеклась, едва открыв рот. Перед глазами очень четко

возникло видение второго полигона в УМе, ощущение пронизывающего до костей ледяного ветра и удивительное чувство, словно позади меня, вот так, как сейчас, стоит Черный дракон и я ощущаю тепло его тела, жар его прикосновения, и центр ощущения магии я сдвинула, сконцентрировавшись именно на этом прикосновении.

— То есть мы еще и подворовываем, — заключил, все так же обнимая меня, Ирэнарн.

— Да... — похолодев, прошептала я.

— Все еще не могу понять, каким образом при наличии столь скверных наклонностей вы умудряетесь обладать подобной непомерной гордостью, госпожа Радович.

Иронично выдав эту фразу, Ирэнарн между тем продолжил исследование. И его рука двинулась ниже, замерла на мгновение напротив солнечного сплетения, видимо не найдя искомого, двинулась дальше вниз... все ниже... ниже...

— Прекратите! — потребовала я.

Ирэнарн даже не потрудился ответить, размещая ладонь там, где когда-то по большой глупости ее разместила я, пытаясь объяснить дракону, что магия на кресле Ривэл вовсе не драконья.

— Это была моя магия, так? — мгновенно понял все Черный дракон. И философски добавил: — Впрочем, кажется, я в принципе являюсь тем единственным, кого вы предпочитаете грабить.

Усмехнулся и вдруг, склонившись к моему виску, прошептал:

— У нас принято описывать любовь Правящих драконов в летописях дома. Знаешь, я полагаю, мы начнем нашу историю со слов «Она его обворовывала».

— Я вас не... — начала было я.

— Вы меня «да», — безапелляционно прервал мою жалкую попытку оправдаться Ирэнарн. — Начиная с того, что я платил за вашу достойную комнату в гостинице, а вы вселились в каморку, а продолжив брачным браслетом и магией.

И совсем вкрадчивым шепотом, коснувшись дыханием моих прядей, произнес:

— И это я еще не упомянул самого ценного для любого дракона...

— А именно? — уже не ожидая ничего хорошего в принципе, мрачно поинтересовалась я.

Ирэнарн прижал сильнее и прошептал у самого моего уха:

— Ты украла мое сердце...

— Так, а у вас их два! — раздраженно напомнила я.

— Так, а ты умудрилась украсть оба, — с насмешкой ответил он. — И немного магии прихватила, так, на всякий случай.

Мне, конечно, не привыкать быть без вины виноватой, но чтобы так!

— Это произошло случайно, — попыталась все же объяснить я. — Мы с профессором находились на втором полигоне, был мороз, дул пронизывающий ледяной ветер, а моей задачей было в этих условиях ощутить тепло, и это получилось непроизвольно, и я...

— Ты знаешь, — продолжал все так же издевательски-коварно шептать возле самого моего уха Ирэнарн, — девяносто девять и девять десятых процентов воров, сидящих по тюрьмам, тоже абсолютно убеждены в своей невинности и совершенно искренне заверяют, что все это случайность и ошибка. Я сейчас говорю абсолютно серьезно — сам исследование проводил в рамках дипломной работы по психологии преступного мира.

— Вы писали дипломную работу по психологии преступного мира? — искренне удивилась я. — А какая же у вас тогда специализация?

— Мм-м... — несколько не понял Ирэнарн.

— Вы пси... — начала было я.

Осеклась.

Обнимающий меня дракон определенно очень настороженно отнесся к моей попытке сделать выводы, а потому мягко сообщил:

— И еще одиннадцать дипломных работ помимо этой. Милада, я заканчивал Броню, у нас нет какой-то одной конкретной специализации.

Помолчал, а затем добавил:

— И тех, кто не закончил военное училище, нет тоже.

Ирэнарн мягко отпустил меня и ушел в спальню, видимо переодеваться.

Я поправила шляпку, сдвинутую драконом, и спросила:

— А почему нет тех, кто не закончил ваше военное училище?

Ответ прозвучал по-драконьи жестоко:

— Для отстающих в Броне существует лишь одно наказание — смерть.

Когда он вышел, затянутый в черный костюм и зачесывающий назад рукой короткие волосы, я, простоявшая все там же и все так же, шепотом спросила:

— Как же так?

— Что именно? — учтиво осведомился Ирэнарн.

— Почему... смерть? — с трудом выговорила я.

Черный дракон посмотрел на меня так, что сразу стало ясно — он уже

трижды пожалел, что вообще сказал об этом и, максимально мягко объяснил:

— Недоучки Брони опасны для общества. В буквальном смысле.

Он подошел, мягко расстегнул мой воротник, и не спрашивая ни разрешения, ни вообще моего мнения, молча надел на меня цепочку. Серебряную. Она неприятно холодила кожу и очень отчетливо ощущалась мной, в отличие от уже имеющейся на шее давно ставшей родной серебряной цепочки с жемчужинкой от воздушника. Спрятал под одеждой и так же невозмутимо застегнул воротник.

— Что это? — нервно спросила я.

— Страж, — последовал лаконичный ответ.

Но, возвращая жемчужную брошь на место, Ирэнарн добавил:

— Обычно я не оставляю себе путей для отступления, как, впрочем, и права на ошибку. Однако... будем откровенны, задача подобного уровня была поставлена передо мной всего раз, а пять лет назад я был слишком молод и глуп, чтобы хотя бы задуматься о обходных путях. — Он невесело усмехнулся, посмотрел мне в глаза и произнес: — Это моя точка невозврата, Милада. Ты активируешь Стража, если... — Пауза и ледяное: — я утрачу контроль.

Я с искренним сомнением посмотрела на дракона, Главнокомандующий ответил спокойным:

— Прежде чем заявлять о том, что «нет», «никогда» и «ни за что», просто вспомни, во что ярость дракона превратила часть Горлумского леса.

И рука, поднятая было к воротнику, бессильно опустилась.

Но одна мысль догадка, озарение — не давала мне покоя.

— А как в Броне убивают отстающих?

Ирэнарн выдержал мой взгляд и все так же спокойно ответил:

— При поступлении вручают серебряного Стража. В случае если руководство Брони сочтет нужным и необходимым, Страж убивает кадета.

И рука сама дернулась к воротнику, но дракон был быстрее — он удержал сначала одну ладонь, затем и вторую, молча выждал, пока я успокоюсь, и холодно произнес:

— Стража может снять лишь тот, кто надел. И это не страж наири, даже в измотанном состоянии он не подчинится ни одному древнему прохиндею. Успокойся. И можешь в полной мере наслаждаться чувством ответственности за чужую жизнь, не все же мне одному страдать.

— В смысле? — почти истерически воскликнула я.

— В смысле, если ты, как я, к примеру, все чаще в последнее время испытываешь желание придушить меня, — Страж это исполнит. Так что, будь

добра, контролируй желания.

И, отпустив мои ладони, Ирэнарн отправился к столу, что-то выискивая среди тарелок с уже давно остывшей едой.

А я, даже не знаю почему, но все же вдруг спросила:

— А если я, к примеру, испытаю желание поцеловать вас?

Ирэнарн как стоял возле стола, так и остался стоять. Затем очень медленно повернулся и насмешливо произнес:

— Полагаю, что специалисты Брони подобный вариант едва ли рассматривали. — И Главнокомандующий с исследовательским интересом взглянул в район моей груди.

Где-то там холодил кожу серебряный Страж непонятно какого вида, я даже не успела кулон рассмотреть.

— Снимите его, пожалуйста, — искренне взмолилась я.

Ирэнарн продолжил неторопливые поиски, наконец, нашел стандартных размеров визитку, всмотрелся в нее и ответил:

— В данном конкретном случае польза многократно превышает пусть даже неучтенные риски, соответственно, Страж останется на вас, халоне Ирэтани.

— Что? — слабеющим голосом переспросила я.

Черный дракон повернув голову, улыбнулся мне и... начал меняться. Стали уже плечи, исчезла рельефная, заметная даже под одеждой внушительная мускулатура, серебро полностью покинуло радужку драконьих глаз, волосы стремительно отросли и стали менее густыми, но длиной до плеч, хищные черты лица смягчились, перестав отражать властный характер носителя, рост уменьшился, и теперь Ирэнарн был ростом с Хатора, только телосложением гораздо тоньше, как обычный молодой дракон.

— Халоне Милада Ирэтани, — с усмешкой уточнил Ирэнарн. — Практически. Станешь ею минут через пять. Мое имя запомни — халоне Саир Ирэтани, младший отпрыск рода Ирэтани. Чтобы не обмолвиться ненароком, можешь обращаться ко мне — «милый», «любимый», «дорогой», «единственный» и прочее.

Я стояла, хватая ртом воздух и пытаюсь понять, что вообще происходит.

— И ты скажешь «да», без вариантов, — произнес Черный дракон.

Не приказал, не надавил, не потребовал — произнес как данность, и в его измененных зеленых глазах отчетливо проступило серебро Правящего дракона. Но в ответ на немой вопрос, читавшийся в моих, он все же опустил до пояснения:

— Это сделка, Милада. Твоя цена — благополучие Любережи и магов, мы ее определили, как и твое согласие на эту цену. Есть возражения?

Возражений не было. Да и какие могут быть возражения, когда речь идет о такой «цене»?! Просто... просто я помнила его: «Это согласие не принесет счастья ни тебе, ни мне», просто я надеялась на что-то другое, просто я почувствовала себя преданной... просто... Он же дракон, чего я ждала?!

— Руку, — произнес Ирэнарн.

Я молча подошла и вложила дрогнувшие пальцы в его сильную ладонь.

* * *

Мы перенеслись в Мебережь. Я поняла это, даже не открывая глаз, — теплый, наполненный ароматом цветущих деревьев ветер, едва не унесший мою шляпку за собой, был красноречивее любых информационных табличек. И я с улыбкой подставила лицо ветру, придерживая шляпку и, если честно, не желая открывать глаза. Потому что ветер перебивал, но не полностью, легкий запах лаванды и ладана, присущий всем храмам Триединого — которого чтили исключительно в человеческих королевствах, и любой союз, заключенный в храме этого бога, будет иметь законность тоже исключительно в человеческих королевствах.

— Платиновые кольца тебя устроят?

Открыв глаза, подавила растущую пустоту в груди и тихо ответила, разглядывая угадывающиеся в темноте очертания храма, перед открытыми освещенными дверями которого мы стояли:

— Можно и медные, какая разница.

— Медные вызовут лишние вопросы, — делая шаг и вынуждая меня последовать за ним, резонно заметил Ирэнарн. — Драконы стандартно используют золото, но так как лично я не горю желанием провести первую брачную ночь в обществе древнего и твоей новообретенной родни, у тебя есть выбор — платина или серебро.

— Мне не важно, — прошептала, разглядывая храм.

Храм Триединого был весь украшен цветами. Белые букеты лилий по рядам сидений для верующих, синие веточки лаванды под каждым факелом на стене, белые ароматные венки из веточек цветущих абрикосов вокруг каждой свечи в массивных люстрах под крышей храма, розы у алтаря. Мне подумалось, что возможно, здесь сегодня уже была чья-то свадьба, но при

ближайшем рассмотрении оказалось, что все букеты из лилий окутаны поддерживающей уровень влаги магией, и я поняла, что этот храм так украшался всегда и оставался каждый день волшебным.

— Здесь так красиво. — Я не могла этой красотой надышаться.

Черный дракон просто молча протянул визитку. Неловко взяв ее, я прочитала: «Цветочный храм Триединого — лучшее место для вашей свадьбы». Волшебство момента померкло.

Молча вернула визитку, никак вообще не комментируя.

— Легенда должна быть правдоподобной, — отстраненно сообщил Ирэнарн. — Но я решил, что этот храм понравится тебе больше других.

Что ж, дракон был прав, но как-то очень по-драконьи прав, и мне как-то очень по-человечески было от этого не легче. Но храм действительно оказался удивительно красивым и даже немного волшебно-чарующим. И чем дальше мы шли, тем сильнее я попадала под очарование этого места. Наверное, будь у меня настоящая свадьба, я бы хотела провести ее в таком храме... Но думать об этом было больно, и я постаралась просто не думать. Здесь было так восхитительно, что это даже получалось... не думать ни о чем.

Ирэнарн подвел меня к первому ряду сидений, усадил и ушел к показавшемуся служителю в белых одеждах. Их переговоры заняли лишь пару минут, и почти сразу в храме появилась пожилая пара, как полагающиеся этому обряду свидетели, а над сводами храма прозвенел колокол, сообщая всему миру о том, что двое решили связать свою жизнь узами брака. Звон привлек прогуливающихся на площади, и свидетелей у нашего бракосочетания сразу прибавилось. Только мне от этого стало не легче.

— Смотри, шо деется, — донеслось с одного из задних рядов заполнившихся сидений, — дракон человечку берет. Видать, родня евояная не приняла, вот и женются тут.

— Так, а дракон же, почитай, по своим законам холостой останется.

— А она женкой, узами связанной. Ой, шо деется!

— А девка-то, может, не знает? Молоденькая совсем, жалко глупую.

Я опустила голову ниже и постаралась просто не слушать, не слышать, не обращать внимание. Сколько их было — голосов за моей спиной и слов в мой адрес... Иногда, правда, возникал внутренний вопрос: за что мне все это?! Но вопрос всегда оставался без ответа. Я не знала за что. Просто раньше было легче, потому что я упорно продолжала биться за свою мечту, а теперь... теперь есть цена, и она слишком высока, чтобы принимать в расчёт мои чувства и желания.

Ирэнарн подошел и молча протянул руку. Так же молча приняла его помощь и поднялась, подумав о том, как не вяжется этот облик юного романтического дракона с истинной сущностью Правящего.

Дракон, в новом облике сохранивший властность и уверенность движений, снял с меня шляпку, небрежно бросив ее на деревянную скамью и распустив мои волосы, все так же молча надел на меня веночек из крохотных роз. Не живых. Я ощущала холодок металла и видела, как заиграли отсветы от драгоценных камней на моих волосах и черном костюме дракона.

— У меня самая прекрасная невеста на свете, — оглядев деяние своих рук, тихо произнес дракон.

От его слов почему-то захотелось плакать.

— Не стоит. — Он приподнял мое лицо за подбородок и взглянул в глаза: — Я не могу жениться на тебе, Милада. Даже если забыть о моем происхождении и долге, не смог бы. Пойми, наири — сердце дракона. Жениться на наири все равно что вынуть сердце из груди и повесить его, незащищенное, на цепочку в качестве украшения.

Я... не понимала. Не могла понять и не хотела понимать. Понимать было больно, потому что все отчетливее и яснее становились слова Зэрнура: «Если вы войдете в спальню Черного дракона, вы больше никогда не покинете ее».

— Не нужно... — прошептала я.

— Объяснять? — уточнил Ирэнарн.

— Да.

Он кивнул, принимая мой выбор и как-то сразу закрываясь, словно камня, и теперь от него веяло холодом, как от металла венка невесты, который должен был бы быть из живых цветов... но не был.

Вновь взяв меня за руку, Ирэнарн молча подвел к алтарю и ожидающему уже с книгой Вечного слова в руках священнику. Вставшие по сторонам от нас свидетели передали нам по белой, украшенной цветами и кристаллами, свече.

И освещение в храме мгновенно изменилось: погасли свечи в люстрах, притушился огонь настенных факелов и засияли два огонька свечей, что мы держали в руках. И мы словно остались одни в этом мире, освещенные ярко пылающими свечами, окруженные ароматом цветов и торжественной атмосферой храма. Я и абсолютно незнакомый мне внешне дракон.

— Дети... — священник запнулся, видимо подбирая слова, и продолжил увереннее: — Дитя земли и дитя небес, вы вступили под эти своды, приняв решение, что пронесете всю оставшуюся жизнь.

Он выдержал паузу, позволяя нам ощутить всю важность этого решения, и продолжил:

— Взгляните друг на друга и познайте истинную мудрость любви — минуют годы, время оставит отпечаток на ваших телах и лицах, но день за днем вы будете видеть друг друга такими, какими видите сейчас. Это дар, дар вашей любви.

В зеленых глазах промелькнуло серебро, но это было тем единственным, что на миг обозначило — передо мной стоит все же Черный дракон. Лишь на миг...

— Брак — это не оковы, это союз. Вдохните всей грудью запах свободы, которую дарит лишь истинный союз, союз двух любящих сердец, поддерживающих друг друга.

С моих ресниц упала слеза. Всего одна, неведомо как прорвавшаяся через барьер показного спокойствия, который я старалась удержать.

— Вы больше не одиноки, — продолжил священник, — отныне вы будете бороться за свои мечты вместе, идти вперед, держась за руки, и достигать вершин, не боясь оступиться.

Была бы моя воля — я ушла бы после этих слов. Не ушла — сбежала бы. Так быстро, что ветер снес бы даже этот драгоценный венок... но единственным, что выдало мои чувства, была дрогнувшая в руках свеча. Я осталась стоять, отчетливо понимая, что никто и никогда теперь не сможет встать вот так напротив меня и, держа свечу, смотреть мне в глаза с истиной верой. И ни с кем, как сейчас говорит священник, мы не будем бороться за наши мечты вместе... Потому что браки, заключенные в храме Триединого, не предполагают разводов. Такой брак заключается раз и на всю жизнь. Всю мою жизнь.

— Халоне Саир Ирэтани, — торжественно произнес служитель, — готов ли ты взять эту женщину, Миладу Радович, чтобы вести ее по жизни, всегда быть рядом, любить и оберегать, ценить и беречь, быть ее светом, солнцем, радостью и опорой? Готов ли идти рядом, приняв ее цели и желания как свои собственные, окрыляя, но не сковывая, помогая, но не обременяя, окружая заботой и прислушиваясь к ее желаниям, с тем же тщанием и вниманием, как прислушиваешься к собственным?

— Да, — просто ответил Ирэнарн.

Чужое имя, чужой бог, чужие слова обряда и согласие, которое ничего для него не значило. Абсолютно ничего.

— Госпожа Милада Радович, — обратился священник ко мне, — готова ли ты взять за руку этого мужчину, халоне Саира Ирэтани, чтобы идти рядом с ним по жизни, всегда быть рядом, любить и оберегать, ценить

и беречь, быть его светом, радостью, солнцем и счастьем? Готова ли идти рядом, приняв его цели и желания как свои собственные, окрыляя и оставаясь надежным тылом, домом и тихой заводью, куда он всегда сможет вернуться из бури жизненных невзгод и трудностей? Готова ли любить, истинно, искренне и нежно, даря свет своей любви этому мужчине, оставив все упреки и обвинения за порогом этого храма навеки?

«И ты скажешь „да“, без вариантов...»

«Это сделка, Милада. Твоя цена — благополучие Любережи и магов, мы ее определили, как и твое согласие на эту цену. Есть возражения?»

Я смотрела в глаза Черного дракона с четким осознанием совершения самой страшной ошибки в моей жизни.

— Госпожа Радович, — нервно позвал священник.

Ирэнарн не сказал ничего. Он спокойно смотрел на меня чужими глазами, не сомневаясь ни на миг в моем ответе. Для него цена была названа и сделка совершена, для меня... Это был мой бог, церемония, которая для меня имела силу и значение, и согласие, которое обрекало меня на то, чтобы, взяв за руку этого мужчину идти рядом с ним по жизни, всегда быть рядом, любить и оберегать, ценить и беречь, быть его светом, радостью, солнцем и счастьем, приняв его цели и желания как свои собственные, окрыляя и оставаясь надежным тылом, домом и тихой заводью, куда он всегда сможет вернуться из бури жизненных невзгод и трудностей, любить истинно, искренне и нежно, даря свет своей любви этому мужчине и оставив все упреки и обвинения за порогом этого храма навеки.

«И ты скажешь „да“, без вариантов...»

Я смотрела на него поверх двух пылающих свечей и понимала — у меня не останется ничего. Ни права на любовь, ни права на мужа, семью и детей... Ни-че-го. Ничего, кроме этого дракона и моих обязательств быть с ним, любить его, улыбаться, сиять и быть счастливой для него, принять его желания и цели как свои собственные и никогда не сметь упрекнуть ни словом, ни взглядом, потому что все упреки и обвинения я должна оставить за порогом этого храма.

«Это сделка, Милада. Твоя цена — благополучие Любережи и магов, мы ее определили, как и твое согласие на эту цену. Есть возражения?»

— Да... — прошептала я.

Ослепительно вспыхнул свет в храме, раздались крики поздравлений, рукоплескания, зазвенели колокола, сообщая о радости единения «любящих сердец».

Ирэнарн передал свою свечу свидетелю, затем отобрал мою свечу,

вытянув из не разгибающихся пальцев, отдал свидетельнице. Мое обручальное кольцо было из платины — нежный ободок, на котором распустился казавшийся почти живым цветок, его — являлся невзрачным серебряным перстнем, в целом имевшим мало общего с обручальным кольцом.

— Халоне Саир Ирэтани, можете поцеловать супругу!

Стальная хватка на моей талии, и властный поцелуй получившего свое Правящего дракона, но никак не того милого юноши из крылатого народа, в облике которого он пребывал.

Мы покидали цветочный храм Триединого под крики поздравляющих нас оплаченных и случайных свидетелей церемонии, осыпаемые лепестками роз и пожеланиями здоровеньких деток, счастья, терпения, любви...

На порог храма я вышла замужней женщиной с обязательствами.

Черный дракон... свободным драконом, чью свободу мои обязательства никак не ограничивали, да и в целом мало волновали.

Он остановил проезжающий мимо наемный экипаж, помог мне подняться в карету, обернулся к службе, выбежавшему из храма с моей забытой шляпкой и двумя венчальными свечами, которые так же полагались нам, затем запрыгнул в экипаж, назвав вознице адрес.

А я отчаянно думала о том, как жить дальше...

Просто о том, как жить дальше?! Как я смогу жить дальше теперь, когда я даже больше себе не принадлежу?.. Как?!

Экипаж провез нас по мощеным улицам на окраину города, где аромат цветов был гораздо насыщеннее, и подкатил к уютному домику, утопающему в зелени окружающего сада.

Ирэнарн помог выйти из кареты, после, оставив меня, отошел к вознице, оплачивая проезд и еще о чем-то договариваясь. За моей спиной скрипнула калитка, и я, растерянно обернувшись на звук, увидела спешащую ко мне женщину преклонных лет, низенькую и необъемную, в белом чепце и переднике, казалось, состоящем из одних рюшей.

— Ох и припозднились вы, милочка, — с ходу начала женщина. — Я ж вас утром ждала.

Шагов подошедшего дракона я не услышала, а потому вздрогнула, когда меня властно, с полным осознанием того, что теперь мне нечем возразить на его право обладания, обняли за талию.

— Прошу прощения за задержку, госпожа Осинн, — произнес Ирэнарн. — Но, учитывая все обстоятельства, я решил, что гораздо правильнее с моей стороны будет узаконить наши отношения. Мы с

Миладой сочетались браком в храме Триединого.

— Ох, батюшки! — всплеснула руками женщина. — Ой, мои поздравления! Ой, и что это я стою! Кровать-то нужно перестелить, как-никак брачная ночь! Ой и... вы проходите, я... ой! Быстро я!

И она заспешила обратно в дом, а у меня появилось стойкое ощущение, что мои ноги приросли к земле и ни за что не сдвинутся с места. Жаль, даже в этом состоянии я прекрасно понимала, что оно ошибочно.

— У вас, людей, принято переносить невесту через порог на руках? — невозмутимо поинтересовался дракон.

— Порог дома, а не через ворота. И не нужно...

Но в очередной раз не считаясь с моими желаниями, Ирэнарн подхватил и понес меня на руках сначала в сад, затем, мягко ступая между цветущими деревьями, к горящему всеми окнами домику.

— Он твой, — сообщил дракон, — куплен на твое имя.

Наверное, я должна была бы быть тронута, но почему-то становилось только больнее.

К тому моменту, как мы подошли к дому, госпожа Осинн уже стояла у двери, торжественно ее придерживая. Черный дракон столь же торжественно внес меня в дом и опустил на ноги посередине гостиной.

— Ну... я... — начала было деятельная госпожа.

— Вы свободны, — уведомил ее Главнокомандующий.

— Так, а... — попыталась было что-то сказать она.

— До завтра, — пресек попытку дракон.

Госпожа Осинн понимающе заулыбалась и произнесла:

— Так завтра я ближе к полудню?..

— К закату, — обозначил время Ирэнарн.

Женщина, сделав неловкий реверанс, просияла все более понимающей улыбкой и покинула нас, старательно прикрыв за собой дверь.

— Госпожа Осинн — твоя домработница, — сообщил мне дракон, проходя к камину и усаживаясь в кресло.

Огонь в камине вспыхнул сам, жадно охватив заготовленные дрова.

Я стояла посреди гостиной, неуверенно оглядываясь и избегая взглядом лестницы, ведущей наверх... Что-то мне подсказывало, что спальня там. Затем, стиснув зубы, я заставила себя посмотреть на дракона, который теперь был моим... мужем. Муж сидел возле огня, закинув ногу на ногу и пристально взирал на меня. В глазах, пусть даже внешне утонченного юного дракона, отчетливо читался зверский голод. Вспомнила, что, кажется, Ирэнарн ничего не ел с самого завтрака.

Рассеянно скользнув взглядом по своему обручальному кольцу, я подошла к столику у двери, сняла веночек, оказавшийся удивительно прекрасным творением ювелира, правда, цветы на нем от этого не стали живее, и, оставив украшение на столике, на ходу заплетая волосы в привычную косу, направилась туда, где, по идее, должна была быть кухня.

— Ты куда? — поинтересовался дракон.

— Готовить вам... — Остановилась. Судорожно вздохнула и с трудом выговорила: — Готовить тебе ужин.

— Зачем? — прозвучал удивленный вопрос.

Резко развернувшись, посмотрела на него почти с ненавистью. Ирэнарн вернул себе собственный облик, что невольно создало ощущение стремительно уменьшающегося кресла и позволило ненавидеть его, в смысле дракона, а не кресло, гораздо сильнее. Просто ненавидеть незнакомого дракона мне было как-то сложно.

— Потому что, — проговорила, с трудом сдерживая эмоции, — ты теперь мой муж. И я прекрасно отдаю себе отчет в том, что я вам, ир-хан Главнокомандующий, не жена, но ты мне, халоне Саир Ирэтани, муж. И я только что в храме МОЕГО бога поклялась заботиться о тебе... Саир.

Взгляд Черного дракона полыхнул серебром, и Ирэнарн зло произнес:

— Это не мое имя.

— Это имя моего мужа, — прямо глядя в его глаза, напомнила я.

Негромко выругавшись, Ирэнарн молчал несколько долгих секунд. Когда заговорил, в его голосе прозвучал металл:

— Моя наири не будет называть меня чужим именем.

Не знаю, звучало ли что-то кроме усталой обреченности в моем голосе, когда я ответила:

— Я буду называть своего мужа тем именем, которое произнес священник в храме Триединого, заключая мой нерушимый брак!

Зрачок дракона сузился до тонкой нити, хищные черты лица заметно заострились, когда взбешенный Ирэнарн холодно напомнил:

— Муж, к слову, может потребовать выполнения супружеского долга.

Судорожно сглотнув, выпрямив спину почти до боли, ответила:

— У мужа есть законное право на это.

Ирэнарн вскочил, в одно мгновение оказался рядом и прошипел, с трудом сдерживая ярость:

— У меня было это право с первого момента, как я тебя увидел! У меня было это проклятое право всегда! В любое время! В любых обстоятельствах! В любом месте!

Испуганно отшатнувшись в первый момент, я заставила себя молча

выслушать все это. Выслушав, кротко уточнила:

— Это все, что ты хотел мне сказать?

Он замер, глядя на меня почти с ненавистью.

— Если да, то я пойду готовить ужин, — разворачиваясь и без его ответа направившись на кухню, сказала я.

Ответа действительно не последовало, прозвучало лишь глухое:

— Я уже заказал ужин. Сейчас привезут из ресторана.

— Хорошо, — не оборачиваясь, сказала я. — Тогда я накрою на стол.

* * *

Кухня оказалась очень уютной. Не то чтобы я разглядела ее сразу, некоторое время потратив на вытирание беспрестанно льющихся слез, но к тому времени, как раздался звонок колокольчика у двери, я уже практически успокоилась.

Небольшое помещение кухни было отделено тонкой стенкой с окном и широким подоконником от столовой. Накрывать стол мне не пришлось, госпожа Осинн обо всем позаботилась — на столике стояли два подсвечника, из которых, кажется, в спешке вынули свечи, видимо, чтобы мы разместили там венчальные, для этого самого важного из ужинов в начинающейся семейной жизни... Слезы пришлось вытирать снова.

Вошедший на кухню дракон начал вынимать блюда из широкой холщовой сумки с золотой символикой какого-то ресторана. Мне сказать было нечего, когда я подошла и присоединилась, как и полагается приличной жене. Среди заказанных блюд имелся и свадебный пирог, сохранивший форму исключительно благодаря магии, так что... пирог чуть было не отправился в мусорное ведро без разговоров. Ирэнарн остановился в последний миг, задумчиво посмотрел на меня, на изрядно украшенное кремом кондитерское изделие.

— Не уверен, что тебе его можно есть, — честно признался дракон.

— Мне и не хочется, — не менее честно призналась я.

И пирог все-таки свалился в мусорное ведро, размазав белый крем по его стенкам.

В полном молчании мы перенесли блюда на стол, я после недолгого размышления нашла наши венчальные свечи и вставила их в подсвечники. Дракон молча зажег.

Последней, что он достал из сумки, была бутылка игристого белого вина. Бокалы уже ждали на столе. И как ни хотелось отложить этот момент,

но в конце концов мы сели за стол, друг напротив друга, и Ирэнарн, открыв вино, разлил по бокалам.

Моя рука дрогнула, когда я взяла свой бокал.

По нашим деревенским традициям, когда жених и невеста поднимали первый тост на свадьбе, оба кидали свои кольца в бокалы друг другу, и выпивали до дна, пока не ловили кольцо любимого губами... Свое обручальное кольцо я снимать не стала.

— За тебя, — произнес Ирэнарн, — за самую прекрасную девушку мира.

Молча отсалютовала и, поднеся бокал к губам, едва пригубила вино.

— Выпей до дна.

Практически приказ.

Я выпила.

Вино обожгло голодный желудок, мгновенно ударив в голову. Только веселья никакого я не испытывала, хотелось забраться в кресло, которое, кажется, не пережило приступ ярости дракона, и плакать, не сдерживаясь и не останавливаясь.

— И еще один бокал, — снова в приказном тоне.

— Зачем? — с трудом пытаюсь отдышаться после первого, выговорила я.

— Потому что, Милада, — наливая мне вино, раздраженно произнес Ирэнарн, — легенда должна быть правдоподобной и завтра утром у тебя должна болеть голова.

— 3-зачем? — беря бокал, который мне фактически всучили, переспросила я.

Холодные глаза Черного дракона мрачно сверкнули серебром, и он не менее холодно произнес:

— Потому что призма Университета Стихийных Сил драконью магию не определяет. А твоей собственной для поступления недостаточно. Пей.

Не до конца понимая смысл его слов, я взглянула в бокал и поняла, что до конца допить не в состоянии. Но Ирэнарн жестко повторил:

— Пей, я сказал.

И я выпила, откровенно давясь сладким вином.

В следующее мгновение Черных драконов стало два.

Я не знаю, как это случилось, отчаянно сглатывая остатки вина, которое я в себя залить залила, а выпить еще не все выпила, я потянулась вилкой к салату, и тут... Черных драконов стало два.

— Та-а-ак, — как-то нехорошо протянули оба эти дракона, с одинаковым подозрением глядя на меня. — Милада, а у тебя вообще есть

опыт питья спиртного?

— Есть, — переводя удивленный взгляд с одного дракона на другого, ответила я.

— Серьезно? — Кажется, мне не поверили оба. — И в чем твой опыт заключается?

После чего оба каким-то образом накололи на вилки по кусочку сыра и запихнули мне в рот... почему-то один кусочек, а не два. Прожевав и сглотив, я отбросила размышления на тему, почему кусочек сыра вдруг стал один, их же точно два было, и уверенно ответила:

— Две! — И неуверенно сама у себя спросила: — Или три?

— Две или три чего? — невозмутимо поинтересовались оба Главнокомандующих, отрезая одновременно два тоненьких кусочка говядины и снова кормя меня... одним. Почему опять одним куском? Куда делся второй?!

Прожевав, нервно ответила:

— Кружки теплого вина, оно зимой в придорожных тавернах подается с сахаром и соком клюквы.

— То есть твой максимум — это две или три кружки разбавленного горячего вина... — как-то со значением протянули оба Ирэнарна. Одинаково усмехнулись и поинтересовались: — И каков был результат злостного злоупотребления спиртным?

И оба! оба же! снова поднесли к моим губам один! какого двурогого один кусочек мяса?!

— Я сменила место обитания Призрачного ямщика, прикрепив его к королевскому венцу, — честно призналась мужу... мужьям. Не важно!

— То есть ты проделала это в далеко не трезвом состоянии?! — насмешливо уточнили драконы, впихивая мне в рот этот ОДИН кусок мяса.

— Так, вы оба, прекратили! — отжевавшись и проглотив, потребовала я.

Драконы и прекратили. Они как-то странно огляделись, причем совершенно одинаково и синхронно, после чего так же разом у меня спросили:

— Мы?! Оба?!

— И хватит меня кормить исчезающей едой! — отшвырнув вилку, потребовала еще более нервно.

Я все понять не могла — а куда она исчезает?! Эта еда?!

— Милада, — старательно сдерживая улыбку, произнесли два Главнокомандующих, — милая, я полагаю, вина достаточно.

И они оба протянули мне по куску тонко нарезанного теплого мяса.

Снова! Оба! Один кусок! Как?!

— Это уже издевательство! — отшатнувшись от мяса, которое подавали мне с двух вилок, заявила я.

Присмотрелась к куску, двум вилкам, сходящимся в этом мясе в одном месте, и уже задумчиво проговорила:

— Или искривление пространства? Выглядит как преднамеренное искривление пространства.

— Ладно, съем сам, — решили Ирэнарны.

Раздвоили куски мяса и съели! Оба!

Такого издевательства я уже не выдержала. Метнувшись на кухню, отыскала кусок темной бумаги, которую использовали в ресторане, чтобы блюда заворачивать, какой-то огрызок мелка и, вернувшись в столовую, с сомнением посмотрела на стол. На столе места не было, там стояли тарелки, три вида салатов, рыба какая-то, обжаренная в черных семечках, четыре мясных блюда, блюдо с хлебом разного вида и бутылка с чем-то явно спиртовым. Из нее, наблюдая за мной с растущим интересом, пили сразу два Ирэнарна. Одновременно. В смысле, бутылка раздваивалась, они пили и возвращали ее на стол, где она соединялась в одну.

— Это все-таки издевательство, — решила я, махом усаживаясь на пол, и, кое-как уместив лист на колене, придала ему жёсткости простейшим заклинанием и принялась составлять уравнение явно применяемого здесь искривления пространства.

Черные драконы некоторое время продолжали есть, но затем с тарелками в руках и бутылкой, окончательно раздвоившейся, устроились рядом, умудряясь снова кормить меня частично исчезающей едой.

— Бред какой-то, — прожевав очередной кусок, высказалась я.

Уравнение уже занимало все пространство имеющейся бумаги.

— Давай сдвинем ковер, сможешь писать на полу, — внезапно предложили Ирэнарны.

— Сдвигайте, — милостиво согласилась я.

И хватанула бутылку. Просто очень хотелось пить.

— Не... — начали было Ирэнарны... причем оба.

Но было поздно. Алкоголь оказался крепким настолько, что у меня мгновенно закружилась голова, и, пока я откашливалась обожженным горлом... Ирэнарнов стало трое!

— Хватит размножаться! — раздраженно глядя на драконов, потребовала я.

— Милая, я еще даже не начинал, — осторожно отбирая у меня бутылку, сообщили все трое.

Разом. Растроив несчастную бутылку!

Судорожно выдохнув, я взяла какой-то расплывающийся фрукт, который разом же передали все трое, и, принявшись грызть, судя по вкусу, яблоко, продолжила построение уравнения, выводя формулу.

— Хм, а это интересно, — вдруг отозвались Ирэнарны.

И, отобрав у меня мелок, продолжили уравнение. Соображали Ирэнарны хорошо, все-таки правильно говорят — одна голова хорошо, а три лучше. Я, правда, все никак не могла понять, почему все трое драконов одной рукой пишут... но писали толково.

И минут через десять у нас было пустое блюдо из-под мяса и формула.

— Вот и внесем ясность, — отодвинувшись от Ирэнарнов и чертя контур стабилизации искривления пространства, угрожающе заверила я.

— Древнего даже жаль, — почему-то протянули Черные драконы.

Разом.

— Почему? — удивленно спросила я, вливая магию в контур.

Контур радостно напился магией, получил очертания и выступил крышкой квадратного люка. Это был несколько не тот результат, которого я ожидала, стабилизируя пространство. Но, недоуменно глядя на люк, я все-таки потянулась и открыла... сокровищницу Асур-Ррата.

— Дай-ка я формулу перепишу, — извлекая из карманов блокноты и ручки, коварно сказали Ирэнарны.

Я сидела, хлопая ресницами и не понимая, что это сейчас произошло и... почему вся сокровищница Асур-Ррата завалена книгами? Я ее вообще только по подсветке и колечку Камали, окруженному речными камешками, узнала.

И тут откуда-то издалека донеслось раздраженное:

— Древний, и эта тоже не открывается!

И Ирэнарны как-то напряглись, затем вгляделись в книжные завалы и очень нехорошо проговорили:

— А за каким Спящим тут учебники из Брони?

И их голос слышали. Ирэнарнов. Откуда-то оттуда высунулась морда древнего в уменьшенном варианте, следом — голова Гаррата. Они посмотрели на нас, мы на них.

— Рэнарн? — удивленно спросил Владыка.

— Рэнарны! — поправила я. — Их тут трое.

— Милада? — возмущенно воскликнул древний.

— Ик! — ответила я.

И в сокровищницу с того конца, где тоже был открыт люк, скользнул вполне себе нормальный полномасштабный Асур-Ррат, с таким

выражением лица, что, казалось, его в порыве гнева ничто не остановит.

Но только казалось.

— Книги, — очень ласково, но как-то и совсем угрожающе произнесли Ирэнарны.

И Асур-Ррат застыл на месте, осознавая масштаб провала операции. Глаза его, при наличии совершенно застывшего лица, нервно заматались. Но тут вмешался Гаррат и с показной ленцой заявил:

— Рэнарн, чего ты бесишься, они все равно не открываются.

Все три Черных дракона как-то нехорошо прищурились, склонив голову к левому плечу, и разом выдохнули, как-то даже с огнем:

— Потому что сокрытые знания в них опасны, Гар. Опасны настолько, что открыть их способны только поступившие в Броню и получившие Стража!

И тут Асур-Ррат осторожно заметил:

— Но я как бы тоже Страж...

И умолк под взглядами превосходящего количеством противника. А я поняла, что мне хочется спать. Очень. Насколько, что хоть бери и ложись прямо тут.

— Кстати, — невозмутимый даже при поимке с поличным, продолжил Гаррат, — а чего ты там делаешь с моей невестой?

— Твоей невестой?! — как-то совсем зло переспросили Ирэнарны. — Гаррат, твоей невесты здесь нет!

— Что значит «нет»? — засовываясь чуть ли не по пояс в сокровищницу древнего, возмутился Владыка. — Вот она, вдрабадан пьяная на полу шатается. Ир, а чего это ты мою вкусняшку спаиваешь?!

Не отвечая на вопросы, все три Черных дракона прорычали:

— Гаррат, ты женишься на Гэндоран, хочешь ты того или не хочешь! И у тебя два пути, брат: или ты женишься, или останешься заточен во дворце. Навеки!

Я покосилась на суровых Главнокомандующих, подумала и даже отодвинулась осторожно.

И тут Владыка насупился и заявил:

— А у меня принцип — на плешивых не женюсь!

И захлопнул крышку люка сокровищницы древнего.

В следующее мгновение я наблюдала сразу две интересные аномалии — древний побледнел, сменив цвет кожи с красного на почти белый, а у всех трех Ирэнарнов разом нервно задергалось веко.

— Асур-Ррат, — очень медленно, с трудом сдерживаясь, проговорили Черные драконы, — что этот... особо умный впихнул в свадебные дары

Снежной драконице?

Казалось бы, древнему бледнеть больше некуда было, но он побледнел сильнее, опустил глаза, стараясь не смотреть на всех трех Ирэнарнов сразу.

— Асур-Ррат!!! — прорычали Главнокомандующие.

Древний, заметно содрогнувшись, как-то виновато посмотрел почему-то на меня и нервно сообщил:

— Я толком не знаю, я ему только Шкодима приволок, а что они там дальше делали с этим эльфийским шампунем «Золотые косы», понятия не имею, я Миладку искал.

Черные драконы очень медленно повернулись и посмотрели на меня — я, несмотря на то что оглядывалась повсюду в поисках, где бы прилечь, взгляд заметила и ответила заплетающимся языком:

— Ннникодима. Он тттравник. Ттталантливый.

Ирэнарны простонали. Глухо, отчетливо и отчаянно. Словно рану им нанесли разом в оба сердца, и очень глубоко. Затем Черные драконы разом рывком спрыгнули в сокровищницу древнего, подвинули того, после ударом ветра разметали все книги, очищая пространство пола, а после Ирэнарн, почему-то уже один — не знаю, куда делись остальные, — сел на пол, достал свой блокнот и начал стремительно что-то менять в формуле. Асур-Ррат, покосившись на него, осторожно двинулся ко мне и был остановлен приказным:

— Стоять!

В следующее мгновение Ирэнарн начал чертить контур прямо на белоснежном полу сокровищницы древнего, чем сильно взволновал последнего, и отвлекся от приоткрывшегося люка и осторожно заглянувшего в сокровищницу Гаррата.

И вот все мы трое, с большим интересом следившие за Ирэнарном, с изумлением увидели, как контур, напившись светом, образует квадратный люк, за который Главнокомандующий ухватился и рывком его открыл...

Там, в другом пространстве, была сокровищница! Внушительная, раза в три больше, чем у Асур-Ррата, от чего последний досадливо заскрежетал зубами, но тут случилось нечто вообще из ряда вон.

В сокровищнице моего древнего, в стене, открылась неприметная боковая дверь, тоже вспыхнув по контуру, туда стремительно вошел абсолютно черный, то есть весь черный, включая кожу, волосы и даже глаза, дракон и, не заметив Главнокомандующего из-за книжного развала, зарычал на Красного дракона:

— Что значит «ты налагаешь вето»?!

Асур-Ррат мгновенно распрямил плечи и в целом как-то сразу стал олицетворением могущества и властности и прорычал в ответ:

— Я наложил право вето, основываясь на том, что вправе защищать жениха моего проводника.

Черный... в смысле, угольно-абсидианово-ониксово-черный дракон глухо зарычал и прохрипел яростное:

— Гаррат должен сдохнуть! Постановление Совета древних не смеет оспаривать никто!

Сам Гаррат, заметно удивившись в первое мгновение, как-то очень нехорошо посмотрел на Черного древнего.

Но Красный дракон, стоя на своем, повторил:

— Я имею право оспорить. Как член Совета и как выполняющий волю своего проводника. Милада приняла решение, она считает Гаррата-Ррат-Эгиатара, Владыку Долины драконов, достойным жизни и власти.

После этих слов на меня очень странно посмотрели и продолжающий сидеть на полу в сокровищнице Ирэнарн, и сам Гаррат, в глазах последнего, кажется, было не только удивление, но и благодарность. Я, правда, не совсем поняла за что?!

И в этот момент открылась дверь в другой стене сокровищницы, и в и так скромное помещение влетел снежно-белый дракон, искрящийся, как иней на солнце, и веющий ледяным холодом.

— Право вето?! — заорал на Асур-Ррата снежный древний. — Право вето?! Этот правящий выbleддок в качестве свадебного дара прислал моей владычице мазь для удаления волос! Для удаления волос, Асур-Ррат! И ты все еще считаешь его достойным жизни?! Мы вынесли приговор! Он — убийца!

— Разве что волос, — язвительно вставил сам Гаррат.

Оба явившихся для устройства скандала древних застыли, потрясенно глядя на частично приоткрывшего лицо Владыку Долины драконов.

Но тогда они просто удивились, ну и еще немного оторопели.

А вот после того как Ирэнарн, который теперь был один, медленно поднялся, недвусмысленно обозначив свое присутствие, оба скандалиста вдруг как-то даже поменялись цветами — в смысле, Черный древний побледнел, Снежный посерел слегка.

У меня появилось странное ощущение, что я смотрю какое-то дурацкое уличное представление, правда, декорации и актеры были на высшем уровне и играли очень правдоподобно. Но спать все равно хотелось безумно, и даже уже не было интересно, что там случится дальше.

А дальше открылась еще одна дверь в сокровищнице!

По факту, у древнего одна стена была лестницей занята, имелись всего три свободные, в смысле, уже не очень свободные — там в каждой теперь было по сверкающему контуру открытой двери, и в третью как раз вошел... Серебряный древний.

И все происходящее мгновенно перестало напоминать уличное представление, потому что этот дракон был... Он был очень похож разом и на Гаррата, и на Ирэнарна. И я как-то даже в моем состоянии поняла страшное — это был их отец. Тот самый, который состоял в Совете древних. Тот, кто бросил умирать старшего сына, но с той же жестокостью бросил и младшего, в момент, когда тот действительно нуждался пусть даже не в помощи, но в мудром совете и поддержке.

— Какая встреча! — очень едко, со всем сарказмом, на который был способен, произнес Главнокомандующий.

Серебряный древний дрогнул, но не отшатнулся и остался стоять на входе.

— Исключительно из чувства любопытства, — продолжил Ирэнарн, откровенно зверея на глазах, — ты тоже явился требовать у Асур-Ррата отмены наложенного им запрета на убийство твоего старшего сына, отец?

Серебряный древний на миг отвел взгляд, но затем прямо посмотрел на сына и произнес чудовищное:

— Я не могу понять, почему ты так вцепился в жизнь Гаррата, Рэнарн?

От услышанного стало нехорошо даже мне, а от Ирэнарна и вовсе повеяло могильным холодом.

— Действительно, почему?! — язвительно спросил он. — Может быть, потому, что он был единственным в моей так называемой «семье», кто пытался воспрепятствовать моей ссылке в Броню? Или потому, что он оказался единственным, кому была безразлична моя судьба, и он сбегал из дома, срываясь из-под охраны, просто чтобы увидаться со мной, просто чтобы хотя бы узнать, жив ли я?

Серебряный древний опустил взгляд.

Но затем вновь посмотрел на сына и гордо произнес:

— Я заботился о своем народе, Рэнарн.

— Когда? — холодно осведомился Черный дракон. — Когда отправил меня в военное училище, несмотря на то что у меня, рожденного слишком слабым даже для простого дракона, что говорить о боевом, был лишь один шанс из ста на выживание в Броне? Или когда совершенно издевательски окаменел вместе со всем Советом древних, бросив этот самый народ на попечение того, кто понятия не имел о том, как править? А через несколько дней ты просто вернул себе нормальное состояние и улетел к матери.

Знаешь, я был сильно удивлен, увидев, что, якобы окаменевший, ты вдруг исчез из пещеры Совета!

И мне так безумно стало жаль Ирэнарна.

До слез.

И ровно до его следующих слов:

— Я, Ирэнарн-Ррат-Эгиатар, Черный дракон, дракон Правящего рода, своей единоличной властью лишаю Совет древних всех прав, привилегий и полномочий, как орган власти абсолютно и полностью дискредитировавший себя!

И земля в сокровищницах древних задрожала, словно отзываясь на сказанное Главнокомандующим.

— Отныне, — продолжил Ирэнарн, — каждый из вас лишается статуса неприкосновенности, и за любое противозаконное деяние вы будете подвергнуты суду. Преступный сговор с целью убийства, к слову, подсудное дело!

— Рэнарн! — воскликнул Серебряный древний.

Глядя ему в глаза, Главнокомандующий отчеканил:

— Я, Ирэнарн-Ррат-Эгиатар, Черный дракон, дракон Правящего рода, произнес Слово!

И каждого из древних окутала темная спираль, словно вытягивающая силу, от чего древние становились как-то меньше, тусклее, обычнее... все, кроме Асур-Ррата — тьма метнулась и к нему, но замерла у его ног, после вылезла, повисела передо мной, досадливо сплюнула и ушла высасывать других.

Я удивленно посмотрела на Красного дракона, он тоже, несколько удивленно, на меня, а затем, подумав, пояснил:

— Ты мой проводник.

— А-а, — с умным видом ничего не поняла я.

Между тем все та же тьма практически расшвыряла древних по их дверям, и те закрылись, сделав стены вновь монолитными. Ирэнарн продолжал стоять, глядя на ту стену, за дверью в которой исчез его отец. Гаррат закрыл вход в сокровищницу, и его не было видно. Древний молчал.

Ничего не говоря, Черный дракон захлопнул вход в другую сокровищницу, подошел к люку, который был в потолке сокровищницы Красного, подпрыгнув, ухватился за край, рывком подтянулся и, выбравшись из люка, молча захлопнул и эту крышку. Та, засияв по контуру, погасла, закрывая вход и возвращая полу первоначальный, исписанный формулами вид. Ирэнарн сидел молча, согнув ноги в коленях и упершись в них локтями, он стеклянным взглядом смотрел куда-то вдаль, явно не видя

ничего.

Я сидела в трех шагах от него, не зная, что сказать и как вообще вести себя. Понимала, что надо было бы что-то придумать, как-то утешить, может, отвлечь... Опыта в утешениях у меня не было, но вот в том, чтобы отвлечь... Я поднялась, с трудом удерживая равновесие в шатающемся мире, добрела до стола, потянулась за бутылкой...

— Пить тебе больше точно не стоит, — произнес вдруг Ирэнарн.

— Я н-не собиралась, — с трудом все же ухватила за бутылку, — я ее в-в-вам... — Запнулась и поправила: — Тебе п-п-принести хотела.

— Зачем? — Вопрос прозвучал уже совсем рядом, сильная рука обняла за талию, второй Ирэнарн осторожно, но непреклонно отобрал у меня бутылку.

— Я ж-ж-же теперь жена, — говорить было ужасно трудно, — мой долг быть твоим с-светом, радостью, с-с-солнцем и счастьем... в этой, которая жизненная буря и...

Отставив бутылку, Ирэнарн мягко развернул меня к себе и вдруг тихо попросил:

— Обними меня.

— Ч-ч-что? — спросила, глядя в его совершенно нечеловеческие зеленые, с серебром, глаза.

— Просто обними, пожалуйста.

Почему-то я вздрогнула и от этих слов, и от того, насколько рядом был дракон, и от его взгляда, и от чувства дикого, абсолютного одиночества в этом взгляде. И я как-то особенно остро ощутила, что мы с ним стоим в бушующем шатком мире, нестабильном, опасном, изменчивом, и все, что у нас есть, — только мы сами.

Очень ярко, почти ослепительно горели венчальные свечи, за стенами домика разразилась буря, громыхал гром, сверкали молнии, зашумел обрушившийся на город дождь, а я осторожно, отстраненно поразившись тому, насколько маленькими выглядят мои руки на его широкой груди, прикоснулась ладонями к Ирэнарну. Его судорожный вздох, и сердце, забившееся так сильно, что его биение я ощутила кожей. Я скользнула ладонями вверх, к могучей шее, прижимаясь всем телом к тому, кто, рывком прижав к себе, стиснул меня обеими руками, зарываясь лицом в мои волосы и сжимая так крепко, что было не вдохнуть.

— Ты нужна мне... — тяжело дыша, почти прорычал дракон, — проклятые спящие, как же ты мне нужна! Больше, чем жизнь...

И он отпустил. А едва я, лишившаяся опоры, пошатнулась, мягко усадил на стул и ушел вытирать все то магическое безобразия, которым я

исписала пол.

И я сидела, растерянно глядя на его уверенные, четкие движения, на уничтожаемую им формулу, оказавшуюся на удивление практически феноменальной и способной вскрывать сокровищницы древних, на ковер, который Ирэнарн вернул на место, на самого Черного дракона, который, подойдя, протянул мне руку, предлагая встать. И я вспомнила. Вспомнила о том, что теперь это мой муж. Что нужно не просто встать со стула, нужно еще подняться по лестнице, а там спальня и кровать, уже подготовленная для этой ночи.

— Не хочу, — прошептала я, чувствуя, как с ресниц соскользнули слезы.

— Я знаю, — совершенно спокойно, но столь же безапелляционно произнес Ирэнарн.

Впервые в жизни почувствовала безумное желание напиться. Просто напиться.

— Можно мне еще бокал?.. Пожалуйста... — прошептала, игнорируя его протянутую руку.

Черный дракон, странно глянув на меня, прошел к столу, наполнил оба бокала, вернулся, протянул мне мой и, едва мои дрожащие пальцы стиснули ножку бокала, отсалютовал, почти насмешливо, и залпом выпил вино. Я пила медленно, глоток за глотком, почти моля о возвращении легкого чувства головокружения, о забытье, которое дарит алкоголь, о... о чем-нибудь.

Что-нибудь не появилось, алкогольное опьянение почему-то тоже.

Ирэнарн мягко отобрал у меня пустой бокал, поднял со стула, подхватил на руки и понес в спальню, на ходу меняя облик. Я не дергалась, сжавшись и закусив губу почти до крови... только бы не расплакаться.

По лестнице меня поднимал уже халоне Саир Ирэтани, он же внес на второй этаж, плечом открыл дверь в спальню, каким-то образом зная, какая именно дверь ведет в эту комнату, и опустил меня на ноги прямо перед супружеской кроватью.

Госпожа Осинн застелила ее по-праздничному — белым кружевным постельным бельем. Кружево украшало и наволочки, и пододеяльник, и край выпростанной из-под одеяла простыни...

Пальцы моего мужа на верхней пуговке платья...

Упавшая на пол жемчужная брошка...

Брошенный пояс...

Расстегнутое платье, сползшее по моему телу вниз...

И чувство страха, холодом поднимающееся вверх по спине,

растекающееся изморозью в ледяных пальцах, заставляющее дрожать всем телом.

— Ложись! — Мягкий приказ, и рука, поданная, чтобы помочь мне переступить через упавшее платье.

Перешагнула не глядя.

Край одеяла откинул Ирэнарн, он же укрыл меня, едва легла.

Трясло все сильнее.

И, несмотря на закрытые глаза, я всем своим существом отслеживала каждое движение дракона. Прислушивалась к шуршанию снимаемой им одежды, к уверенным, почти неслышным шагам, к тому, как он, обойдя кровать с другой стороны, ложится на свое место.

Матрас ощутимо прогнулся под его весом, и прислушиваться к чему-либо больше не имело смысла — дракон, с полным на то правом мужа, рывком прижал меня спиной к своему телу, ухватив за подбородок, вынудил обернуться к нему и поцеловал — властно, уверенно и неожиданно нежно. А затем, отпустив мое лицо, прижал к себе сильнее и прошептал:

— Сладких снов, моя наири.

Некоторое время после я лежала, напряженно прислушиваясь к его дыханию и тишине, в которую погрузился дом... Я даже не заметила, когда закончилась гроза, но сейчас с улицы не доносилось шума дождя, не было слышно и ветра. Ничего. Тишина и спокойное дыхание дракона, крепко прижимающего меня к себе даже во сне.

* * *

Не знаю, сколько я так пролежала, едва дыша и боясь даже пошевелиться. В какой-то момент упорно открытые глаза закрылись, и залитая лунным светом спальня потемнела, унося меня в сон.

И сон, в отличие от реальности, был волшебным. Мне снилось, что я гуляю в облаках над цветущей столицей Мебережи, не испытывая никакого страха упасть, потому что Ирэнарн крепко держал меня, и я чувствовала и его стальную хватку вокруг моей талии, и силу его ладони, сжимающей мою левую ладонь. И ветер срывает с головы мою шляпку, она улетает куда-то вниз, а мы даже не замечаем этого, гуляя в облаках над цветущим Вестерсом, над высокими башнями Университета Стихийных Сил, над раскинувшимися вокруг города полями...

И ветер в лицо, и теплый солнечный луч по щеке, и даже во сне я

ощущала свою улыбку...

— С добрым утром, халоне Милада Ирэтани, — прозвучал шепот у самого уха.

Я вздрогнула и распахнула ресницы.

Ирэнарн, уже полностью одетый, принявший облик моего мужа, причесанный и даже гладко выбритый, лежал поверх одеяла на боку, подперев голову согнутой в локте рукой, второй нежно гладил меня по щеке.

— Проснулась, — констатировал он, глядя в мои широко распахнутые перепуганные глаза. — Теперь осторожно встаем, ванная комната прямо по курсу, умыться, причесаться и никаких исцеляющих заклинаний. Вообще. Возвращаешься, одеваешься, и мы едем на встречу к Валентайну. Чай получишь после испытания призмой, я захвачу с собой. Вопросы?

Нервно сглотнула и хрипло прошептала:

— Нету.

— Отлично, подъем, — скомандовал... все же Ирэнарн, называть его даже про себя другим именем было как-то дико.

И подниматься при нем, в свете утреннего солнца, находясь неглиже, тоже дико было.

— А там в словах священника ничего не было про радовать мужа неодетым видом? — лениво поинтересовался словно догадавшийся о моих мыслях дракон.

— Не было! — мрачно заверила я.

— Но было про «радовать», — парировал Главнокомандующий и едко добавил: — Вот и радуй.

Раздраженно выбравшись из-под одеяла, сначала посидела с минуту, испытывая безумное желание сделать хоть что-то с невыносимой, жуткой, просто чудовищной головной болью!

— Никаких исцеляющих заклинаний, — напомнил Ирэнарн.

И о распоряжении, и о собственном присутствии.

Посидев еще немного, отчаянно думая о том, как встать, потянулась за платьем, все так же лежащем на полу, и упрямо натянула его, нарушая разом все брачные заповеди и ту, которая про «радовать».

— Ай-яй-яй, какая непослушная у меня жена, — прозвучало издевательское в спину на ходу застегивающей платье мне.

— У вас не жена, у вас наири, — хрипло напомнила я, скрываясь за дверью ванной.

— Поторопись, экипаж уже ждет, — уведомил дракон прежде, чем я плотно притворила дверь.

В ванной одуряюще пахло жасмином.

Я бы даже сказала — воняло, причем настолько, что меня затошнило мгновенно.

Распахнув крохотное окошко, я постояла, пытаюсь отдышаться, после долго умывалась, раз за разом обдавая лицо ледяной водой, в момент, когда взглянула на себя в зеркало, взгляд зацепился за кольцо на пальце. Вся очевидная неприглядность моего положения утром стала еще более неприглядной...

— Милая, поторопись, — послышался голос... мужа.

Мужа надлежало слушаться во всем.

Умывшись еще раз, смыла непрошеные слезы. Утеревшись полотенцем, которое тоже источало запах жасмина, расчесалась новым деревянным гребнем, собрала волосы в косу, но, вспомнив о том, что внизу есть еще и шляпка, закрутила косу в пучок и закрепила имеющимися тут же, в ванной комнате, шпильками. Дозастегнула платье, оправила, судорожно вздохнула и вышла.

Ирэнарн все так же лежал на кровати, но уже на спине, закинув ногу на ногу и нетерпеливо покачивая ею, в ожидании меня.

— Корсет не надевай, — приказал он, поднимаясь при моем появлении.

— П-почему? — подхватывая пояс с пола, спросила я, запоздало вспомнив, что действительно не надела корсет.

— Тебя стошнит, — резонно заметил дракон, и, подойдя, отобрал у меня пояс, с нескрываемым удовольствием самостоятельно застегнув его на мне.

Перчатки на меня надел тоже он, перед этим откровенно полюбовавшись тем, как на мне смотрелось обручальное кольцо.

— Моя красавица, — завершив с одеванием, с собственническими интонациями протянул Черный дракон.

— Неправда, я видела себя в зеркало. — Настроение мое становилось все более мрачным.

— Ключевое слово в вышесказанной фразе — «моя», — коварно сообщил Ирэнарн, подхватывая меня на руки.

Не то чтобы я была «за», но, боюсь, самостоятельный спуск по лестнице вызвал бы немало проблем. Мне было плохо. Мне было настолько плохо, что хотелось прижать пальцы к вискам, сжаться в комочек и стонать, жалобно и бесконечно, и чтобы было темно, очень темно, потому что свет бил по глазам, отзываясь резкой болью в затылке.

— Потерпи, так нужно, — очень мягко ступая, произнес Ирэнарн.

Он отнес меня вниз, в гостиную, усадил в кресло и сам, с большой осторожностью прикасаясь к моим ногам, надел на меня туфельки.

Это было так... ужасно, потому что меня тошнило, и с каждой минутой все сильнее.

— Знаю, плохо, — ничуть не облегчил мое состояние своим знанием дракон.

Зато на секунду стало легче, когда надела шляпку, но только на секунду.

До наемного экипажа я шла, прикрыв глаза ладонью и ступая очень осторожно, потому что каждый шаг пронзал мою несчастную похмельную голову жуткой болью.

— Больше никогда, ни одного глотка, — прошептала я, готовая сейчас хоть клятву на крови дать по поводу алкоголя.

Ирэнарн, который сейчас был Саиром Ирэтани, сжалившись надо мной, подхватил на руки и понес, ступая не в пример мягче, чем я. Так было легче.

— Спасибо, — прошептала, придерживая шляпку.

— Не за что, — ответил дракон и добавил безапелляционным тоном: — В экипаже будешь сидеть у меня на руках.

Не то чтобы я сидела, скорее полулежала, уткнувшись в его плечо и ощущая весь путь до университета как долгую, долгую дорогу, которая все не кончалась и не кончалась... и еще эти мощные улицы, и цокот копыт, и запахи сдобы...

— Пить всю оставшуюся жизнь я явно буду в гордом одиночестве, — в какой-то момент с доброй насмешкой произнес Ирэнэрн.

— Да! — полностью согласилась я.

И мы приехали.

Пока дракон расплачивался с возницей, я стояла, держась за открытую дверцу, потому что стоять самостоятельно оказалось неожиданно трудно, и вообще жутко шатало, и пить хотелось невероятно.

— Пьяница ты моя, — отрывая мою руку от дверцы экипажа и перекидывая через свой локоть, явно издеваясь, произнес Ирэнэрн.

— Ключевое слово «моя»? — не то чтобы с интересом, скорее, двурогий его ведаёт зачем, спросила я.

— Ключевое слово «пьяница», — усмехнулся дракон и уверенно повел меня к воротам Университета Стихийных Сил.

Триединый! Я своими глазами вижу вот эти вот ворота — огромные, в пять раз превышающие человеческий рост, украшенные искусной резьбой, расписанные фразами приветствия на всех языках мира! Именно их

изображение имелось на обложке магического справочника, и конкретно этот университет неизменно являлся мечтой абсолютно всех магов, потому что попадание сюда действительно можно было считать исполнением всех желаний.

Но единственным моим желанием сейчас было вернуться обратно в тот домик, забраться в постель, накрыться одеялом с головой и тихо сдохнуть. Всё.

— Ирэ... — начала было я.

— Милый, любимый, дорогой, — отчеканил, оборвав на полуслове, Черный дракон. — И да — потерпи, так нужно.

— Зачем? — чувствуя себя так, как чувствовала, наверное, только в момент нашей встречи, прошептала я.

— Потому что это единственный путь заставить тебя влюбиться, — совершенно спокойно ответил Ирэнарн.

— Что?! — возмущенно воскликнула я, останавливаясь.

Он остановился тоже, предельно внимательно ожидая озвучивания причины остановки. А я от возмущения даже не знала, что сказать.

— Это... это плохой путь! — выпалила, наконец.

— А я не сказал, что он хороший, — холодно глядя на меня незнакомыми зелеными глазами незнакомца дракона, ответил Ирэнарн. — Я сказал, что он единственный.

И он продолжил путь, не оставляя мне никакой возможности остаться на месте.

* * *

В ворота, открывшиеся, едва мы подошли, меня практически втащили.

А потом весь вид на университет вдруг смазлся, исказившись полностью, и его словно залило, как аквариум, зеленой водой до самого неба... И теперь все было таким, будто я смотрю через текучее, плавно изгибающееся, совершенно зеленое стекло, которое сверкало гранями, формируясь в кристалл, в шаге от меня.

— Триединый, она видит! — раздался где-то рядом деятельный голос. — Ну-ка, ну-ка, деточка, что вы видите?

— Еще не знаю, — прошептала я, с отчаянием ощущая, как Ирэнарн отпускает меня и отступает.

Но вместе с тем, едва он перестал меня касаться, призма стала ярче, отчетливее и заискрилась, усиливая мою головную боль в десятки раз.

— О, боги Горлумского леса... — простонала я, сжимая виски.

— Да-да! Замечательно! — отвратительно бодро проговорил неведомый кто-то. — Отлично, просто превосходно, замечательно! Деточка, соберись, давай открывай глазки и опиши конкретно, что ты видишь?

Только после его слов поняла, что стою, зажмурившись.

Открывать глаза не хотелось, очень не хотелось, но я заставила себя снова взглянуть на призму и, чувствуя, как текут слезы по щекам, постаралась как можно более точно описать:

— Это кристалл. Яркий, большой, с меня ростом примерно, располагается в метре от земли, сейчас закрывает собой, искажая, весь университет. Очень... отполированные грани, отраженные лучи солнца бьют по глазам.

— Так-так-так! — Энтузиазм неизвестного старичка многократно возрос. — А цвет, милая, какой цвет?

— Зеленый, — вглядываясь в призму слезящимися глазами, с трудом ответила я, — насыщенный темно-изумрудный.

— Земля! — радостно воскликнул старик. — Надо же, Земля!

И уже гораздо сдержаннее:

— Халоне Ирэтани, я прошу прощения, я... побежал к ректору! Земля! Такой уровень! Целый изумруд! Нет, вы слышали?! Вы же найдете дорогу, да?

— Несомненно, — холодно ответил дракон, разворачивая и обнимая меня так, чтобы закрыть от солнца, света и этой жуткой призмы.

А едва бодро шоркающие шаги встретившего нас удалились, мне в руки сунули походную кружку и скомандовали:

— Пей.

Это сейчас было вторым моим огромным желанием после первого, в котором имелись кровать, одеяло и тишина, поэтому я даже не подумала возражать. Травяной чай оказался теплым и... лечебным. Жуткая головная боль отступила уже после первого глотка, со второго прошло ощущение тошноты, третий убрал резь в глазах, четвертый — головокружение, и я еще не успела половину выпить, как почувствовала себя значительно, просто вот значительно лучше.

Остановившись, вытерла мокрые щеки уже мокрыми перчатками, запрокинула голову, чтобы посмотреть в глаза... мужу, и, придерживая шляпку, которая в таком положении норовила свалиться, прямо спросила:

— И зачем это все было?

Незнакомый дракон улыбнулся очень знакомой улыбкой, и,

склонившись к самым моим губам, Ирэнарн прошептал:

— Потому что ты очень слабый маг, Милада. Находчивый, старательный, работающий, но слабый. И если бы не похмелье, обострившее до предела твое восприятие света, никакой призмы ты бы не увидела, максимум — зеленоватую дымку.

Я смотрела на мужа непонимающими, широко распахнутыми глазами и... не понимала.

— Призма не определяет драконью магию, которой тебя одарил древний, — добавил дракон. — Идем, нас ждут. И да, ты можешь не скрывать свое отношение ко мне, это тоже часть легенды, и, пожалуй, наиболее правдоподобная.

Отношение? Я последовала за Ирэнарном, поглядывая на него со смесью откровенного ужаса, непонимания, настороженности и в целом страха. Непонимания, вероятно, было больше всего. Еще немного обиды... Хотя на что обижаться? Он был прав — я действительно являлась слабым магом, старательным, настойчивым, трудоспособным, но слабым. Дар Асур-Ррата сделал меня сильнее на порядок, но так, в общем, слабый маг-теоретик — это да, тут крыть нечем.

— Пей, — подводя меня к дверям, выходящим в крытую галерею, ведущую к центральной башне, приказал Ирэнарн. И, не дожидаясь вопроса «зачем», пояснил: — Здесь все здание университета — своеобразное заклинание Элвеннир, оно черпает силы осторожно, практически неощутимо, но все же. Так что пей. И больше никаких вопросов — приближение подслушивающего плетения я уже отчетливо вижу.

Я сбилась с шага от подобной информации, внезапно вспомнила, что студенты в основном ночуют вне стен университета... Кажется, начала понимать почему.

— Как ты, любимая? — вдруг совершенно иным, непривычно мягким и даже несколько возвышенным голосом спросил Ирэнарн.

Саир?!

Наверное, уже правильно было бы думать — Саир.

— Уже лучше... дорогой, — отчаянно улыбнувшись молодому дракону с хвостом небрежно собранных волос, ответила я.

— Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это, дорогая. — В голосе тонны сочувствия, в зеленых глазах — холодный расчет.

— Я так и не поняла, для чего все это нужно было, дорогой! — выдохнула я.

И услышала невероятное:

— Ты же понимаешь, моя семья иначе не полюбит тебя! — патетически воскликнул мой... муж.

Даже не нашлась, что ответить. Просто сделала глоток чая, почти физически чувствуя, что глаза у меня округляются медленно, но верно.

И, боюсь, мое выражение лица не изменилось, когда из-за очередного поворота показался спешащий к нам магистр Валентайн, еще издали расстроенно воскликнувший:

— Маг Земли! Это надо же! Маг Земли высочайшего уровня и оказался в стенах Любережского Университета! Деточка, мне так жаль!

Меня обняли как родную, мягко, но настойчиво отделив от супруга, после чего магистр Валентайн обхватил мое лицо ладонями, заглянул в глаза... очень неодобрительно глянул на обручальное кольцо, украшающее безымянный палец моей правой руки, скрыл все это иллюзией истинного радушия и произнес, крепко взяв за локоть:

— Миладочка, рад, очень рад встрече! Халоне Ирэтани, вы позволите? Нам нужно решить множество вопросов, обговорить все, я должен показать ее магистрам! Это же изумруд, вы понимаете?

— Конечно-конечно, — с восторженной любезностью согласился Главнокомандующий Долины драконов. — Оставляю вас до... — Он нахмурился и уточнил: — До сколько?

— Занятия завершаются в пять, — учтиво, но холодно уведомил магистр Валентайн.

— В таком случае заберу мою любимую в пять вечера, — заулыбался с явным предвкушением Саир Ирэтани.

Магистра Валентайна заметно передернуло, но иллюзия сохраняла все ту же маску радушия.

— До встречи, любимая, — с еще более явным предвкушением произнес дракон.

Теперь передернуло меня.

Почему-то встречи конкретно с этим лощеным драконом мне не хотелось вовсе, а вот Главнокомандующему я бы с удовольствием задала несколько вопросов. Или не несколько.

— Да-да, до свидания, — совсем нелюбезно произнес магистр Валентайн.

И, все так же крепко удерживая меня под локоть, практически потащил в башню, я смогла лишь растерянно оглянуться на стоящего и загадочно улыбающегося... мужа.

Кабинет ректора располагался на первом этаже, имел самую приметную и в целом большую дверь, не имел ни секретаря, ни, соответственно, приемной-привратницы и обозначался огромной золотой надписью «Магистр В. Валентайн».

— Мерзавец! — открывая дверь и практически вталкивая меня в свой кабинет, прошипел этот самый ректор.

Я пролетела шага три с ходу, и остановиться мне не дали, ухватив за плечо, проведя еще несколько шагов и усадив в мягкое, очень мягкое — впереди меня заклинание мягкости полетело — кресло.

— Не больно? — неожиданно заботливо уточнил магистр Валентайн.

Я застыла, потрясенно глядя на него.

— Прости старика за откровенность. — Он притянул к себе магией стул и, сев напротив утопающей в кресле меня, произнес: — Я же все понимаю, этот урод тебя ночью к супружескому долгу явно не по твоей воле принудил.

И маг, стараясь не смотреть на меня, развернул свиток с документами, которые передал ему Ирэнарн. Там было все. Моя дипломная, увидев название которой магистр Валентайн как-то грустно улыбнулся, и свидетельство о рождении... Движение руки мага — и над этим листочком пожелтевшей бумаги, с моими именем и временем рождения, вспыхнуло подсвеченное будто свечой изображение: лежащая на постели женщина с распущенными, разметавшимися по подушке волосами и красивыми, изящными чертами лица, мужчина, темноволосый, сгорбленно сидящий на краю постели и удерживающий своими широкими ладонями тонкую белую руку умирающей... бабушка со свертком в руках.

— Мне жаль, — тихо произнес магистр Валентайн.

Картинка исчезла, оставляя меня с застывшими в глазах слезами.

— Так, свидетельство о поступлении в университет.

Еще один взмах рукой, и я увидела лишенное границ изображение, кабинет магистра Аттинура, явно упорствующего против моего прибытия, магистра Воронира, стучащего кулаком по столу и требующего, и себя... зареванную растрепанную девушку в ярком цветастом сарафане и лаптях... очень даже упитанную, розовощекую...

— Дурак, — произнес магистр Валентайн, — ох, дурак, проглядеть мага Земли твоего уровня, это надо быть идиотом. И я дурак! О том, что нашел тебя на поляне, среди зимы цветами покрытой, он мне говорил, и

царапнуло тогда что-то, но отвлёкся, не понял, не проверил. Моя вина.

И я поняла то, о чем догадывалась ранее: Валентайн знал Воронира... и даже хуже — они были единомышленниками!

— Удивлена? — ректор Университета Стихийных Сил мрачно глянул на меня. — Я знаю, что он пытался тебя убить. Пытался дважды. Дурак, говорю же. Сначала оставил тебя этому предателю, в итоге не понял и даже не попытался понять. Молодой еще, глупый... сын у меня.

Я судорожно выдохнула, потрясенно глядя на магистра Валентайна.

Он встретил мой взгляд спокойно и так же спокойно продолжил:

— О том, что Аттинур предатель, мы узнали недавно. — Маг отложил в сторону бумагу о моем приеме в университет и продолжил: — Его задачей было растить птенцов Воронира, то есть вас, найденыхшей. Учить вас — лучше, чем других, тренировать — больше, давать задания сложнее, чем общей массе пригодных только для выпивания студентов.

Как сидела, так и осталась сидеть. Хотелось выкрикнуть со всей накопившейся обидой и болью, что нас выживали из университета, выживали в буквальном смысле, что талантливые и одаренные девушки и парни уходили, не выдержав издевательств, притеснений, постоянной-бесконечной-неизменно повторяющейся несправедливости! Но я промолчала, отчаянно понимая — магистр Аттинур исподволь, осторожно, в духе пассивной защиты выживал нас, птенцов Воронира, из университета, пытаясь уберечь от доли гораздо худшей, чем просто участь мага-недоучки. Я не могла этого принять. Понять понимала, принять... нет. Слишком много было боли, слишком горько от всего, что пришлось пережить, слишком жестоким, по-моему мнению, было решение магистра Аттинура.

— Мне жаль, — вновь повторил магистр Валентайн.

Сказал совершенно искренне, и я поняла, что ему действительно жаль и что это «жаль», несмотря на всю доброту и искренность, которые излучал сейчас маг, станет приговором для магистра Аттинура. Уже стало. Полагаю, кольцо, превращенное в агрессивный артефакт, было лишь началом. Аттинура убьют, предельно быстро и жестоко.

— Впрочем, это уже не важно, — подтверждая мой вывод, произнес ректор Университета Стихийных Сил, возвращаясь к моим бумагам.

Свидетельство о браке он взял следующим. Над бумагой, как и над прежними, вспыхнуло изображение, и я увидела Цветочный храм Триединого, меня, бледную, с венком на голове, стройного темноволосого дракона, слезы в моих глазах, побелевшие, закушенные чуть ли не до крови губы, дрожащую свечу в руках...

— Мрази, — с откровенной ненавистью произнес магистр Валентайн. — В Долине драконов драконовские же правила в отношении женщин, тронуть любую драконицу безнаказанно может позволить себе лишь кучка избранных, Правящие и их приближенные, для всех остальных хочешь девушку — женись. И не иначе. Поэтому браки у драконов, по обыкновению, ранние, но не у всех... — Валентайн помолчал, держа мое свидетельство о браке, и добавил: — В те времена, когда границы были открыты, высокопоставленные драконы заводили интрижки в основном с эльфийками. У эльфов гораздо более свободные нравы, чем... здесь, и высочайшее внимание представителей крылатого народа едва ли доставляло проблемы девушкам. Случалось разное, но в принципе проблемы особой не было.

Валентайн помолчал и продолжил:

— С закрытием же границ единственными, кому был дозволен вылет за пределы Долины, стали боевые драконы. У них... другие вкусы.

Магистр выразительно посмотрел на меня. Мне нечего было сказать, я просто с горечью слушала.

— В Мебережи драконов много, — все так же глядя на меня, сказал маг. — Границы Долины близко, до эльфов рукой подать, а с высоты драконьего полета видно многое, в том числе и симпатичные женские мордашки. Кто просто понравился — драконам на один раз. Кто зацепил — становятся любовницами, их содержат, им дома покупают в Вестерсе, а потому когда любовница надоест, она остается как минимум с жильем и достаточным количеством средств в банке для скромного, но безбедного существования. Но существует третья категория девушек такие, как ты.

В светлых глазах магистра промелькнуло откровенное сочувствие и все то же сожаление.

— Девушки с принципами. Достаточно бесстрашные, чтобы сказать «нет», достаточно принципиальные, чтобы не продаться за деньги. И на таких женятся.

Он поднял листок моего брачного свидетельства, потряс им и практически простонал:

— Я тебе клянусь, настанет день, когда я выжгу всю эту мерзоту!

Магистр бросил листок поверх остальных моих документов, отшвырнул всю пачку на стол, устало растер лицо ладонями и, глядя куда-то в никуда, глухо добавил:

— Такие храмы, как этот Цветочный, существуют в основном за счет драконов. Они за каждую брачную церемонию платят вдесятеро больше обычной платы за ритуал, плюс идет весомый подарок самому священнику.

Знаешь почему?

Отрицательно мотнула головой.

Валентайн посмотрел на меня и произнес:

— Главное требование заключения брака в храме Триединого — оба супруга должны быть одной веры! Одной веры, понимаешь?!

Я... понимала.

— На таких, как ты, женятся, — продолжая смотреть на меня, с ненавистью выговорил магистр. — Женятся, Милада. Обрекая тем самым на послушание, полное согласие и попытку, предпринимаемую любой нормальной женщиной, наладить отношения в семье. И женщина пытается — она ведь принесла клятву в храме своей веры, для нее эта клятва имеет силу, как и этот брак. И эта участь во сто крат хуже участи простой любовницы. Рано или поздно дракон улетает в закат, а замужняя женщина остается одна, обреченная на вечное одиночество.

Чашка в моих руках дрогнула.

— И священникам, заключающим подобные браки, прекрасно известно об этом. А драконы... — Он помолчал. — Драконы не приемлют насилие в отношении женщин и поэтому добиваются согласия любым способом. Связать женщину узами нерушимого брака — для них просто способ получить желаемое. Только способ...

Взмах рукой, и над все теми же бумагами, небрежно брошенными на стол, я, бледная и дрожащая, слезы, непрестанно текущие по моим щекам, и мой супруг Саир Ирэтани, безжалостно расстегивающий мое платье...

— Мне жаль, — уничтожая изображение, простонал магистр Валентайн, — мне так жаль, девочка моя.

Мне тоже. Но очень недолгое время.

— Так, значит, брак был заключен незаконно? — сиплым, дрогнувшим голосом спросила я. — Соответственно, силы он не имеет?

И магистр посмотрел на меня совершенно иначе.

— Неплохо, Милада, — с подчеркнутым уважением произнес он. — Очень неплохо. Отчаяние явно не твой путь по жизни.

Он откинулся на спинку стула, посидел, размышляя, затем произнес:

— Я не силен в теологии, как ты понимаешь, я больше маг, чем знаток богословия. Но, если рассуждать здраво, по идее законы священного брака были нарушены. Драконы — приверженцы совершенно иной религии, соответственно... А я изучу этот вопрос, — задумчиво протянул магистр. — Почему бы и нет? Это будет неплохой способ подгадить драконам и прикрыть все эти брачующие лавочки.

— А расторгнуть брак? — со вспыхнувшей надеждой спросила я.

И вот тут магистр Валентайн сник. Посидел, покачивая ногой, затем произнес:

— Мы пытались. Дело было с нашей студенткой, так что я лично был очень заинтересован в расторжении союза, тем более что Тари в принципе с первого курса отвечала взаимностью на чувства одного из наших виднейших ученых, поэтому... я пытался сделать это не столько ради нее, сколько ради ученика, которого стремительно терял. Но, к сожалению, в храме произносится клятва, Милада. И произнесшая ее обретает лишь два пути — она может стать либо женой дракона, либо... невестой Триединого. Тари ушла в монастырь. Миграв погиб спустя несколько лет, по неосторожности — он слишком много стал пить, потеряв любимую.

Я молча поднесла чашку к губам, сделала глоток, потом еще один, затем произнесла:

— Монахини Триединого порой возвращаются к мирской жизни. Я не знаю всей процедуры, но от сана отказываются.

Магистр окинул меня еще более уважительным взглядом и произнес только:

— Я выясню.

— Спасибо, — поблагодарила совершенно искренне.

— Не за что, девочка, это все моя вина. Следовало прибыть под личиной, как Владимир, но я понадеялся на уважение к моей позиции. Зря. Следовало бы вспомнить, что с Главнокомандующим такие игры не проходят. Опасный дракон. Слишком опасный.

Меня охватило странное чувство: с одной стороны — я вдруг ощутила гордость за Ирэнарна, а с другой... Сволочь! Какая же он сволочь! Он все знал! Знал про брак! Знал про обязательства, которые накладывает на меня клятва.

— Злишься, вижу, — грустно улыбнулся Валентайн. — Ты милая девочка, чистая, светлая, наивная, не знаю, чем думал Аттинур, отправляя тебя в Долину драконов. Ни один ректор подконтрольного нам университета не послал никого симпатичнее дворовой собаки, а этот... — Маг прикрыл глаза, успокаиваясь. Затем сказал, посмотрев на меня: — И ведь мелькнула мысль забрать тебя тогда. Я даже с Владыкой мог бы договориться, все равно у них Сарантус был, но решил, что лишний шпион не помешает. Дорешался. Сегодня утром, когда этот хлыщ радостно вещал мне тут о вашей встрече, о том, как он «искренне полюбил тебя прямо вот с первого взгляда», с трудом сдерживался, выслушивая все это. Халоне Ирэтани! Мерзавцу повезло, что его дядька ир-хан Зэрнур — приближенный Главнокомандующего. Полагаю, отсюда и наличие

телепортационного браслета у мальчишки.

Я кивнула, думая больше о своем. О Черном драконе, к примеру!

— Ты ему ничего не скажешь, — внезапно совершенно другим голосом произнес магистр Валентайн.

Вскинула на него удивленный взгляд и ощутила прикосновение чуждой, совершенно необъяснимой магии.

— Ни о браке, ни о том, что ты сейчас о нем думаешь, ни о моих словах, — продолжил маг, в отличие от меня абсолютно не ощущающий, что всю его Магию Влияния высшего уровня сейчас... банально жрет Страж. Даже челюстями шевелит.

А я ощущала. И то, что магия не впивается когтями в мою ауру, и то, что уютно расположившийся у меня на груди серебряный Страж ее пережевывает.

— Прости, — мгновенно вернулся к прежнему, «доброму» состоянию магистр Валентайн, — маленькая мера предосторожности.

— Я понимаю, — ответила с трудом.

В целом я действительно понимала с каждой минутой все больше. Про все, про всех и, в частности, про обстоятельства. Страж, закончив жрать магистрову магию, облизнулся, металлическим языком задев мою кожу, и затих. Про Стража я тоже понимала все больше, в том числе почему Ирэнарн сказал, что польза от его нахождения на мне превышает возможный риск... Это несколько поумерило гнев в отношении... мужа, но по факту... по факту на мне вчера женились, просто чтобы получить согласие любым способом.

— Дыши, — мягко посоветовал магистр Валентайн, — это поможет успокоиться. В любом случае знай: я искренне восхищен уже одним тем, что ты не рыдаешь, а злишься и ищешь выход из ситуации. А девственность и все, что тебе пришлось пережить этой ночью... Он сдохнет, Милада. Он сдохнет на твоих глазах, это я тебе обещаю.

Потрясающе! Меня сделают убийцей дракона. Полагаю, я даже знаю, о чем пойдет дальнейшая речь.

— Учитывая испытания нового яда, его смерть будет мучительной и болезненной. — Маг мечтательно улыбнулся.

Я не улыбалась. Мне в принципе не улыбалось травить драконов. Я как-то в целом никогда не мечтала быть убийцей, а раз магистр произнес «он сдохнет на твоих глазах», значит, соответственно мне и убивать придется.

— Ты слишком добрая девочка, Милада, — мягко, но со стальными нотками в голосе произнес магистр Валентайн. — Мы это исправим.

На этот раз я никакой магии не ощутила в принципе, но Страж снова радостно заработал челюстями. А я молча сделала глоток чая, стеклянными глазами глядя на магистра Валентайна — кажется, его это вполне устроило.

Потому что мне мило улыбнулись, после чего, собрав все мои документы, магистр Валентайн вручил их мне и направил «далее по коридору до первой зеленой двери», добавив: «Добро пожаловать, девочка».

К чему это было — я не знаю.

Судя по всему, меня собирались сделать просто убийцей дракона, и я откровенно не могла понять, к чему тогда все эти формальности, но за первой зеленой дверью оказался деканат факультета Стихии Земли, где меня радушно приняла профессор Цветана, просмотрела все документы и оформила меня сразу на третий курс, восторгаясь тем, что я целый изумруд. После из своего кабинета вышел декан Зенвер, пожал мне руку, сопровождая все тем же: «Добро пожаловать, изумруда нам очень не хватало», а в итоге я получила свидетельство о приеме в Университет Стихийных Сил на факультет Стихии Земли как Милада Радович-Ирэтани. Здесь же, в кабинете секретаря декана, мне выдали зеленую мантию, даже помогли надеть, всучили ключи от моего шкафчика, карту университета, план Башни Земли, расписание занятий и тему моей курсовой работы: «Влияние пыльцы мишника на драконов». На прощание секретарь догнала и, краснея, скромно вручила формулу заклинания мягкости. «Мы все очень сочувствуем вам, — совершенно искренне сказала она и не менее искренне добавила: — Уверена, он сдохнет в мучениях!»

Через десять минут я уже сидела на лекции «Сила Земли и способы ее поглощения». Студентов на данном факультете было раз, два и обчелся — семь человек. Я стала восьмой. Поглядывали на меня студенты с интересом и нескрываемым любопытством, но сидели мы каждый за своей партой, поэтому возможности задавать вопросы у них не было. Профессор Вайнер в момент, когда все старательно записывали появляющиеся на доске формулы, подошел, посмотрел, успеваю ли я писать, покивал одобрительно, увидев, что успеваю, похлопал по плечу и тихо произнес:

— Я понимаю, что до смерти этого уроды у вас вряд ли будет достаточно времени для работы по усвоению уже пройденного группой материала, но когда все закончится, я с радостью одолжу вам собственный конспект на выходные, студентка Радович.

— Спасибо, — несколько неуверенно поблагодарила я.

Уже перестав что-либо понимать в принципе.

На перерыве ко мне подошли сразу трое студентов, судя по всему

отличников, так как другие старательно дописывали материал.

— Ветер, — представился темноволосый, с короткой стрижкой плечистый парень.

— Лина, — сделала книксен забавная девчонка с заметным шрамом на щеке и россыпью веснушек.

— Светозар! — гордо заявил последний, рыжий и тощий.

И положил передо мной свой конспект, раскрытый на начале лекции.

— Ой, спасибо... — выдохнула, растерявшись от подобного отношения.

— Без проблем, — он улыбнулся, — тебе бы и Лина с Ветром дали свои, но у меня просто почерк лучше.

Почерк действительно был очень четким и удобочитаемым, и я, перелистнув две страницы назад, начала торопливо писать. Мне не мешали ни расспросами, ни чем иным, хотя топтались почти все время неподалеку, с выражением явного любопытства на лицах. Потом кто-то, я даже не заметила кто, принес мне чай, следом на моем столе появились печеньки, конфеты и сырные шарики. Я думала, только на моем, но, подняв голову, поняла, что в группе просто принято делиться. И все делились, у кого что было вкусенького, а Ветер оказывается, было не имя, а прозвище, потому что он был самым быстрым и быстрее всех смотался в столовую за чаем, который разнес всем в группе, включая преподавателя.

Профессор Вайнер, вернувшись с перерыва, отсалютовал Ветру чаем, попивая напиток, подошел ко мне, одобрительно хмыкнул, увидев, что я успела за перерыв переписать все, что давалось с начала лекции, похвалил «умничкой» и, забрав конспект Светозара, вернул его парню по ходу движения к доске.

Поднявшись, сел за свой стол и произнес:

— Студенты, не хотел прерывать учебный процесс, поэтому не представил сразу, да и, что греха таить, сходил в деканат узнать побольше о нашей новенькой. Итак, знакомьтесь, эта очаровательная девушка — Милада Радович. Маг Земли изумрудной степени.

— Ого! — раздалось в группе восхищенное.

Без зависти, без какой-то агрессии, без негативных эмоций, просто — восхищение. И на меня, обернувшись, посмотрели с восторгом.

— Целый изумруд! — восторженно выдохнул Ветер. — Ну ты даешь! Совершенно мерзко ощутила себя обманщицей.

— Да, редкость, — согласился профессор Вайнер, — как и все вы здесь. Студенты, помимо одаренности Милады, мне так же хотелось бы коснуться тех... — он помолчал, подбирая слова, — тех печальных

обстоятельств, при которых Милада попала к нам. Я прошу вас держать под контролем то неумное любопытство, коим все вы здесь обладаете, к моей большой радости, и не доставать девочку расспросами. Миладе сейчас очень и очень непросто, я прошу сохранить тактичность и дистанцию и побереечь ее чувства.

На меня даже как-то виновато посмотрели и постарались больше даже не коситься, видимо, чтобы не задевать мои чувства. А у меня, кажется, был просто шок.

Потом были две пары по «Техникам скрытых плетений». И завершающая — «Основы магии». К ее окончанию у меня уже болела голова от массы новых, удивительных, основательных и ни разу ранее не изучаемых заклинаний. За один день в Университете Стихийных Сил я получила больше знаний, чем за месяц в Университете Магии Любережи. Я повторяла новые формулы, заучивая даже за обедом, в перерывах между знакомствами с другими магами Башни Земли. Столовая у нашего факультета располагалась почти под самой крышей, стены были стеклянными от пола до потолка, и отсюда открывался потрясающий вид на весь цветущий город. Я заучивала формулы, даже потрясенно любуясь окрестностями. Еду мне принес Ветер, и я запнулась с благодарностью, глядя на то, что мне принесли. Тут были водоросли, два салата, филе какой-то рыбы и цельнозерновой хлеб.

— Ох, — только и сказала я, глядя на... водоросли.

— Ешь, это полезно, — посоветовала Лина.

— Можно добавить соли, так привычнее, — посоветовал Светозар.

Кажется, эта троица взялась меня вводить в курс дела и в целом оберегать. Потому что, когда подошел очередной студент просто познакомиться, Ветер сказал:

— Дай девочке поесть, у нее и так голова пухнет от всего нового, она твое имя просто не запомнит.

— А, понял, — отозвался парень.

И положил на стол передо мной алую розу.

Пока я потрясенно хлопала ресницами, Лина объяснила:

— Это практики, они вечно подкатывать так начинают. Но если тебе не нравится роза, ты лучше сразу скажи, тогда будут выращивать лилии там, васильки, ландыши, мимозы. Кому что нравится.

— Как выращивать? — не поняла я.

Лина улыбнулась, потом приподнялась и крикнула:

— Эсан, сделай мне лилию.

— Не хочу, — отозвался он, — твой Светозар мне опять в глаз даст. А

он алмаз, после него месяц не заживает.

— Да ладно, — крикнул Светозар, — это для эксперимента, Миладе показать.

Неведомый Эсан оказался парнем субтильного вида в зеленой мантии с коричневой каймой. Подойдя ко мне, он протянул руку открытой ладонью вверх, над ней начала скапливаться магия зелеными искорками, и из нее вдруг сформировался совершенно живой, удивительно красивый цветок лилии.

— Вот, — просто сказал он.

И передал цветок Лине.

— Убью! — приподнимаясь, взревел Светозар.

— Ты алмаз? — прерывая разгорающуюся ссору, спросила я.

— А, да. — Светозар сел обратно. — Мои заклинания практически не снимаемые. К сожалению, я единственный алмаз на факультете, — грустно улыбнулся парень.

— К сожалению? — переспросила я.

— Да, — за него ответила Лина, радостно поедающая водоросли. — Магистр Валентайн говорит, это из-за живых источников магии, их присвоили драконы, поэтому количество магов среди людей неизменно уменьшается, а среди драконов растет. Ты знаешь, что за последние пять лет у драконов шесть — ты представляешь? — шесть новых магических учебных заведений открылось! Шесть! А у нас, — она окинула рукой зал столовой, — посмотри, нас становится все меньше.

Я... представляла. Достаточно было вспомнить рассказ Хатора, живой и такой ласковый магический источник и то, что после игр с ним и Ирида, и Эмали стали магами, похоже, первыми в роду. И я не думаю, что они были единственными — в Долине драконов существовали целые подземные озера живой магии, и, я полагаю, прорывы магии на поверхность редкостью не были.

* * *

В конце лекций на выходе, к которому я шла, влившись в поток студентов, меня остановил сам магистр Валентайн. Ректор, на которого все тут взирали с благоговейным трепетом, кивая и улыбаясь в ответ на приветствия студентов, поманил меня и, едва я подошла, вручил маленькую темную бутылочку.

— Разольешь на ковер в гостиной и побольше в спальне, — приказал

он.

— Что это? — шепотом спросила я.

— О, замечательное средство, — улыбнулся магистр. — Эффект стойкий, продержится с неделю. Как минимум трогать тебя не будет.

И, похлопав меня по плечу, магистр ушел, весело насвистывая что-то и продолжая отвечать на «Здрасти» от студентов.

Вместе со всем потоком я вышла за ворота университета, там студенты, смешиваясь, цветными ручейками растекались по улицам и улочкам, расходясь по домам, а вот меня ждал наемный экипаж. То, что меня, это точно — возница стоял, держа табличку «Милада» в руках.

И все же, подойдя, я спросила:

— Вы... за мной?

— Халоне Ирэтани? — уточнил возница.

Я кивнула.

— Значит, за вами. Заползайте.

И он безразлично направился к козлам.

— То есть я могу сесть?

— Я же сказал — заползай, — отозвался возница.

* * *

По городу проехали быстро, едва миновали заполненные студентами улочки. Окраина, на которой мне купили дом, еще издали запахла цветущими абрикосами, и здесь было гораздо тише, чем в центре, вероятно потому, что практически отсутствовали лавочки и магазины.

Подъехав к дому, возница спустился, помог мне выйти из экипажа, сообщил, что все уже оплачено, и уехал.

Мне же предстояло идти домой...

С бутылочкой странного зелья в руках.

С кучей мыслей, которые не укладывались в голове!

И да — со вполне оправданным возмущением!

— Нет, не так, — раздалось насмешливое из сада, — голову вниз, взгляд полон печали, плечи опущены. Учти, они завтра проверят, — раздался голос Ирэнарна.

Я взглянула в сад и увидела дракона, вольготно устроившегося на скамейке под деревом и явно ожидающего меня.

— Давай-давай, — весело скомандовал он.

Но у меня с притворством было как-то не очень.

— Про супружеские обязанности вспомни, — посоветовал муж.

Настроение мгновенно испортилось.

Понурившись, затворила калитку и направилась было к Ирэнарну, но он резонно заметил:

— Я под иллюзией, так что меня нет. Зайдя в дом, заметно порадуйся этому факту и вперед, разливать по всему дому данную гадость.

С сомнением посмотрела на дракона.

— Вперед, — повторил он, — поговорим, как закончишь.

Несколько недоумевая, пошла в дом, крикнула «Саир», «порадовалась», что никто не ответил. Открыла бутылочку, сходилась поразливала везде, особенно в спальне. Воняло жутко, словно молоко скисшее и забытое на пару недель в теплом месте, так что, завершив, я запихнула бутылочку в карман мантии и принялась окна везде открывать.

— Надо же, ты действительно чувствительна к магии Земли, — прозвучал вдруг позади открывающей створки меня голос Черного дракона.

— Так воняет же, — сказала я, задохнувшись, едва его руки легли мне на талию.

— Для тебя, — рывком прижимая меня к себе и касаясь губами уха, прошептал Ирэнарн, — по факту, ни я, ни любой другой маг, кроме твоей стихии, запаха не ощутил бы.

А я на миг закрыла глаза. Каким-то самым непостижимым образом после нервного и напряженного дня в университете, именно сейчас, когда я чувствовала тепло его крепко обнимающих меня рук, мне вдруг стало спокойно. Так спокойно, словно я в Долине драконов, в гостинице «Весенняя капель» и папа сейчас высунется из окна и позовет обедать, а древний из другого окна обязательно скажет что-нибудь вредное, но все равно очень родное.

— Самый лучший момент за весь день, — едва слышно выдохнула я.

— У меня тоже. — Объятия стали чуть крепче. — День вышел... сложный. Мать прилетала.

Я задержала дыхание, слушая.

Но он не стал рассказывать, отделавшись лишь общими фразами.

— Мелочи, — усмехнулся невесело и зарылся лицом в мои волосы. — Они перешли границу, и мне плевать, насколько «высоки» были их замыслы, это было преступление. А значит, я буду придерживаться принятого решения. Как твой день прошел?

Накрыв его ладони собственными, неожиданно для себя погладила его пальцы, словно хотела поддержать, и сообщила:

— В конце недели я тебя убивать буду.

— Почему только в конце? — рассмеявшись, спросил Ирэнарн.

— Да даже не знаю, — честно призналась. — Магистр Валентайн решил, что в конце недели.

— Мм-м, — дракон скользнул губами по краю уха, — убивать будешь явно не ты.

— Наоборот, — поежившись из-за тысячи мурашек, прошедших по спине от его прикосновения, возразила я. — Магистр гарантировал, что я буду свидетелем, соответственно...

— Мм-м, нет, — его губы скользнули ниже, прихватив мочку уха, — определенно не ты. От этой убийственной для мужской потенции субстанции, которую ты разлила по дому, веет конкретным определенным магом. Кого-то пустят в расход. Вероятно, того, кто уже сегодня проявил к тебе интерес определенного характера.

— Какого характера? — холодея, переспросила я.

— Интимного, — очень интимно прошептал Ирэнарн.

Поддержал меня в объятиях еще несколько секунд, словно хотел мной надыхаться, с искренним сожалением отпустил и сообщил:

— Переодевайся и спускайся, я сейчас домой приходить буду.

Обернувшись, с сомнением переспросила:

— Серьезно?

— Абсолютно, — с непроницаемым лицом ответил Черный дракон. — Тебе чего-нибудь вкусенького захватить из кондитерской халоне Тойя?

— Мне... — несколько растерянно протянула я. — Мне захватить чего-нибудь переодеться.

— Уже, — направляясь к лестнице, сообщил дракон. — В шкаф загляни.

И он сбежал по ступеням вниз.

Все еще пребывая в некоторой растерянности, я подошла к стенному шкафу и увидела частично закрепленные на плечиках, частично сваленные в кучу платья, шали, шляпки и прочее. Складывалось впечатление, что их скопом захватили из одного шкафа и без всяческих церемоний засунули сюда, в другой шкаф. Подцепив на вешалку так, чтобы я сразу увидела только одну вещь — цветастый шелковый халатик, длинный, конечно, но с разрезами.

Постояв немного, разглядывая все это, я, как могла, принялась раскладывать вещи, выудив из кучи чистого белья неведомо как затесавшиеся сюда узкие драконьи штанишки, надеваемые под короткие платья, бюстье моего размера и явно сотворенное духом, и тонкую рубашку без рукавов.

Наскоро ополоснувшись в ванной, надела все и уже сверху, на более-менее приличное одеяние, так и быть, натянула халатик.

Успела вовремя — стукнула калитка, после раздался звон колокольчика над дверью, и на весь дом прозвучало:

— Дорогая, я дома!

Даже не знала, что на это ответить.

— Э-э-э... — протянула я.

— Что «э-э-э»? — досадливо спросили внизу. — Полагается воскликнуть «Любимый, наконец-то» и сбежать ко мне в одном халатике... а впрочем, можно и без него, я же теперь все-таки муж.

— К слову, о муже!

Я торопливо вышла из спальни и спустилась по ступеням, затягивая пояс халата потуже и игнорируя вытянувшееся лицо Саира Ирэтани, который мгновенно заметил и штанишки, и рубашку, и все прочее — халат скорее подчеркивал, чем скрывал.

— Между прочим, я могу уйти в монастырь! — гордо заявила скривившемуся дракону.

— Потрясающе! — воскликнул тот, подходя ко мне и всучивая в одну руку букет роз, а в другую — коробку со сладостями из кондитерской халоне Тойя, перевитую белой лентой. — Только не забудь предварительно сообщить мне, в какой именно, чтобы я успел спалить его до твоего прибытия, а то, боюсь, ты несколько расстроишься, если я сделаю это на твоих глазах.

И разъяренный Ирэнарн, стремительно меняя облик, ушел сначала запереть дверь, после разулся и, не оглядываясь, взбежал по лестнице вверх, и оттуда вскоре послышался звук полившейся в ванну воды.

— Не надо ничего сжигать! — обрета, наконец, дар речи, крикнула я.

— Не надо уходить в монастырь, — парировал... муж.

Я постояла, кусая губы, и все же заметила:

— Но чисто теоретически...

— Чисто теоретически у меня уйдет секунд десять на то, чтобы отдать приказ сжечь в принципе все монастыри Триединого, включая мужские, и еще минут пять моим драконам потребуется на выполнение приказа!

Постояв еще и переваривая информацию, тихо заметила:

— Мог бы просто сказать, что не могу, и все. Угрожать-то зачем?

И ушла на кухню искать вазу для цветов, и куда коробку поставить, и вообще, что на ужин готовить.

Оказалось, что готовить ничего не нужно, все уже стояло на плите — завернутое в несколько полотенец рагу из кролика, теплый хлеб, тоже прикрытый для сохранения тепла, и наваристая каша в казанке на маленьком огне доходила.

— Мог бы, — прозвучало вдруг позади, — но я решил пресечь подобные мысли на корню в принципе.

Через плечо, глянув на вошедшего Ирэнарна, я потянулась к шкафчикам в поисках тарелок, нашла нужные, достала и едва не выронила, услышав:

— А я смотрю, пропаганда магистра Валентайна дает свои плоды.

— Да нет, — недоуменно оглянулась на дракона, все так же стоявшего в проходе, оперевшись плечом о дверной косяк. И под его пристальным подозрительным взглядом я слегка сорвалась: — Всю магию благополучно съел ваш Страж. Спасибо. Особенно за то, что не потрудились сообщить, что кто-то на моей груди будет шевелить челюстями!

— Едва ли ты обратила внимание на подобные мелочи в имевшихся условиях, — язвительно подметил дракон. Затем поинтересовался: — И как? Сколько мы там девственниц попортили, молодич попозорили, свободных личностей позапирали? Не стесняйся, рассказывай, мне интересно.

В этот момент в дверь постучали.

Стремительно меняя свою внешность, Ирэнарн ушел открывать неведомому посетителю, а я взялась стол накрывать.

Заходила госпожа Осинн, деликатно не входя в дом, сообщила, что ужин на плите, постель она перестелила, шпионов видно не было и она завтра зайдет утречком.

К тому моменту как Черный дракон вернулся, я уже заканчивала с сервировкой стола, но вот от чего не удержалась, так это от вопроса:

— Почему боевые драконы предпочитают человеческих женщин?

Ирэнарн, взяв хлеб, основательно его рассмотрел, заметно поразившись тому, насколько он... маленький в сравнении с хлебом драконьих размеров, разместил его на разделочной доске, порезал на две практически равные части, увидев, что я красиво все разложила по тарелкам, тоже взял тарелку, разместил два куса целого хлеба на ней и понес в нашу маленькую столовую.

— Тепло, — ответил он, подойдя к моему месту и недвусмысленно

ожидая, пока я сяду, чтобы галантно придвинуть мой стул к столу.

— Я сама сяду, — обронила, уходя за ножами и вилками.

Дракон, никак не отреагировав, продолжил стоять все там же, все с тем же ожиданием.

— Вообще-то ты теперь мне муж, так что это я должна о тебе заботиться, — заметила осторожно.

— Ты моя наир, забота о тебе делает меня счастливее. Если же касаться заключенного брака, то твой долг, как жены и женщины, делать меня счастливым. Так что, как видишь, противоречий нет.

Не став спорить, молча села, Ирэнарн галантно пододвинул мой стул к столу, обошел его и сел на свое место. Взяв тарелку, молча протянул мне, предлагая взять половину хлеба. Молча отломала кусочек и так же молча протянула мужу тарелку с мясным рагу.

— Не то чтобы я был особо принципиален в этом вопросе... — мрачно начал дракон. Глянул на меня и выдохнул: — А к Проклятому Спящему! Я принципиален, соответственно, я буду ухаживать за тобой. Все.

И тарелку у меня взяли, чтобы накормить меня, то есть положить рагу, и только после этого Ирэнарн подумал и все остальное себе забрал.

— Так, значит, тепло? — не став спорить, вернулась я к разговору. — А в каком смысле?

— В прямом, — прямо ответил дракон. — Тебе, вероятно, рассказали, что прежде драконы выбирали эльфиек?

Просто кивнула, подтверждая.

— Это обычные драконы, — Ирэнарн странно усмехнулся, как-то совершенно невесело, — те, кто с рождения был окружен заботой и любовью, те, кто получил достаточно тепла в семье, своей или ими созданной. Такие ищут новые связи, пресытившись имеющимися. И эльфийки вполне пригодны для подобных развлечений.

Он прожевал откушенный кусок хлеба и, проглотив, продолжил:

— У боевых драконов все иначе. Мы ищем не красоту, мы ищем искренность, нежность, заботу... Эмоциональное тепло, если выразаться общим термином. Поэтому да, боевые драконы предпочитают человеческих женщин.

И он принялся есть. А я чувствовала себя сытой еще с обеда, и в целом есть не хотелось совершенно. Особенно после такого.

— И поэтому драконы заключают брак, который никогда не будет признан в Долине? — тихо спросила я.

Ирэнарн есть перестал. Молча отодвинул тарелку от себя, сел, упираясь локтями в стол, и, положив голову на переплетенные пальцы,

мрачно посмотрел на меня. Я отвела взгляд, да... но ненадолго. Если бы речь шла обо мне, я бы едва ли решилась спросить... но речь шла не обо мне, и поэтому я решительно встретила взгляд зеленых, с явным серебром, глаз.

— Милада, — очень мягко произнес Ирэнарн, — смертность дракониц, рожающих от боевых драконов, примерно девяносто процентов. Как ты думаешь, в Долине есть семьи, готовые отдать свою дочь боевому дракону?!

Я замерла, потрясенно глядя на него.

— На меня не смотри так, — издевательская усмешка на губах, — я Правящий дракон, мне не просто отдадут, мне еще и навязать попытаются. Другая категория. К тому же драконицы из аристократических родов гораздо сильнее, как магически, так и физически. Селекция и все прочее дают результаты. Именно поэтому, как я уже говорил тебе, аристократок закон обязывает произвести на свет как минимум одного боевого дракона.

Он улыбнулся моему потрясению и продолжил:

— И у боевых драконов, любимая, остается два варианта: первый, если позволяет положение и доход, — жениться. Но в этом варианте есть один изъян — как ни предохраняйся, но рано или поздно... — Он помолчал и продолжил: — И второй — завести любовницу из эльфийских или человеческих женщин. Минус — это не одобряется. Плюс — вы не беременеете.

Высказав мне все это, Главнокомандующий вернулся к ужину. Я продолжала потрясенно молчать. Затем все же высказала:

— Любовница после... любовной связи может вступить в брак с тем, кого выберет. А после брачной церемонии в таком храме, как Цветочный, где браки с драконами поставлены на поток, женщина... после всего этого на всю жизнь остается одна.

— Это всегда выбор женщины, — безразлично ответил Ирэнарн. — Для драконов в принципе не имеет значения характер связи, но среди людей приняты всяческие «жить во грехе» и прочее.

Он посмотрел на меня и добавил:

— Я практически готов утверждать, что ты была первой невестой в Цветочном храме, сказавшей «да» под откровенным давлением с моей стороны. Но у нас с тобой ситуация немного иная... ты в принципе первая человеческая наири во всей Долине, а я если и мог позволить себе брак с тобой, то только подобный.

Несколько секунд я молчала, затем все же спросила:

— А как же Тари? Студентка Университета Стихийных Сил, которая в

итоге, после подобного... брака, ушла в монастырь?

— Мм-м? — Ирэнарн поднял на меня удивленный взгляд: — Студентка?! У нее еще любовник был среди преподавателей? Миграв Надвер?

Я неуверенно кивнула.

— Да-а, — насмешливо протянул дракон. — Да, помню, шикарный был яд. Мы его потом всей Крепостью испытывали, ощущение, как от дурной травы, пара капель в утренний чай, и жизнь вообще кажется прекрасной. Хороший был яд, жаль, привыкание вызывает, пришлось запретить.

— Что??? — потрясенно выдохнула я.

Ирэнарн устало покачал головой и укоризненно произнес:

— Милада, у боевых драконов есть один четкий принцип — мы не насилуем женщин. Никогда. Это не просто позорно, это постыдно. Поэтому драконы добиваются согласия. Всегда. Теперь скажи мне, чем обычный — меня мы не касаемся — дракон может купить согласие студентки Университета Стихийных Сил?

Я промолчала.

— Ничем, — припечатал Главнокомандующий. — Это тебе не Любережь, здесь к драконам привыкли и давно в курсе, что девственниц они не едят.

Упрек был направлен явно в мою сторону.

— Ко всему прочему, речь идет о студентке Университета Стихийных Сил, принадлежащей фактически к привилегированной касте магов. Тарийя не была жертвой. Как минимум она не была жертвой драконьей страсти, скорее, жертвой страсти к убиению драконов, но это уже отдельный разговор. Там было стремительное соблазнение, после — брак, затем попытка отравления. Эн-Зэрд — специалист по ядам, ему было интересно, поэтому он с удовольствием поучаствовал, и сразу после того, как новобрачная предприняла попытку остаться вдовой, он, находясь под воздействием препарата, разнес половину дома, затем, захватив бутылку с остатками, прилетел в Крепость. Ну а когда проспался и вернулся в Мебережь, перепуганная перспективой убийства женушка уже закрылась в одном из монастырей. Ее выбор.

Несколько секунд я сидела, потрясенно глядя на Черного дракона, с интересом поглядывающего на меня, и чувствовала, как запах разлитого в доме снадобья перебивает запах разложенной на столе еды.

— Еще вопросы? — вновь придвигая к себе блюдо, поинтересовался Ирэнарн.

О, вопросы. Их было крайне много, но начала я с того, что очень беспокоило:

— Магистр Валентайн узнал про Аттинура.

Черный дракон, прожевав, сглотнул и спросил:

— Ты беспокоишься о том, кто превратил твою жизнь в стенах университета в ад?!

Я не нашлась, что ответить на это. Но как-то к спасителям мое доверие поумерилось после всех событий настолько, что да, я беспокоилась о том, кто спасти не то что не пытался, а старался выгнать всеми доступными методами.

— Я понял, — внезапно произнес дракон, — за Аттинуром присмотрят.

— Спасибо, — совершенно искренне поблагодарила я.

Он лишь усмехнулся и вновь вернулся к ужину. Я едва ли ела, скорее ждала, пока поест Ирэнарн и... И что? Вдруг подумала о том, что будет, когда он поест. И о том, что впереди вечер и... ночь. И... он мой муж. И еще о многом другом, что отбивало мое желание поесть гораздо эффективнее, чем вонь от разлитого зелья.

— И о чем моя наири задумалась? — с насмешкой спросил Ирэнарн.

Не ответив, нервно отломала кусочек от хлеба, сделав вид, что полностью сосредоточена на еде. Насмешливый взгляд дракона почувствовала, даже не глядя.

— Что еще нового было в университете? — последовал очередной вопрос.

— Градация силы, основанная на драгоценных камнях, — ответила, все так же не глядя на Ирэнарна. — Я с подобным раньше не сталкивалась.

— Полагаю, ты обнаружила многое из того, с чем ранее не сталкивалась, — с легкой насмешкой констатировал Ирэнарн.

Я подняла вопросительный взгляд на него, и дракон пояснил:

— Система обучения, организация всего обучения, атмосфера, воспитываемое в студентах желание взаимопомощи, отсутствие зависти к более одаренным.

— Д-да, — проговорила с некоторой заминкой.

— Тщательно культивируемое ощущение родства, семейного тепла, чувства поддержки со стороны преподавательского состава, — продолжил Ирэнарн.

Кивнула, подтверждая.

Затем нехотя прошептала:

— И в то же время магия влияния, постоянный контроль и стены

университета, высасывающие силу...

— Ты моя умничка, — неожиданно похвалил Ирэнарн.

Никак не отреагировав на похвалу, тихо спросила:

— Почему так?

Черный дракон взял стакан с водой, задумчиво сделал глоток и спокойно ответил:

— Валентайн знает о том, куда ушли магические источники.

— И что? — Я не совсем поняла, что конкретно объясняет эта фраза.

— И... — Ирэнарн сделал еще глоток воды, после отставил стакан, сложил руки на груди и добавил: — И он прекрасно понимает, что, сколько ни тяни силу из молодых и сильных, это не сделает тебя вечным и в достаточной степени могущественным, как, к примеру, доступ к живым магическим источникам. А потому Валентайн готовит войну. Войну, в которой первой волной наступления станут мертвые, как ты уже, думаю, догадалась, второй — студенты всех магических заведений человеческих королевств, которые, как ты, полагаю, тоже уже догадалась, способны не на многое, всего на один достойный удар, следом пойдут эльфы и уже затем магистры, закончившие Университет Стихийных Сил. Какое-то время определенная роль в этом плане была уготована грассам, но твое вмешательство вывело эту расу разумных животных из игры. Полагаю, узнай Валентайн всю правду, он не был бы к тебе так добр.

Несколько секунд я смотрела на улыбающегося странной полуулыбкой дракона, затем произнесла:

— И вы обо всем этом знаете.

Пожав плечами, Главнокомандующий нехотя сознался:

— Еще несколько недель назад я бы с уверенностью ответил — да. Но информацию о грассах нашла ты. И степень опасности также обозначила ты, любимая. Буду откровенен — едва ли они стали бы проблемой для боевых драконов, но... если бы весь массив грассов хлынул в Долину... — Он не стал договаривать.

Договаривать и не требовалось.

— Ты можешь собой гордиться, — вдруг сказал Ирэнарн.

В ответ на мой вопросительный взгляд пояснил:

— Как минимум ты спасла несколько десятков магов в Долине, оказав мне помощь в излечении Гаррата, как максимум — несколько тысяч мирных драконов и всю расу грассов.

Гордость была последним чувством, что я испытала, услышав все это.

— Ты не считаешь это поводом для гордости? — иронично уточнил дракон.

Что я могла сказать на это? Ничего, если честно.

— А знаешь, что является непреложным правилом общения с мужем? — вдруг спросил Ирэнарн.

Не то чтобы я даже хотела знать, но все же спросила:

— Что?

— Честность, — зеленые глаза полыхнули серебром... а скорее, даже сталью.

— Честность... — эхом отозвалась я. — Честность... — И честно призналась: — Я не знаю, как буду смотреть в глаза Камали и Хатору после того, как они узнают про брак, который для меня является законным, а для вас нет.

Ирэнарн промолчал, я же продолжила:

— А что касается гордости... Я не вижу поводов для гордости в том, что смогла помочь магам, отправленным на уничтожение, вернуться домой. Говоря откровенно, я заботилась больше о себе, нежели о них...

— Сказала девушка, требующая у меня поступить по справедливости и посадить ее в застенки вместе со всеми, — с насмешкой перебил Ирэнарн.

Не став спорить, продолжила:

— О грассах я узнала случайно, так же случайно в критический момент вспомнила об уникальных способностях Гаррата. Это было случайностью, и только.

И я замолчала. Ирэнарн тоже не проронил ни звука, и некоторое время в нашей столовой был слышен лишь шелест цветущих веточек в саду да отдаленный звон колокола, собирающего всех на службу в храм Триединого.

И на фоне звящего колокола набатом прозвучали слова моего мужа:

— Я не могу на тебе жениться. И не смогу никогда. Даже тот факт, что я сделал тебя, человеческую девушку, своей наири, всколыхнет возмущение всего общества драконов. Большинство представителей аристократии бесит факт запрета вылета за границы Долины, и вообще о нашем отношении к людям ты знаешь. И мне потребуется весь мой авторитет, чтобы удержать бразды правления, но... я уверен, что справлюсь с этим. А вот с тем, что смогу жить без тебя, — нет.

Я опустила взгляд.

— Дальше, — продолжил Ирэнарн, — еще до моего рождения был заключен договор между Долиной драконов и Драконьей Грядой. Мы один народ, и пришло время единения. Их Владычица была единственной дочерью, и правление, как ты понимаешь, сейчас сосредоточено в ее руках.

Соответственно, объединить народы может только брак между Правящей драконицей и Правящим драконом. И если Гаррат будет упорствовать, жениться на Гэндоран вынужден буду я.

Просто не могла не спросить:

— И вы полагаете, факт наличия у вас наири не станет препятствием?

На Ирэнарна я не смотрела, поэтому узнать, как он отреагировал на мой вопрос, не могла, но ответ дракона прозвучал спокойно:

— У нее нет выбора. Как, впрочем, и у меня. Я все еще искренне надеюсь на разумность Гаррата, и в этом случае я смогу позволить себе не связываться узами брака ни с одной драконицей... но надежды остается все меньше, особенно после его последней выходки.

— Какой? — едва слышно спросила я, чувствуя себя все хуже с каждым его словом и даже до конца не понимая почему.

— Какой?.. — повторил мой вопрос Ирэнарн. Резко выдохнул и объяснил: — Насколько я понял, тебе в Медведково дали чай с травой, обеспечивающей как минимум год невозможности забеременеть.

— Ежин-травы, — припомнила я.

— Она самая, — подтвердил дракон. — И у Гаррата хватило наглости раздобыть ее, после, используя реальность сокровищницы древнего, призвать студента Никодима и с его помощью придумать состав, который лишает роста волос как минимум на год. На утро Гаррат издал закон, по которому Владыка Долины драконов во избежание порчи последующих поколений Правящих не может жениться на плешивых. Примерно в это время Гэндоран нанесла на часть волос «чудодейственную эльфийскую краску». Полагаю, ты догадываешься, что произошло далее.

Я догадалась и о многом другом. К примеру, о том, что Гаррат нашел способ частично выбраться из-под домашнего ареста, сдружился с Асур-Рратом и даже с Никодимом, потому что в ином случае травник не стал бы ему помогать. Словно поняв, о чем я думаю, Ирэнарн добавил:

— Пространственные реальности древних теперь тоже контролирую я.

Что-то мне подсказывало, что Гаррат найдет выход и из такого положения. И почему-то даже была уверенность, что уже ищет.

Внезапно вспомнила — Асур-Ррат и Владыка знают, что сбежать мне не удалось. И о том, что я с Главнокомандующим, знают тоже. Поэтому появление древнего теперь лишь вопрос времени.

Но в то же время я вдруг подумала о другом. О том, что в какой-то момент от Гаррата отказались все, включая его родителей и весь Совет древних. В какой?

— Гаррат уже раз отказался жениться на Гэндоран, да? — спросила,

даже не сразу осознав, что я задала этот вопрос.

Ирэнарн встретил мой взгляд с грустной усмешкой и ответил:

— Да.

Помолчал, раздумывая над тем, стоит ли говорить, и все же рассказал:

— Он соблазнил мою невесту практически на виду у всего двора. Естественно, после подобного весь род Аррани встал на защиту чести своей дочери. И Гаррат радостно обручился с Ривэл, тем самым нарушив все прежние договоренности и проигнорировав тот факт, что уже был помолвлен с Гэндоран. Он поставил под удар все. Слово, данное нашим отцом, дружбу нашей матери со Снежным родом, процесс объединения государств. Все, буквально. Это был откровенный плевок в лицо всем Правящим. Гаррат фактически поставил страну перед выбором — внешняя война с оскорбленным народом Гор или внутренняя, с оскорбленным, могущественным и крайне многочисленным родом Аррани.

— Поэтому ваш отец отказался провести бракосочетание? — почти прошептала я.

Ирэнарн кивнул.

— А... вы? — Я не могла не спросить.

Несколько секунд Черный дракон молчал.

Затем нехотя, но все же ответил:

— Я считал, что они любят друг друга. В тот момент я был далек от политики, не знал всего положения дел и считал, что... не имею права ставить личные чувства выше счастья брата.

Я вдруг подумала, что никогда не смогу рассказать ему, что любви не было. Ничего не было. И что, если верить словам магистра Нарски, эти двое репетировали страстные поцелуи и объятия, собираясь продемонстрировать «искреннюю любовь» на глазах того, кто, похоже, во все это верил...

— Кстати, еще одна твоя заслуга, — вдруг усмехнулся Ирэнарн, — предательство Ривэл было первым, что пошатнуло положение рода Аррани. Но когда вторая дочь была поймана на попытке выдать себя за тебя, расследования им не удалось избежать, несмотря на все влияние главы рода. Обнаружилось множество любопытных фактов, начиная с того, что именно Аррани вели торговлю с человеческими королевствами, нарушая прямой запрет, и кончая планом внедрения Ривэл в род Правящих драконов. После этого я уже был не так уверен в том, что именно Гаррат соблазнил ее, есть опасения, что все было немного наоборот... И едва ли я расскажу об этом брату когда-нибудь.

И вдруг Ирэнарн стремительно начал менять внешность. Я едва

удержала вскрик, глядя, как быстро сужаются его плечи, как меняются черты лица, как меняется даже взгляд, как...

Колокольчик в дверях даже не прозвенел, он лишь звякнул, и почти сразу в доме раздалось:

— Миладка, ты где?

Я не успела ответить, как в кухню влетела Лина, остановилась и потрясенно выдохнула:

— Ой!

— Добрый вечер, — несколько недоуменно, но все же вежливо поздоровался мой... муж.

— Д-добрый. — Лина выглядела откровенно удивленной. — А вы... еще спать не ложитесь?

— Еще нет, — даже не особо сдерживая усмешку, ответил Саир.

Из гостиной донеслось:

— Там что, дракон? — и я узнала голос Светозара.

— Вот черт, — выдохнул Ветер.

— К двурогим отношения не имею, — повысив голос, сообщил... мой муж.

Голоса в гостиной притихли. После чего парни, видимо решившись, зашли — впереди Светозар, за ним Ветер. Лина, пытаясь хоть как-то сгладить ситуацию, сообщила:

— Просто Милада говорила, вы рано спать ложитесь. Здрасти!

— И вам не хворать, — с нескрываемой насмешкой ответил Саир Ирэтани. И, повернувшись ко мне, произнес: — Дорогая, ты не предупреждала, что у нас будут гости.

— А я... забыла, — вымученно ответила ему.

— Прискорбно, любимая. — Надо мной, кажется, просто издевались. — Но... я всегда рад гостям. Присоединяйтесь. — И он указал рукой на стол. После поднялся и сообщил: — Парни, что пьете?

— Все! — с готовностью отозвался Светозар.

— Я могу сгонять, я быстрый, — сообщил Ветер.

— Не стоит, все есть. — Саир развернулся и покинул нас, спустившись на кухне в подпол... о существовании которого я и не догадывалась. И что-то мне подсказывало, что даже строители дома о нем не догадывались...

— Миладка, ты что, зелье не вылила? — торопливо прошептала подбежавшая ко мне Лина.

— Вылила, везде, — совершенно честно ответила я.

А больше мы не успели ни о чем поговорить — из подпола вышел Саир, неся сразу четыре бутылки вина.

— Девчонки, добавляйте приборы, мужики — берите стулья, — с ходу скомандовал он.

Никто не попытался даже возразить. Мы с Линой споро поставили еще три тарелки на стол, к ним ножи и вилки, парни принесли стулья из гостиной и сели. Дракон не стал — поставил бутылки на стол, затем подошел к моему стулу, взялся за его спинку и выразительно посмотрел на меня. Пришлось идти и садиться. Светозар, несколько сконфуженный, торопливо поднялся и, подождав Лину, придвинул ее стул к столу.

Дракон кивнул с полуулыбкой, одобряя его действие, прошел, сел на свое место и, обменявшись рукопожатиями с обоими магами, представился:

— Саир.

— Светозар.

— Ветер.

На этом возникла неловкая пауза.

— А мы пришли помочь Миладе с контрольной, — мило прощепетала Лина.

— Да, я слышал, что взаимопомощь — первое, что Валентайн воспитывает в своих студентах, — улыбнулся ей дракон.

— Это так, — сурово подтвердил Светозар.

И посмотрел на Саира с явным осуждением, словно намекал, что у драконов взаимопомощи нет, и за одно это им уже должно быть стыдно.

— Выпьем за встречу? — совершенно не отреагировал на провокацию собственно дракон.

И, взяв первую бутылку, расплавил воск одним прикосновением, затем извлек пробку совершенно без напряжения. Зато напряглись Светозар и Ветер, причем разом, видимо, по причине того, что магию дракон не использовал совершенно — только естественную физическую силу драконов.

— Искренне рад, что у моей любимой появились друзья, — произнес Саир, разливая вино всем, кроме меня.

— А... Милада? — удивилась Лина.

— В ее положении пить не стоит, — с улыбкой сообщил дракон.

Фраза была более чем двусмысленная, и маги нервно переглянулись, в то время как я возмущенно смотрела на дракона. Но Ирэнарн взглядом указал мне на пол, напоминая события вчерашнего вечера, и я подумала, что пить мне действительно лучше не надо. Дракон же, отсалютовав мне, выпил бокал до дна. Сомневающиеся были студенты выпили тоже — парни до дна, Лина половину бокала. Следующее, что я увидела, была потрясающе коварная улыбка Саира Ирэтани. И эту улыбку он даже не считал

нужным скрывать, он просто широко и коварно улыбался, глядя на меня. А затем, повернувшись к Светозару, уточнил:

— Так, значит, контрольная?

— Ик, — ответил парень и, начав накладывать жаркое к себе в тарелку, изрек: — Да не, пришли просто удостовериться, что ты вырубился, урод крылатый.

— Да что вы говорите! — иронично произнес дракон.

— Вообще странно, — Ветер, отбросив назад темные пряди со лба, отламывал себе хлеба от моего куска. — Магистр, конечно, приказал только мужское желание у тебя отбить, но я несколько изменил состав, Светозар добавил своей магии, ты уже должен был храпеть на весь дом.

— И я бы тебя, уroda, ногами попинала, — мечтательно протянула Лина, накладывая в свою тарелку салата.

— Я бы добавил, — не менее мечтательно произнес Светозар.

— А я на Миладке женюсь, когда ты сдохнешь к концу недели, — уверенно заявил Ветер, жуя хлеб.

— Какие грандиозные планы, — с трудом сдерживая усмешку, произнес Ирэнарн, весело глядя на меня.

А затем, чуть подавшись к Ветру, поинтересовался:

— Что, настолько моя жена приглянулась?

Студент, окинув меня абсолютно пьяным взглядом, икнул и ответил:

— Она ничего, красивая, но мне Лина больше нравится.

После чего, прожевав хлеб, добавил:

— Но с Линой нельзя.

— Мм-м, — Ирэнарн откровенно издевался, — а почему?

— Слабый маг, — как само собой разумеющееся, ответил Ветер. — Поэтому она в связке со Светозаром, он алмаз. А так-то Милада больше Свету нравится, он вообще на нее глаз положил, только она в аудиторию вошла.

— Как положил, так и снимет, — очень недобро протянул переставший улыбаться Ирэнарн.

— Кого? — не понял Ветер.

— Глаз, — ледяным тоном пояснил дракон.

— Не получится, — как-то остервенело жуя мясо, вставил Светозар. — Со мной такого никогда не было, как увидел — весь дух вышибло, будто от удара... Ее глаза, улыбка, движение... Жаль, магистр Ветру поручил тебя, уroda, устранить. Как представлю, что ты с ней... убил бы голыми руками!

Я сидела, чувствуя почти физически, что глаза у меня с две медные

монеты стали, а вот дракон, казалось, был скорее раздосадован, чем удивлен.

— А не боишься, что я тебе эти голые руки оторву и... куда-нибудь засуну? — зло поинтересовался он.

Могучий маг пожал могучими плечами и, продолжая смотреть на меня в процессе жевания мяса, безразлично ответил:

— Я алмаз. Нас таких во всем университете четыре человека всего, мне с драконом справиться не сложно. С боевым — да, те посильнее будут, а тебе я сам руки повыдергаю и... засуну куда-нибудь.

И не отрывая жадного взгляда от меня, Светозар вдруг тихо произнес:

— С магистром я поговорю. Если потребуется, дам клятву верности на крови. Да все, что угодно, отдам, но ты будешь моей.

— А я тогда за Эсана замуж пойду, — прошептала, словно не веря своему счастью, Лина.

— Не пойдешь, — отрезал Ветер, — ты моя.

Ирэнарн выразительно посмотрел на меня, усмехнулся, взял другую бутылку вина, и налил всем, добавив в половину стакана Лины другого вина.

— За грандиозные планы! — откровенно издевательски произнес он тост.

И все выпили. Лина на этот раз вместе с парнями осушила стакан до дна. Я уже просто боялась представить, что будет дальше.

А дальше было... нечто.

— Хорошо-то как, — протянула Лина, подпирая голову кулаком, — душевно сидим.

— Драконов извести осталось, и вот оно, счастье, — вторил ей Ветер.

— Детей нарожаем, — умильно сообщил мне Светозар.

Чем дальше в лес, тем страшнее...

— А может... хватит? — нервно произнесла я.

— Да ты что, только ж начали! — возмутился Ветер. И, откинув волосы назад, потребовал: — Наливай, чешуйчатый!

Саир улыбнулся улыбкой Ирэнарна и, открыв третью бутылку вина, налил всем. Улыбка из коварной стала практически издевательской. Ребята же, взявшись за бокалы, что-то невнятно провозгласили и... выпили.

В следующее мгновение из поз магов исчезла всяческая расслабленность, выражение нетрезвости сменилось тревогой, почти ощутимой, настолько сильно она чувствовалась, парни переглянулись, и Светозар вдруг произнес:

— Они тянут из нас силы. Стены университета. Ветан, ты знал?

Тот, кто называл себя Ветром, отрицательно мотнул головой, а затем хрипло произнес:

— Гера убили не драконы.

— В смысле, не драконы? — прошептала Лина.

— Это был Воронир. — Ветер тоже говорил шепотом. — Он выскочил из контура, схватил Гера... Элвеннир...

— Быть не может! — прохрипел Светозар.

— Я сам видел... — хрипло выдохнул Ветер. — Сам. Он поглотил его полностью. Не только магию...

Но больше они не успели ничего сказать — действие вина закончилось, словно его и не было, тревога ушла, сменившись пьяной расслабленностью, а Ирэнарн уже разливал вино из четвертой бутылки.

— Ой, что-то я напилась, — пьяно улыбаясь, сказала Лина.

— Последний тост, — с жестокой насмешкой произнес Ирэнарн, — за прекрасных девушек!

Красное вино маги пили, почему-то едва не давясь. После долго пытались откашляться, потом Светозар вдруг сказал:

— Пора нам.

И они, поднявшись и не прощаясь толком, развернулись и ушли. Я сидела, потрясенно прислушиваясь сначала к звякнувшему колокольчику, затем к скрипнувшей калитке, в итоге подняла непонимающий взгляд на вновь вернувшего себе внешность Ирэнарна.

— У меня... — начала было.

— Нет слов? — иронично поинтересовался дракон.

— Да... — Слов действительно не было.

— Кстати, — Ирэнарн указал на бутылки, — разработка колонии Арха.

— Ч-ч-черной плесени? — уточнила я.

— Ее самой. — Дракон продолжал улыбаться, с интересом следя за мной.

Я же просто не могла понять:

— Что... они... Валентайн... в этом университете делают?!

— С магами? — догадался Ирэнарн. — Много чего. Начиная от программирования, продолжая магией влияния и заканчивая имитацией правды с применением подложных фактов. Целая система. И как видишь, применяют даже селекцию.

— Селекцию? — переспросила я.

— Пары формируются не путем естественного отбора, — пояснил дракон. — Соответственно, это селекция, правда, пока с непонятными мне

причинами и желаемым результатом.

И на мой вопросительный взгляд улыбнулся и объяснил:

— Странная селекция, милая. Гораздо эффективнее было бы группировать пары сильный плюс сильный, они же практически ослабляют новое поколение магов. Ослабляют сознательно. И мне пока непонятно, с какой целью.

А я вдруг вспомнила разговор в столовой, слова Светозара: «Мои заклинания практически не снимаемые. К сожалению, я единственный алмаз на факультете» — и сказанное Линой: «Магистр Валентайн говорит, это из-за живых источников магии, их присвоили драконы, поэтому количество магов среди людей неизменно уменьшается, а среди драконов растет. Ты знаешь, что за последние пять лет у драконов шесть — ты представляешь? — шесть новых магических учебных заведений открылось! Шесть! А у нас? Посмотри, нас становится все меньше».

— С целью обвинить во всем драконов, — прошептала я.

— В чем именно? — не понял Ирэнарн.

— В том, что вы присвоили себе живые источники магии, поэтому количество магов среди людей стремительно уменьшается.

Несколько долгих мгновений Главнокомандующий молчал, затем с грустной усмешкой произнес:

— Проблема в том, что они живые, Милада. И как всякое живое существо, хотят не просто выживать, скрываясь в глухих лесах, а жить свободно и счастливо, не боясь за своих детей, не прячась, не теряя родных и близких. Мы не присваивали источники, источники просто перебрались туда, где чувствуют себя в безопасности.

Он помолчал еще немного и добавил:

— Источник, в котором ты восстанавливалась, работает на Броню. Он стар, его жизненный цикл подходит к концу, и потому Онер помогает тем, кто обеспечивает охрану земли, на которой живут его близкие. И не только он. В последние годы источники прибывают все чаще, особенно после того, как последнее из их поселений эльфы расчленили на капли.

Я слушала, затаив дыхание, и даже не сразу провела параллель: «на капли» для источников — это примерно то же самое, что на части для людей... Они убили поселение источников!

— Последний из источников, находящихся вне Долины, питает храм Древуна. Полагаю, теперь ты знаешь причину, по которой я вмешался в военный конфликт.

Теперь знала...

— Эта девушка-маг сказала правду, — продолжил Ирэнарн. — За

время моего правления количество магически одаренных среди драконов возросло в несколько десятков раз. Я не занимался изучением этого феномена, но полагаю, история с дочерьми халоне Хатора говорит о многом. Фактически у драконов и живых источников разные уровни магии, но, видимо, источники, особенно едва рожденные, а рождаемость у источников сейчас бьет все рекорды, способны пробуждать зачатки силы в драконах. Пока не могу сказать точно, но, учитывая мой опыт, вывод верный.

Все сказанное Ирэнарном для меня было практически потрясением. Источники... живые, способные создавать социальные связи, способные рожать детей, и эльфы, последние из существующих у себя источников разлившие по флаконам, дабы сберечь крохи свободной магии...

А в следующий момент я вдруг подумала о том, а известно ли эльфам, где сейчас находятся все магические источники?

— Известно, — словно прочитав вопрос в моем взгляде, спокойно ответил Ирэнарн. — Но если Долина защищена боевыми драконами, то Горы нет. И это именно та причина, по которой сейчас наши крылатые братья так отчаянно жаждут союза.

— У них нет боевых драконов? — изумленно переспросила я.

— Нет. — Ирэнарн смотрел на меня все с той же улыбкой. — Я говорил тебе о законе, обязующем всех дракониц аристократических родов производить как минимум одного боевого дракона. И говорил почему — аристократки сильнее, как магически, так и физически, и в момент родов они способны удержаться от оборота и родить, сохраняя человеческую форму. Против этого закона выступали многие, но в Долине его соблюдают свято, Горы пошли по пути наименьшего сопротивления. Итог — армия, не способная противостоять эльфийскому вторжению, которое, как ты понимаешь, неизбежно.

Понимала. Теперь многое стало понятно. Я растерянно глянула на стол, который после набега голодных студентов напоминал скорее развалины, и не понимала другого:

— Неужели роды — это настолько сложно, что горные драконы не подумали о своем будущем?

Ирэнарн повел плечом и задумчиво ответил:

— Роды — процесс в принципе нелегкий. Насколько мне известно, среди людей процент смертности рожениц достигает сорока, смертность младенцев повыше — шестьдесят процентов. Собственно, кому, как не тебе, знать об этом — твоя мать умерла родами.

Воспоминание об этом отозвалось болью и той словно подсвеченной

сиянием свечи картинкой, что показал магистр Валентайн...

— Аристократки не хотят рожать, — довольно жестко произнес Ирэнарн. — Процесс откладывания яйца проще в разы. Нет мучительного и тяжелого периода беременности, нет тошноты и прочих сопутствующих данному состоянию ощущений, нет боли и самого процесса родов. Все просто, и даже на фигуре откладывание яйца никак не отражается. Более того, яйцо отдается старшим родственницам и наемному персоналу на все время высиживания, а после мать получает очаровательного крепкого дракончика. А не отвратительно орущий и дурно пахнущий кусок мяса, который помимо тяжелых родов и периода вынашивания требует бережного ухода, заботы и кормления грудью. И да, — жесткая усмешка, — не убережешь одного боевого до семи лет — приходится рожать второго. Закон обязывает произвести одного боевого дракона, а не одну боевую недоделку. Стоит ли говорить, с какой радостью, сдав нас в Броню, матери забывают о нашем существовании?

Я могла бы промолчать, но почему-то все же спросила:

— И только ваш брат...

Ирэнарн отвел взгляд. Затем глухо, словно нехотя, начал говорить:

— Гаррат всегда относился ко мне как к... дракону. Я родился слабым. Слабым настолько, что матери предложили воспользоваться правом Правящей и не отдавать меня в Броню. Но родители не желали тратить еще семь лет на вынашивание и взращивание нового боевого дракона. Хорошо помню скандал, что затеял Гаррат. С детства сильный, он разнес половину дворца. К утру стражам удалось его схватить и запереть, а меня передали наставникам.

Он помолчал, после так же тихо добавил:

— Гаррат несколько лет пытался поступить в Броню. Прорывался ко мне, когда мог. Сбегал из дома, менял личины, приходил под видом маленьких боевых, копировал личины тех, кто погибал, из принципа отказывался учиться в любом ином учебном заведении. Тогда он был другим. К сожалению, спустя годы принцип стал ленью, протест — просто нежеланием делать что-либо. И в то время, когда я покорял все новые вершины в стремлении добиться того, чтобы брат мной гордился, Гаррат опускался все ниже, теряя веру в то, что может бороться с системой. И как видишь, в итоге система решила, что Гаррат ей больше не нужен, и сделала ставку на меня.

Я несколько долгих минут потрясенно молчала, но затем все же спросила:

— А почему ему не позволили учиться в военном училище?

И получила ответ:

— Процент выживания небоевых драконов в Броне равен нулю.

Ирэнарн криво улыбнулся и пояснил:

— Сила рождается в мучении и напряжении, Милада. Это закон жизни. Даже бабочки, прорывая ткань кокона, сотканного гусеницей для периода преобразования, испытывают мучение и боль, но, лишь пройдя через них, бабочка распахнет крылья.

И дракон, поднявшись, начал убирать со стола. Я подскочила тут же, но Ирэнарн остановил, сказав:

— В сад иди, погуляй, там красиво.

— Но... — начала было я.

— Уберу сам, — унося грязную посуду на кухню, ответил Главнокомандующий. — Поверь, я привычный, в Броне слуг нет.

Не послушавшись, начала собирать приборы со стола и заметила:

— Вообще-то домашние дела — это обязанность жены.

Меня очень мягко обняли со спины, и я вздрогнула, не понимая, как он так быстро оказался рядом, а дракон, склонившись к моему виску, тихо произнес:

— Вообще-то обязанность дракона заботиться о своей наири.

И ножи с вилками у меня аккуратно, но непреклонно отняли.

— Да, но вашей наири я все еще официально не являюсь, в то время как вы, Саир Ирэтани, уже официально мой муж, так что...

И я отобрала вилки, ложки и ножи, после собрала грязные тарелки и унесла на кухню. А вот заняться мытьем посуды мне не позволили категорически.

— Не лишай госпожу Осинн работы, — произнес Ирэнарн, принявшись под краном мыть мои ладони.

И я как-то замерла, едва дыша и глядя на то, какими маленькими и нежными мои руки кажутся в широких ладонях дракона... А в следующее мгновение замер Ирэнарн. Застыл, словно из живого превратился в каменного, а потом, шумно выдохнув, вдруг резко перевернул мою руку, и я увидела то, чего не замечала весь день, — белые лепестки моего обручального кольца стали зелеными. Изумрудно-зелеными. А лепестки в центре, крохотные, обрамлявшие каплю бриллианта, приобрели серебристый цвет.

— Так... — как-то вдруг очень напряженно произнес Черный дракон.

— Кольцо изменилось, — почему-то вслух произнесла я.

— Да.

Пальцы, удерживающие мою ладонь, заметно потеплели. Да что там

потеплели, они стали обжигающе горячими.

— А это что-то значит? — спросила почти шепотом.

И едва не вскрикнула, когда дракон, вдруг схватив за ворот халата, рывком дернул ткань, разрывая и халат, и рукав. Но я не успела даже испугаться, хотя кожа в месте соприкосновения с разорванной тканью болела, потому что... на моей руке оказалась татуировка. Теперь совершенно другая. Едва заметная и отчетливо проступающая только там, где когда-то был брачный браслет. Именно этим брачным браслетом и проступающая. Ярko, объемно, словно это не чешуя свернувшегося черного дракона, а металл браслета. Он даже переливался в свете заходящего солнца, как металл.

— Ирэнарн... — испуганно выдохнула я, даже не осознав, что впервые назвала дракона по имени.

Он стоял за моей спиной, одной рукой крепко обняв поперек талии, вторую безвольно уронив.

— Хочешь знать, что это значит? — прозвучал его глухой, практически безжизненный вопрос.

И, не дожидаясь моего ответа, Главнокомандующий еще тише, хриплым, срывающимся от неожиданной ярости голосом произнес:

— Что я никогда... ни при каких условиях не прикаснусь к тебе!

И, резко отпустив меня, Ирэнарн стремительно, не оборачиваясь, вышел из кухни. Следующее, что я услышала, был звякнувший колокольчик и грохот захлопнувшейся двери, такой, что в какой-то миг мне казалось — сейчас полдома просто отвалится. Но дом выдержал. И выстоял. Осталась стоять и я, в разорванной чуть не до талии одежде, которую уже едва ли можно было зашить.

Постояв еще немного, я ушла наверх — переодеваться.

* * *

До позднего вечера я просидела внизу, в гостиной, забравшись в единственное оставшееся здесь кресло с ногами и переписывая конспекты, которые принесли мои одноклассники. Это помогало отвлечься от дурных, действительно дурных мыслей о Воронире и Валентайне, не думать о Черном драконе и в целом заняться хоть чем-то полезным. Полезного в конспектах было много, я за один этот вечер выучила семь заклинаний, и теперь могла как минимум заставить плодоносить любое плодоносное дерево, вырастить живую изгородь, нанести или удалить татуировку с

кожи. Так что теперь на одной руке у меня цвела роза, на второй, закрывая взявшуюся непонятно откуда драконью татуировку, плелся выюнок, цветущий голубыми лилиями.

Ближе к полуночи распахнулась дверь и вошел...

Я как-то сразу поняла, что этот Саир Ирэтани определенно не был Ирэнарном. Даже не знаю как, внешне он выглядел точно так, как тот, кто сочетался со мной браком в храме Триединого, но взгляд... взгляд был знакомым, и в то же время другим.

— Зэрнур? — не веря собственному предположению, позвала я.

Мужчина тяжело вздохнул и начал меняться на глазах, становясь Бронзовым драконом. Затем, пройдя через гостиную, подошел ко мне, опустил на корточки и попросил:

— Леди Милада, покажите руку.

Я была в теплом банном халате, поэтому поднять рукав труда не составило. Заклинанием я убрала нанесенную цветочную татуировку, и Зэрнур смог увидеть... масштаб проблемы. Не знаю, как это еще можно было назвать. Но, судя по взгляду, которым наградил меня Бронзовый дракон после осмотра татуировки, проблема действительно была.

— М-да, — мрачно изрек Зэрнур.

Я вернула магическую цветочную татуировку на кожу, добавила деталей, прорисовала лепестки у лилий более старательно, еще более старательно пытаюсь успокоиться, и сдержанно спросила:

— Что происходит?

Дракон сел на пол, расставив ноги и упираясь локтями в колени, посидел немного, глядя в сторону, затем хрипло произнес:

— Древние нашли способ отомстить.

Ничего не понимая, переспросила:

— Какой способ?

Зэрнур, помолчав, нехотя ответил:

— Совет древних до фактического самоустранения пять лет назад совмещал одновременно как законосовещательные, так и законоисполнительные функции. Кроме этого, они фактически несут ответственность за здоровье и процветание крылатого народа. Вчера ночью Главнокомандующий лишил Совет древних всех прав и полномочий, как исполнительный орган, полностью дискредитировавший себя. Ни выступить против Ирэнарна, ни отменить его решение они не смогли, несмотря на организованную ночью попытку государственного переворота. Вот и отыгрались на тебе.

— В каком смысле отыгрались?

Зэрнур ответил не сразу. Глянул на меня недовольно и как-то раздраженно даже, затем задал наводящий вопрос:

— Какие пирожки Асур-Ррат раздавал чаще других?

— Деткопроизводительные... — ответила, не задумываясь.

И осеклась.

— Вот-вот, — невесело усмехнулся Зэрнур. — Я же вам говорил, основная функция древних — это ответственность за здоровье и процветание крылатого народа. Вот они и позаботились... о процветании, то есть размножении конкретного дракона. Татуировка на вашей руке — брачная и говорит о том, что вы понесете с первой ночи.

Я сидела как громом пораженная.

— Идите спать, леди Милада, — поднимаясь, произнес Зэрнур, — вам утром в университет — искать варианты спасения вашего человечества.

— А... — начала было я.

— Где Главнокомандующий? — догадался дракон. — Он... скажем так, в некотором роде высказывает свое недовольство тем из Совета, кто не успел спрятаться.

Но едва Зэрнур произнес это, дверь распахнулась и вошел... Саир Ирэтани.

Мой законный в человеческом обществе муж нервно кивнул, без слов предлагая убраться с глаз Бронзовому дракону. И выглядел Саир не лучшим образом — иллюзия держалась заметно нестабильно.

— Э-э-э... — начал было Зэрнур. — А вы уверены, что вам безопасно находиться рядом с вашей же... — Он сбился, затем, резко поднявшись, устало произнес: — Рядом с любимой?

Саир Ирэтани мрачно взглянул на него, затем отошел, открывая нашему взгляду дверной проем и жуткое, совершенно жуткое абсолютно красное небо, в котором бушевало несколько совершенно черных вихрей. И сейчас я услышала нарастающий гул.

— Э-э-э, — снова неуверенно протянул Бронзовый дракон. — А Аркалон?

— Та же картина, — сухо ответил Главнокомандующий собственным голосом.

А затем, захлопнув дверь, в несколько шагов оказался рядом, подхватил меня с кресла, сел сам, усадил к себе на колени и, обняв, уткнулся лицом в мое плечо, тяжело дыша и пытаясь... судя по всему, успокоиться.

Зэрнур никуда не ушел. Стоя в шаге от нас, он лишь покачал головой и произнес:

— Да, проблема.

Ирэнарн ничего не ответил, лишь сильнее прижал меня к себе, словно я была той последней соломинкой, за которую хватается утопающий. Очень тоненькой соломинкой, потому что Главнокомандующий вернул себе прежний облик.

А гул там, снаружи дома, начал медленно, но верно стихать.

— Большая проблема, — задумчиво повторил Зэрнур.

— Исчезни, — хрипло попросил Ирэнарн.

Это был не приказ, а именно просьба.

Бронзовый дракон как-то неуверенно посмотрел на меня, я как-то нервно улыбнулась, пытаюсь показать, что все в порядке, и пожелала:

— Доброй ночи, ир-хан Зэрнур.

— Доброй ночи, леди Милада, — склонив голову, ответил он.

И покинул наш дом.

В наступившей с его уходом тишине стало отчетливо слышно, как на улице разразилась гроза и начался дождь и как где-то совсем далеко играет гитара, а еще как замедляется и становится все тише дыхание Ирэнарна.

— Тебе пора спать, — через некоторое время произнес он.

— И вам, — отозвалась эхом.

— Мне... — Он прошипел что-то и хрипло выдохнул.

Затем резко поднялся, удерживая меня на руках, и, тяжело ступая, направился к лестнице, чтобы вскоре начать подниматься по ступенькам. Именно в этот момент я подумала, что мне определенно не стоило сидеть внизу и ждать. Лучше бы сразу легла. И желательно в какой-нибудь другой спальне. И...

— Милада, — Ирэнарн вдруг остановился, не дойдя несколько ступеней до верха, — если... — Он на миг перестал дышать и все же в итоге выдохнул, практически приказав: — Если я сорвусь, призови Стража.

Я замерла, глядя куда-то перед собой.

— Милада? — хриплый голос.

Не отреагировав, я продолжала смотреть на стену, на которой виднелась одна маленькая трещинка.

— Не делай вид, что не расслышала! — прошипел дракон.

— Я слышала, — отозвалась, все так же глядя на стену.

И он продолжил подниматься по лестнице, на втором этаже свернул к нашей спальне, войдя, положил меня на постель и ушел в ванную.

Я забралась под одеяло, не снимая банного халата, повернулась спиной к его стороне постели, накрылась едва ли не с головой и... попыталась ни о чем не думать. Просто ни о чем, и вообще заснуть, хотя бы на несколько

часов, и желательно до того, как дракон вернется из ванной комнаты... Но тут за окном раздался гул, и вернулся Ирэнарн быстро.

Обошел кровать, забрался под одеяло, как-то мгновенно оказавшись рядом и прижав меня к своему телу движением руки. Застыв в его объятиях, я спустя несколько тяжелых давящих минут тихо спросила:

— И что будет дальше?

Ирэнарн прижал меня сильнее и хрипло ответил:

— Ничего.

Затем тяжело вздохнул и, зарывшись лицом в мои волосы, едва слышно произнес:

— Ты просто останешься для меня тем, кем и была, — мечтой. Несбыточной. Спи.

Спать было практически невозможно — жарко, это как минимум. И тяжело на душе. Но я побоялась как раздеться, так и пошевелиться. Правда, Ирэнарн как-то понял сам и резким движением отбросил одеяло. Снимать мой халат, видимо, и ему показалось плохой идеей.

А потом я долго лежала, прислушиваясь к его дыханию. Дыханию, которое не становилось ни спокойнее, ни тише.

И вдруг внезапно в наступившей тишине прозвучало:

— Ежин-трава действует на драконов.

— Что? — спросила, не поняв, с чего он вообще это сказал.

— Ежин-трава! — И дракон, вдруг резко перевернув меня на спину, рывком навис надо мной пугающей темной тенью, от которой исходил практически жар. И внезапно, склонившись к самым моим губам, хрипло произнес: — Хочешь чаю?

— Н-н-нет, — выдохнула, ощущая губами его губы.

— А придется выпить! — безапелляционно сообщил Главнокомандующий.

И властно, почти жестко поцеловал. Накрывая всем своим весом, перехватывая запястья пытавшихся оттолкнуть его ладоней, прижав их к простыням, ни на секунду, ни на миг не прерывая жадного, голодного поцелуя, в котором привкус отчаяния медленно, но верно сменялся пьянящим безумием, охватывающим Правящего дракона. Я ощущала это в его хриплом срывающемся дыхании, в его порывистом движении, разметавшем полы моего халата, в теле, огненной волной прижавшемся к моему, в поцелуе, не прерывающемся ни на мгновение, ни на секунду, ни на вдох... потому что дышал дракон, и, кажется, лишь мной. Испуганной, замершей, застывшей без движения мной. И мне было страшно.

Страшно настолько, что я даже не поняла, в какой момент он

остановился, удерживая свой вес на локтях и, кажется, что-то считая или прикидывая.

В следующее мгновение Ирэнарн резко поднялся, остановился возле постели и, глядя на меня, продолжил что-то просчитывать.

Я осторожно приподнялась, по возможности незаметно запахивая полы халата обратно и вообще стягивая ткань у шеи.

— Не уверен в дозировке, — проследив за моими попытками прикрыться, с досадой выдохнул дракон.

— Я тоже, — нервно выдохнула, предприняв отчаянную попытку избежать исполнения супружеского долга.

Ирэнарн усмехнулся, продемонстрировав, что все мои попытки не остались незамеченными, сел рядом, коснулся моей судорожно сжимающей ворот ладони, задумчиво погладил пальцами и продолжил:

— Одна чашка. Причем чай. Едва ли трава находилась там в достаточной концентрации.

— Чай был слабым, почти вода на вкус! — нервно солгала я.

Драконьи глаза насмешливо прищурились. Запоздало вспомнила, что драконы чувствуют ложь.

— А как же «любить и ублажать супруга»? — поддел Ирэнарн.

— Там таких слов не было! — вспылила я.

Он усмехнулся, лег рядом на бок, придвинул меня к себе и, скользя пальцами по моим губам, тихо произнес:

— От отчаяния к надежде — как со дна пропасти взлететь выше облаков, растворяясь в сиянии звезд. — Слова прозвучали хрипло и были сказаны скорее даже не для меня — он озвучил их себе.

Видимо, все еще не мог осознать, что положение не так безнадежно, как казалось еще совсем недавно. А для меня все складывалось противоположным образом.

— Н-н-не надо, — выговорила, едва ладонь дракона соскользнула с лица туда, где я отчаянно сжимала ворот халата.

Ирэнарн вопросительно вскинул бровь.

— Дозировку еще не рассчитали, — нервно напомнила я.

Рука плавно продолжила движение.

— И мой муж все же выглядит несколько иначе, — еще более нервно добавила я.

Ладонь замерла и стала ощутимо горячее.

Я не выдержала и зажмурилась от страха. И вздрогнула, едва теплые губы легко, почти невесомо прикоснулись к моим. Нежно, осторожно и в то же время уверенно и властно, ловя испуганный вздох, пресекая неловкую

попытку отвернуться, подчиняя и контролируя. Отчаянно поняла, что поцелуй — только начало, самое-самое начало, что будет дальше больше и... и будет все. Полностью. Все то, что происходит между мужем и женой... и дракона в последнюю очередь волнует, что мне страшно, стыдно, и я не хочу до крика ни этой постели, ни всего, что она принесет в мою жизнь.

— Не... — договорить он не дал.

Рывок, и он прижал меня к своему телу с такой силой, что пространства для слов уже не осталось. Ничего не осталось. Ничего, кроме прикосновений, все более настойчивых поцелуев и хриплого: «Милада»... Я чувствовала себя источником, который жадно выпивали досуха после многих дней безумной, убийственной жажды. Я ощущала себя деревцем, смятым налетевшим ураганным ветром. Я теряла себя с каждым его поцелуем, но остановить даже не пыталась. Сжав ладони так, что ногти до крови впились в кожу, лишь зажмурилась крепче, едва ощутила, как рука дракона скользнула под ткань халата. Скользнула и замерла, коснувшись моей груди. И я перестала дышать, закусив губы и чувствуя осторожные прикосновения пальцев, изучающих мое тело.

— Еще немного, и я почувствую себя любителем статуй, — вдруг насмешливо произнес Ирэнарн.

— А вы не любите статуи? — продолжая лежать зажмурившись, спросила я.

Легкое движение пальцами по моей щеке и почти издевательское:

— Они мне нравятся исключительно в эстетическом плане, в интимном никогда не рассматривал.

Я промолчала.

— И не планирую, — как-то со значением добавил дракон.

Осторожно приоткрыв один глаз, посмотрела на... не то чтобы мужа.

— Извини, сорвался, — без тени раскаяния произнес он. Я бы сказала, скорее с тенью с трудом сдерживаемой улыбки.

— Доза ежин-травы определенно была небольшой, — напомнила на всякий случай.

— Я понял, — серьезно ответил Ирэнарн.

Уголки его губ при этом дрогнули, лишая ответ всяческого намека на серьезность. Но дракон сдержал улыбку и следующий вопрос задал снова практически серьезно:

— Тебе не нравятся поцелуи?

— Мне не нравятся обстоятельства, — совершенно искренне выдохнула я.

Главнокомандующий усмехнулся и уточнил:

— А поцелуй?

— Утром рано вставать! — нервно напомнила ему.

— Это не ответ на поставленный вопрос, — заметил Ирэнарн.

И, судя по его взгляду, он собирался добиваться этого самого ответа. Тяжело вздохнув, я припомнила весь свой небольшой опыт в данном вопросе и сообщила:

— Нет. Не нравятся.

Поразмыслив еще немного, добавила:

— Но весь мой опыт ограничивается только вами.

Несколько мгновений дракон внимательно смотрел на меня, затем произнес:

— Пожалуй, не касайся данная ситуация меня, я бы счел ее крайне забавной.

— Почему? — спросила, осторожно отодвигаясь подальше, насколько позволял застрявший под драконом халат.

Позволил он немногое. Ирэнарн, проследивший за моим движением и насмешливо глянувший на предельно натянувшуюся ткань халата, вновь перевел взгляд на меня и, улыбнувшись, произнес:

— Потому что один сгорающий от страсти дракон, отчаянно пытающийся зажечь хотя бы искорку ответных желаний в одной испуганной человеческой девушке, только что услышал, что причина, возможно, заключается именно в том, что весь опыт данной девушки, ограничивается только одним этим драконом. Ты знаешь, это неплохой способ продемонстрировать мужчине, насколько сильно он не нравится.

Не поняла, если честно.

Ирэнарн усмехнулся, провел костяшками пальцев по моей щеке и с улыбкой прошептал:

— Однажды, моя маленькая, нежная, сладкая наири, я расскажу тебе о том, как один могучий дракон, увидел девушку, которая пыталась покончить с собой наиболее извращенным способом, который только можно было себе представить, и спас ее.

— Я не пыталась покончить с собой! — выдохнула возмущенно.

Но мне просто закрыли рот, банально подождали, пока успокоюсь, однако, едва он убрал руку, еще более раздраженно сообщила:

— И я не наири.

— Наири, — уверенно произнес Ирэнарн, вновь нависая надо мной. — Маленькое, гордое, сопротивляющееся до последнего сердце дракона. Ты наири, Милада, моя наири, мое сердце, мое безумие, моя слабость, моя

нежность, мое утешение, моя бездна отчаяния и мой полет в сиянии звезд. Ты настолько моя, что это сводит с ума и в то же время заставляет сохранять разум в кристально ясном состоянии. Но знаешь, — он вновь прикоснулся к моим губам, — мне безумно интересно, как ты будешь расплачиваться со мной за спасение своего мира.

И поцелуя не случилось. Ирэнарн просто нависал надо мной, с трудом сдерживая коварную улыбку.

— В каком смысле — расплачиваться? — сдавленным шепотом переспросила я.

— В прямом. Выполняя условия нашей сделки, моя наири. Когда тебе придется раздеться для меня, не прикрывая свое нежное тело больше никакими тряпками, когда тебе придется обнять меня, прижаться всей обнаженной собой и поцеловать по-настоящему, а не стискивая губы с видом: «Лучше бы меня убил Воронир».

Глядя на дракона широко распахнутыми глазами, переспросила:

— Мне придется что?..

В глазах Черного дракона полыхнуло серебром от удовольствия, которое он не скрывал, и, вновь склонившись к самым моим губам, Ирэнарн выдохнул:

— Раздеваться, медленно, чувственно, красиво, до тех пор, пока твое тело не останется полностью обнаженным... Затем распустить волосы, отбросить их за спину, чтобы они не закрывали мне вид, и медленно, плавно подойти ко мне... если к этому моменту я не подойду сам. Видишь ли, я уже не слишком уверен в своей сдержанности.

А затем, пока я лежала, замерев в ужасе от перспективы, Ирэнарн устроился на постели, попутно высвободив меня из халата, прижал к себе, как любимую игрушку, и, целуя мои волосы, с насмешкой произнес:

— Никогда не думал, что травки жрецов Древуна такая замечательная штука. В результате у меня есть одна плешивая драконица, возглавляющая союзное государство, и один щербатый брат, оставшийся без переднего зуба. И я бы выжег всю эту ежин-траву к проклятым спящим, если бы не ты в моих объятиях и отсутствие необходимости возвращать тебя роду Кириито.

— А... — я нервно облизнула губы, — а вы собирались?

— Не случись плешиво-щербатая история, я был бы вынужден, — сухо ответил Ирэнарн.

И, прижав меня к себе крепче, тихо добавил:

— Я готов подышать от тоски и желания обнять тебя, готов раз за разом отстраивать разрушенную Крепость и даже Аркалон, но я не готов

смотреть, как тебя убьет мой ребенок.

И дракон, укрыв меня одеялом, задышал иначе, спокойнее и глубже, успокаиваясь и, кажется, засыпая. Мне бы тоже следовало, наверное, но был один момент, который никак не давал мне покоя, и я, помучившись сомнениями, все же спросила:

— То есть эта татуировка конкретно означает, что я могу забеременеть?

— Нет, — притаскивая еще ближе и зарываясь лицом в мои волосы, сонно ответил дракон, — она конкретно означает, что ты моя жена и наш брак благословлен практически всем Советом древних. Возможность забеременеть идет уже просто как сопутствующий дар.

И я замерла, кажется, забыв, как дышать вообще.

В следующую секунду дышать перестал Ирэнарн.

Ситуация медленно, но верно обретала все более пугающие очертания...

— Треклятые спящие!.. — хрипло, с нескрываемой яростью прорычал дракон.

«Я окончательно замужем...» — в ужасе подумала я.

— Идиоты! — мрачно окрестил непонятно кого Ирэнарн и, вновь обняв меня, кажется, собрался снова заснуть.

Мне оставалось только позавидовать его крепкой нервной системе, потому что лично я бы очень хотела знать:

— Кто?

— Древние, — сонно выдохнул дракон, целуя мои волосы. — Но раз уж дошло до вмешательства в мою жизнь, пусть сегодня посидят по камерам. И завтра также, но уже после изъяснения моей искренней благодарности.

— Благодарности... за что? — прошептала я.

— За то, что жениться я теперь ни на ком не обязан. И виноват в этом не я, а они. Спи, нам утром твое человечество спасать.

Спать особо не получалось. Да и сложно заснуть, если ты только что вышла замуж, опять. Один раз вчера, по законам человеческим, второй раз сегодня — по-драконьим. И я даже не знаю, чем думали древние, когда вот это вот устроили... Вспомнила ту жуткую ночь, когда Асур-Ррат заставил надеть брачный браслет Ирэнарна... Я и тогда не понимала, зачем он в это меня втянул — стало понятнее позже, значительно позже — древний хотел защитить меня и... и, возможно, подарить немного тепла Черному дракону. Подарить друга... Внезапно подумала, что было бы, если бы Главнокомандующий стал мне другом... и поняла, что ничего. Какая

вообще может быть дружба между Правящим драконом и какой-то сиротой безродной?! Да никакой. Ее и не вышло, вышло нечто совершенно неправильное.

Очень осторожно обернулась, глядя на обнимающего меня дракона. Ирэнарн спал, чему-то улыбаясь во сне и крепко, собственнически обнимая меня. Как любимую игрушку, которую никому никогда и ни за что не отдаст. Но отдал бы, если бы не ежин-трава... Я легла снова, удобнее устраиваясь в его объятиях и вспоминая то, что показал сегодня магистр Валентайн... Момент смерти моей матери. Вспомнились слова Ирэнарна: «Я готов подышать от тоски и желания обнять тебя, готов раз за разом отстраивать разрушенную Крепость и даже Аркалон, но я не готов смотреть, как тебя убьет мой ребенок». Вспомнилось лицо моего отца, который держал белеющую руку моей умирающей матери — ему пришлось увидеть, как его ребенок убил любимую женщину... и он не смог пережить этого.

Я полежала несколько минут, стараясь просто не думать о родителях, чтобы не расплакаться, и подумала о другом: а чем руководствовались древние, устроив вот этот брак Главнокомандующего и безродной человечки? Ведь о желании Ирэнарна они не знали. Не знал практически никто, кроме моей семьи Кириито и боевых драконов из Крепости, но ни те ни другие распространяться о случившемся бы не стали. А значит, налагая вот это, древние не знали о страсти ко мне Черного дракона. Насколько я поняла из всех услышанных мной разговоров, все искренне полагают, что Ирэнарн равнодушен к эльфийской принцессе.

И тогда что получается? Увидев меня с Правящим драконом, они решили отомстить и связать его с безродной человеческой сироткой?

Следующая моя мысль была точно такой же, как у Ирэнарна, — идиоты!

Но за ней последовали другие — идиоты, да, но брак с Правящим драконом обязывает произвести на свет как минимум двух драконов, что гарантированно является смертным приговором для меня и виной за мою смерть для Ирэнарна. Да, древние не идиоты, древние просто бессердечные твари.

Несколько секунд я лежала молча, прислушиваясь к мирному дыханию дракона, затем осторожно выскользнула из его объятий и ушла в ванную комнату.

Окунула руки в холодную воду, несколько раз умылась, затем взялась за полотенце и в этот момент в начищенном до блеска овальном зеркале увидела, как позади меня осторожно приподнимается крышка

сокровищницы Асур-Ррата. Замерла, неверяще глядя на происходящее, затем медленно повернулась и поняла, что увиденное в зеркале было правдой.

В следующее мгновение из сокровищницы высунулась знакомая красная лапа, и древний пальцем поманил меня к себе.

Я несколько настороженно глянула на дверь, ведущую в спальню, потом на лапку красного дракона, в следующее мгновение, решившись, бесшумно подошла к сокровищнице и не успела больше ничего сделать — крышка открылась сильнее, и высунувшийся Гаррат, радостно улыбаясь лишенным одного зуба оскалом, утащил меня в сокровищницу. Древний закрыл крышку.

На миг стало темно, и в этой темноте я лично едва не задохнулась от крепких объятий Владыки, но в следующее мгновение включилась синяя подсветка у стен, и Гаррат перестал сжимать так крепко, передав это право древнему.

— Миладка!

Дракончик обхватил меня, закружил, поставил на пол, так что практически уронил, и, едва я села, плюхнулся рядом, посмотрел на мою руку и заключил:

— Сволочи.

— Уроды! — добавил усевшийся рядом Гаррат, взявший меня за руку и принявшийся с исследовательским видом рассматривать мою прикрытую листьями татуировку.

И по мере исследования добродушно-нахальная маска слетала с него со стремительной скоростью.

— А я тебе говорил — закрой пасть. По-нормальному же говорил, а ты? — прорычал древний.

Гаррат молчал.

— Говорил что? — уточнила я, испытывая сильное желание отодвинуться от Владыки подальше.

Древний не ответил, выразительно глядя на Серебряного дракона. Гаррат скривился под его взглядом и нехотя ответил:

— Я сообщил Совету, что влюбился в тебя и собираюсь на тебе жениться.

Несколько секунд я потрясенно молчала, а затем осторожно спросила:

— То есть Совет древних сделал все, чтобы...

Я не договорила, договорил Асур-Ррат:

— Чтобы Гаррат бросил вызов Ирэнарну, а это... сама понимаешь.

— Ну я бы не был так однозначен, — отстраненно заметил Владыка,

продолжая рассматривать татуировку, которая проступала под его прикосновениями.

— Но вы в любом случае не бросили бы вызов брату, — уверенно сказала я.

— Я не был бы в этом так уверен, — уклончиво ответил Гаррат. А затем, резко придвинувшись к самому моему лицу, выдохнул: — Я дракон, вкусняшечка. А мы, драконы, за свое бьемся до конца.

Осторожно отодвинувшись, я молча протянула руку с кольцом в виде цветка и нервно сообщила:

— Я замужем.

В сокровищнице повисло напряженное молчание, очень сильно напомнившее атмосферой состояние природы перед бурей.

— Замужем? — пугающе тихо переспросил Гаррат.

— По человеческим законам? — мгновенно уточнил Асур-Ррат.

Нервно кивнула.

— Брачная ночь уже была? — лениво поинтересовался Владыка, только вот вопрос его все равно прозвучал угрожающе.

Я кивнула повторно, потому что по факту да, брачная ночь была вчера.

Выражение лица Гаррата стало окончательно пугающим, в отличие от безразлично произнесенного:

— Не проблема, я тоже не девственник.

После чего поднялся, практически оперевшись головой в потолок, и все с теми же ленивыми интонациями поинтересовался:

— Смертник где?

— Передо мной стоит, — язвительно произнес древний.

Гаррат очень медленно перевел взгляд со ступеней на Красного дракона и угрожающе прищурился.

— Да, правда, она такая штука — пренеприятная, продолжил издеваться Асур-Ррат.

Несколько секунд Владыка молча убивал его взглядом, затем взгляд его заметно изменился, нос дрогнул, судорожно втягивая воздух, и, потрясенно посмотрев на меня, Гаррат хрипло, явно не веря в то, что вообще задает этот вопрос, спросил:

— Ирэнарн?!

— Смотри-ка, дошло, наконец! — с фальшивой насквозь радостью воскликнул древний, всплеснув лапками.

Синеватый из-за подсветки Гаррат несколько секунд возвышался над нами, затем медленно сел и хрипло спросил у древнего:

— Как?!

Асур-Ррат некоторое время молчал, затем перевоплотился в человеческую форму, устало посмотрел на Владыку, подперев рукой подбородок, и со вздохом произнес:

— Ты же знаешь, я древний, я чувствую, кому и что требуется. Тебе — смысл жизни, ему... тепло светлой души и счастье.

И древний умолк.

Я тоже молчала, потрясенно глядя на него, но Гаррат терпением не отличался:

— И ты что-то сделал, так?!

Асур-Ррат виновато посмотрел на меня и произнес, все так же не отрывая взгляда:

— Я подарил ему друга.

Выражение лица Владыки стало настолько злым, что я еще немного отодвинулась, на всякий случай, но Гаррат даже не смотрел на меня. Испепеляя взглядом Асур-Ррата, он прошипел:

— Ты подарил ему красивую, нежную, вкусную даже по запаху, нетронутую и неискушенную девушку в качестве друга?! Ты дурак?!

— Я древний! — со внезапной яростью прорычал в ответ Асур-Ррат. — Это для тебя она привлекательная женщина, а для меня маленький, испуганный ребенок, который нуждался в семье!

Мой мир покачнулся. Внезапно, в один миг, совершенно неожиданно, но я поняла, что падаю, лишь когда Гаррат придержал, а после усадил меня обратно. Владыка просто не осознал того, что произнес древний... в отличие от меня и самого Асур-Ррата.

— И вы подарили мне семью, — помертвевшими, почти не слушающимися губами прошептала я.

Это не было вопросом, это была уже просто констатация факта. В красно-коричневых глазах древнего промелькнуло что-то, отдаленно напоминающее сожаление, а я... я вдруг отчетливо поняла, что это все... и род Кириито принял меня в семью просто потому, что так сделал древний. Вот почему весь род так хорошо ко мне отнесся, и даже сестры, которые никогда меня не видели, тоже приняли безоговорочно и с радостью. Это все было ложью, неправдой, подделкой, это...

— Милада, не... — начал было Асур-Ррат и смолк под моим взглядом.

А я смотрела на него со всей болью, что заполняла мою душу, что сожгла даже слезы, и слез не было ни единой. Кажется, уже ничего не было, кроме ощущения, что сказки и чуда в моей жизни не было тоже.

— Начинаю понимать, почему тебя обрекли на забвение, — вдруг произнес Гаррат.

Асур-Ррат не взглянул на него, продолжая все так же виновато смотреть на меня. А я вот больше не смогла ни смотреть, ни находиться здесь.

— Мне пора, — прошептала, медленно поднимаясь.

И, развернувшись, пошла к лестнице.

— Милада... — упавшим голосом позвал древний.

Не обернулась. Не смогла. Просто попросила, остановившись на первой ступеньке:

— Не дарите мне больше ничего и никогда... пожалуйста.

Уйти не успела.

Внезапно крышка люка была откинута, и в проеме показался стоящий в одних брюках злой, как сотня голодных волков, Черный дракон. Он окинул злобным взглядом древнего и Гаррата, внимательно взгляделся в меня, взгляд стал еще злее, и Ирэнарн мрачно поинтересовался:

— И кому из вас двоих хватило наглости расстроить мою наири?

Я, замершая было на мгновение, торопливо поднялась вверх и, ступив на пол ванной комнаты, тихо ответила:

— Никому. Все нормально.

Просто хотела, чтобы все это закончилось, и пойти спать. Просто спать, завтра уже все будет лучше, и легче, и солнечнее, и... кого я обманываю?! Мне хотелось просто лечь, заснуть и не думать ни о чем, вообще ни о чем... особенно о Камали и Хаторе.

Но тут позади раздалось два одинаково возмущенных:

— Наири?!

— Наири???

Ирэнарн, мрачно взглянув на брата и древнего, мягко коснулся моей щеки и нежно, но непреклонно произнес:

— Ложись спать.

Растерянно посмотрела на него.

— Ты прекрасно знаешь, что я не убью ни одного из этих двоих.

В принципе, знала.

— Иди ложись, — повторил Черный дракон.

Молча кивнула и вышла из ванной... оставшись стоять за неплотно прикрытой дверью, так, на всякий случай.

— Наири?! — послышался за дверью голос разъяренного древнего. — На ней твоя брачная татуировка, Ирэнарн-Ррат-Эгиатар!

В ответ послышалось почти издевательское:

— И?

И в ответ на это не прозвучало ничего, вероятно, древний, как и я,

просто не знал, как реагировать на непробиваемую решимость Ирэнарна.

— Ты не собираешься называть ее женой? — убито произнес Асур-Ррат.

— Нет, — нагло ответил Главнокомандующий.

— Оспоришь брак и решение Совета древних? — Вопрос, заданный с надеждой.

— Нет! — еще более нагло произнес Ирэнарн.

А после, насладившись потрясенным молчанием собеседников, все так же с насмешкой добавил:

— Женой нужно делиться, Асур-Ррат, с ее родственниками, со своими родственниками, с детьми и всем прочим, на что там полагается тратить время жене. И будь у меня жена, я бы, несомненно, поступил соответственно традициям, но... я слишком дракон, чтобы делиться собственным сердцем.

Напряженная тишина — и хриплый вопрос Гаррата:

— А теперь, после поступка Совета древних, тебе даже не придется делить время между женой и наири?!

— Именно, — все так же издевательски подтвердил Ирэнарн.

Мне казалось, он сейчас стоит там с издевательской ухмылкой и победно смотрит на обоих «заговорщиков».

— И когда ты собираешься сообщить Совету? — тихо спросил древний.

— Завтра. Пусть поторжествуют одну ночь, осознание поражения будет особенно ярким после ощущения абсолютной победы, — все так же издевательски произнес Ирэнарн.

А затем жестко добавил:

— Гаррат, держи сущность под контролем, в любом случае если что-то и пострадает, то это будет лишь сокровищница древнего.

— Ссссчто?! — прошипел Владыка.

Ирэнарн любезно пояснил:

— Ты заперт во дворце. Вход в сокровищницу древнего был возможен лишь по приглашению самого Асур-Ррата, но выйти из сокровищницы где-либо, помимо Дворца Правящих, ты не сможешь. Поэтому никакого боя не будет при всем твоим активно демонстрируемом на то желании. Дыши глубже, учись настойчивее, а Милада моя. Доброй ночи!

И сокровищница была с грохотом закрыта.

После чего осторожно приоткрыта дверь, что стало прямым свидетельством того, что о моем стоянии рядом с ней Ирэнарн знал, и Черный дракон вошел в спальню. Постоял, засунув руки в карманы и

насмешливо глядя на меня, затем мягко произнес:

— Я бы мог сказать, что Асур-Ррат не способен заставить драконов что-либо сделать против их на то желания, но не буду. Ты знаешь, меня вполне устроит позиция — они все плохие, один я хороший.

Мрачно посмотрела на... мужа.

Глядя мне в глаза, Ирэнарн приблизился на шаг и с едва сдерживаемой улыбкой сказал:

— В конце концов, там, в твоей брачной клятве, было все только обо мне, о родственниках ни слова.

Молча отошла на шаг.

— Не в ту сторону шагнула, кровать там, — откровенно посмеиваясь, сообщил Ирэнарн.

Но уже в следующее мгновение, подхватив на руки, отнес к постели сам. Уложил, лег рядом, обнял и, укрыв одеялом, прошептал:

— Спи уже, сердце дракона.

Через мгновение почти неслышно добавил:

— Пока остальные органы не проснулись.

Почему-то вот после этого я мгновенно глаза закрыла и постаралась дышать спокойно, считать проплывающие в воображении облака и вообще сделать все возможное, чтобы заснуть. И не заметила, как действительно погрузилась в сон.

* * *

Мне снилась зеленая поляна, заполненная светом, шелестом травы, ароматом цветов, прогретая до самой земли, что сейчас отдавала тепло наравне с солнечными лучами, скользящими по моему лицу. И я улыбнулась, чувствуя себя как в босоном детстве — свободной, защищенной, скрытой ото всех взглядов высокими деревьями, и хотелось, словно котенок, замурлыкать и потянуться всем телом, подставляя это самое тело солнышку...

Тело?!

Босоной-то я в детстве бегала, но чтоб без рубашки?!

И я распахнула ресницы, застав дракона на заинтересованном изучении всего, что открывала наполовину порванная ночная сорочка. И это изучение взглядом не ограничивалось!

— Вы! — яростно выдохнула, заставив Ирэнарна прерваться.

К сожалению, не надолго, потому что, насмешливо улыбнувшись мне,

Черный дракон нагло ответил:

— И тебе доброе утро, милая.

После чего, продолжая коварно смотреть прямо мне в глаза, вернулся к целованию... моей несколько выдающейся части тела. Я замерла, потрясенная вообще вот всем этим, и заклинание сорвалось само:

— Эсперату!

Призванная защитная магия начала формировать щит и... исчезла, не завершив плетение. Ирэнарн остался лежать там же, где лежал, разве что чуть сменил позицию, подперев голову согнутой в локте рукой и задумчиво глядя на меня.

— Человеческая магия против меня? Seriously? — издевательски поинтересовался он.

Не отвечая, откинулась на подушки, сжав руки в кулаки и зажмурившись.

— Даже не знаю, что тебе сказать, — задумчиво вырисовывая на моем обнаженном животе какие-то знаки, произнес Черный дракон. — Но могу сообщить, что, когда ты спишь, гораздо меньше напоминаешь ледяную статую.

Стиснула зубы и не стала ничего отвечать.

— И тело намного отзывчивее, — он провел пальцами от шеи вниз, и я совершенно отчетливо осознала, какому «солнышку» подставляла лицо для теплых прикосновений. И похоже, не только лицо.

На мое счастье, внизу раздался звон колокольчика, а после голос госпожи Осинн:

— Доброе утро! А я вам тут завтрак принесла, мои дорогие! Халоне Миладушка, вставать пора, у вас университет, сегодня общее собрание студентов объявили.

Я распахнула глаза и приподнялась, прислушиваясь к сказанному, и возмущенно посмотрела на Ирэнарна, который, никак не реагируя на появление и слова женщины, продолжал задумчиво выводить на моей коже что-то, понятное лишь ему одному.

— Что? — отреагировал он, наконец, на мой взгляд. Усмехнулся и с намеком произнес: — Поверь, для тебя же будет гораздо лучше лишиться невинности до похода в университет.

— Что?! — повторила его же вопрос, но куда более эмоционально.

Ирэнарн плавно передвинулся, перестав нависать над моим телом и нависнув уже надо всей мной, заглянул в мои широко распахнутые испуганные глаза и практически с нежностью повторил:

— В твоих интересах лишиться невинности до похода в университет.

Я не поняла намека, продолжая смотреть и с тем же испугом, и с тем же возмущением. Дракон издал тяжелый вздох и мягко спросил:

— Чего ты боишься?

Судорожно сглотнув под внимательным драконьим взглядом, оглядела самого дракона, его лицо, склонившееся над моим, широкие обнаженные плечи, татуировку черного дракона, обвинившего правое предплечье, и губы, чей поцелуй, тот, случившийся еще в Крепости, я отчетливо помнила... И помнила, чем все закончилось.

— Меня? — как-то по-своему понял все Ирэнарн.

— Последствий, — прошептала, напряженно глядя в его глаза.

Дракон прищурился, наклонился чуть ниже и коснулся губами моих губ. Осторожно, едва ощутимо, так, что я лишь почувствовала тепло его прикосновения. Замер, позволяя привыкнуть к этому ощущению, а затем усилил нажатие, уже откровенно целуя, но все так же нежно, очень осторожно и бережно. И я закрыла глаза, отдаваясь этому прикосновению и... одновременно сильно опасаясь того, что произойдет дальше. Мне было чего бояться — его мгновенного отторжения, ненависти и презрения с его стороны то ли по поводу меня, то ли потому, что он ненавидел самого себя за желание к человеческой девушке, то ли еще по какой-то причине... кто их драконов знает. Мне было страшно. Но поцелуй, еще один поцелуй... И что-то пьяняще легкое откликнулось в душе, заставляя терять связь с реальностью, опасениями и страхами. А поцелуи нарастали, как снежная лавина. Легкие, дразнящие, сильные и страстные, лишаящие дыхания и чувства опоры, жадные, алчные и всепоглощающие... лишь на мгновение, чтобы вновь унести меня туда, где сияют звезды. Тысячи, сотни звезд, рваное судорожное дыхание и прикосновения, ощущающиеся так остро, так отчетливо.

Ирэнарн остановился, едва его рука соскользнула с талии ниже, прижимая меня к его твердому телу. Отстранился, заглянув в мои глаза, и прошептал:

— Все еще страшно?

До безумия! До крика... До стоны... До прикосновения самыми кончиками пальцев к его плечу... И я задохнулась, ощутив его кожу под ладонью, проведя по краю татуировки, дойдя пальцами до его ладони, прижимающей меня к нему...

— Еще одно движение, и мой самоконтроль полетит к проклятым спящим, — хрипло прошептал Ирэнарн.

Я отдернула руку, и он не сдержал стон.

— Зря сказал, — прозвучало с отчетливо слышным сожалением.

Может... а может, очень вовремя. Я судорожно сглотнула, ощутив, что порванная сорочка сбилась где-то на уровне груди, а рука дракона давно пользуется всеми преимуществами фактического отсутствия на мне одежды. Ирэнарн, словно тоже только что заметил это, с явным наслаждением провел от бедер до груди, исследуя все изгибы моего тела, затем его ладонь мягко обхватила мой подбородок, вынуждая посмотреть в глаза Правящего, и очень тихо, почти неслышно, но так, что ощутила каждое из его слов, дракон прошептал:

— Я люблю тебя.

Медленно провел большим пальцем по влажным покрасневшим губам и хрипло добавил:

— Не могу понять, как в принципе не сумел осознать это раньше... Когда кинулся за тобой в те укрытые снегом развалины и сердце дрогнуло от осознания, насколько ты хрупкая... Когда, спровадив Валентайна, стоял рядом с тобой и понимал, что не хочу уходить... Когда увидел тебя, сжавшуюся на полу, с моим брачным браслетом на руке...

Он посмотрел в мои глаза и без тени улыбки очень серьезно произнес:

— И я не знаю, поймешь ли ты, как много для меня значишь... Но если бы пять лет назад кто-нибудь сказал мне, что в конце всех испытаний я получу столь бесценный дар, как ты... я бы прошел весь этот ад повторно, лишь бы сжать тебя в своих объятиях.

И резко поднявшись, Ирэнарн ушел в ванную, оставив меня, судорожно хватая ртом воздух, осознавать только что услышанное... Осознавать и бояться поверить в каждое из слов, во все сказанное разом, в то, что в принципе сейчас прозвучало.

И, несколько секунд я просто лежала, повторяя про себя то, что услышала, затем неловко, дрожащими руками поправила порванную ночную сорочку, одергивая ее вниз, а после... После села на постели, пытаюсь понять, принять... вообще осознать хотя бы! Хотя бы просто осознать... И не могла.

Ирэнарн вернулся из ванной, сел на постель рядом, посмотрел в мои испуганные, полные сомнений глаза и снисходительно произнес:

— Тебе просто сложно перейти от модели «драконы жрут девственниц» к модели «он мужчина всей моей жизни».

Молча взяла подушку и запустила в дракона. Он со смехом перехватил снаряд, отбросил в угол комнаты, посмотрел на меня и уже вполне серьезно сказал:

— Уровень восприятия, Милада. Ты не воспринимаешь саму себя как ценность. Как то, за что следует сражаться и умирать. К сожалению, и я,

несмотря на всю хваленую проницательность, понял это не сразу. Мне жаль, правда. С другой стороны — осознай ты сразу свою ценность, возможно, поступила бы как моя бывшая... — Он умолк, на мгновение отведя взгляд. Но затем вновь посмотрел на меня, улыбнулся и добавил: — Впрочем, нет, ты не Ривэл. Слишком светлая, слишком ты. Просто пообещай мне кое-что.

— Что? — практически шепотом спросила я.

Ирэнарн приблизился ко мне и выдохнул:

— Просто пообещай, что, когда я спасу тебя в очередной раз, ты меня хотя бы поцелуешь!

И он встал, не дожидаясь ответа, после чего вовсе вышел, стремительно и на ходу меняя внешность, и вскоре я услышала его разговор с домработницей, но... но все равно продолжала сидеть, обнимая колени и пытаюсь осмыслить все, что произошло. Выходило не очень, но, несмотря на это, я почему-то чувствовала себя счастливой. Очень-очень счастливой, и это удивительное волшебное чувство счастья не покидало, пока я умывалась, и когда я переодевалась, и даже когда, переодевшись, с недоумением увидела, как на полу проступает знакомый синеватый прямоугольник входа в сокровищницу Асур-Ррата. Ощущение переполняющего счастья начало улетучиваться лишь тогда, когда эта крышка поднялась и показавшийся из прохода древний сурово потребовал ответа на вопрос:

— Каковы были условия сделки?

За Асур-Рратом показалось встревоженное лицо Гаррата, а вокруг них лежащие талмуды, словари и справочники в несметном количестве.

— Мм-м... — протянула несколько сильно удивленная я.

— Условия сделки! — практически прорычал древний. — И не надо мне заливать, что ты согласилась на брак по традициям Триединого исключительно из-за принципов. Черный дракон тебя купил. Зная тебя, цена была не ниже, чем спасение твоего мира. Я прав?

Ощущение пьянящего счастья покинуло окончательно.

— Я прав! — заключил перешедший в человеческую форму Красный дракон.

Посмотрел на меня с чувством жалости и безумного сожаления, покачал головой и сказал:

— К проклятым спящим! Я сотворил, я и исправлю!

И крышка люка мгновенно закрылась.

Оставляя мне растущее ощущение тревоги... Потому что, к чему привело вмешательство Гаррата, я уже видела и точно знала — ничего

хорошего из вмешательства этих двоих не будет! Кинулась было к месту, где только что был вход в сокровищницу, но там уже не было ничего — абсолютно целый деревянный пол. Чуть не пнула его с досады. Села, нервно сжимая ладони, глянула на дверь, ведущую в спальню. Асур-Ррат же сам говорил, что следует довериться Черному дракону, а теперь что?!

И что мне теперь делать?!

Дверь открылась в тот момент, когда я уже готова была нервно грызть ногти, вошел Ирэнарн, сбросив личину Саира Ирэтани на входе, подошел, присел передо мной и весело спросил:

— Страдаем?

Молча кивнула.

— И как? — с явным удовольствием поинтересовался дракон. — Продуктивно?

Отрицательно покачала головой.

— Тогда пошли завтракать, — предложил он, пристально и несколько насмешливо глядя на меня.

Что-то мне подсказывало, что о только что произошедшем разговоре Ирэнарн знал, еще что-то явно намекало, что от меня весело, но неизбежно ждут признания и возможной просьбы вмешаться. Но под веселым взглядом дракона я так и не смогла выговорить ни слова.

— А покрывать преступления плохо, — насмешливо произнес Главнокомандующий.

— Преступлений еще не было, — заступилась я за древнего.

— Ключевое слово «еще», — улыбнулся Ирэнарн.

Внезапно в окно, распахнув створки, влетело нечто яркое и издающее вой сирены. Я как была на полу, в единый миг оказалась в объятиях дракона, с непониманием глядя на дергающийся верещащий конверт и еще большим непониманием пытаюсь понять, почему Ирэнарн, не реагируя на визжащую бумагу, смотрит на меня и улыбается.

— Это вестник, — кивком указав на конверт, сообщил дракон.

Продолжая все так же загадочно улыбаться, только все шире.

— Что? — тяжело дыша и пытаюсь успокоиться, спросила я.

Все, что раньше ко мне залетало подобным образом, обычно ничего хорошего или просто нейтрального вроде «вестей» не несло, поэтому и испугалась. И ничего забавного в моей реакции не было.

Черный дракон тихо рассмеялся, развернул к себе лицом, склонился к самым моим губам и выдохнул:

— Живот все еще болит?

— Что? — Я уже совершенно ничего не понимала.

Мягкий разворот обратно, и, прижав меня спиной к своей груди, Ирэнарн прошептал, касаясь моего виска дыханием:

— Испугавшись, ты инстинктивно бросилась ко мне. Знаешь, что это значит?

— Н-н-нет, — нервно выдохнула я.

— Не проблема, — выдохнул он. — Главное, что я знаю.

И, вернув себе облик Саира Ирэтани дракон подошел к висящему в центре комнаты конверту. Спокойно коснулся алой восковой печати, и вестник открылся повисшим в воздухе письмом, собственногогласно огласив:

— Срочный сбор всех студентов университета! Срочный!

После чего вновь сложившись, письмо, все так же отвратительно вереща, вылетело в окно и понеслось куда-то еще.

Ирэнарн подошел ко мне, взяв мою руку, переплел наши пальцы и произнес:

— Идем завтракать.

— А потом? — увлекаемая им прочь из спальни, спросила я.

— Потом будем спасать твой мир. А вот уже после... — Он остановился на ступенях, обернулся ко мне, в сумраке темные глаза сверкнули серебром, и он тихо, полным предвкушения голосом сообщил: — Один боевой дракон утащит одну условно добычу в свою не условно имеющуюся Крепость и вообще никогда не выпустит.

И, высказав все вот это, продолжил спускаться по лестнице, предовольно улыбаясь. Внезапно подумала, что идея спасти мир своими силами, в смысле, с помощью древнего и Гаррата, не такая уж и плохая. Что-то в этой идее определенно есть!

* * *

За завтраком Ирэ... в смысле, мой муж Саир Ирэтани вел с госпожой Осинн светскую беседу о погоде и о том, как же замечательно цветет в этом году саори, а я нервно давилась сыром, запивая все чаем и вздрагивая каждый раз, когда летающее по городу письмо верещало еще где-нибудь.

— Это опаздывающих подгоняют, — добродушно сообщила госпожа Осинн.

В этот момент письмо влетело на кухню и, получив нервный тычок от меня в центр восковой печати, разразилось уже знакомым воплем: «Срочный сбор всех студентов университета! Срочный!»

— Так мне, наверное, пора? — произнесла я, вставая и убирая ладони от ушей, которые закрыла в момент отчаянного визга вестника.

— Сядь, — командным тоном приказал... муж, беря поданную домработницей утреннюю газету. — В конце концов, университетов много, а жена у меня одна. И мой долг, как ответственного супруга, проследить за тем, чтобы моя любимая не оставалась голодной.

Я, севшая после приказа, дослушав все до конца, сняла салфетку с колен, неведомо как удержавшуюся там, когда я поднималась, смяв, раздраженно, положила на стол и очень сдержанно сообщила:

— Спасибо, я уже сыта.

Дракон бросил на меня насмешливый взгляд поверх газеты, в окно вновь влетело письмо, даже без прикосновения к алой печати собралось заорать и... сгорело, так и не пискнув.

— Я сказал — поешь, — очень мягко, но так, что в голосе отчетливо прозвучал металл, произнес Ирэнарн.

Следующее стремящееся влететь в дом письмо сгорело на подлете.

Молча села. Взяла кусок рыбы, положила сверху несколько листков салата и принялась есть, мрачно глядя на демонстративно увлекшегося чтением Саира Ирэтани. Муж вел себя вообще как образцовый семьянин и в целом вернулся к беседе с госпожой Осинн об обстановке в городе.

Ровно до того момента, как госпожа Осинн не покинула нас, умчавшись по просьбе дракона за какой-то приправой к обеду.

Но, по-моему, Ирэнарн ее просто выставил, потому что, стоило экономке торопливо покинуть наш дом, дракон мгновенно вернул себе прежний облик, пристально посмотрел на меня и мрачно спросил:

— Эти двое в Университете Стихийных Сил?

И я сразу даже поняла, о ком собственно речь. Но ответить не смогла, скажи я правду, чувствовала бы себя предательницей. К счастью, расспрашивать Черный дракон не стал, произнеся странное:

— Да, сегодня не слишком удачный день для спасения твоего мира.

— Почему? — мгновенно встревожилась я.

— Потому что именно сегодня спасти его собрались все кто ни попадя, — отстраненно ответил Ирэнарн и, взяв чашку, задумчиво сделал глоток.

— В каком смысле? — переспросила практически шепотом.

— К сожалению — в прямом. — Дракон отставил чашку, затем взялся вновь читать газету и произнес, не глядя на меня: — Учитывая, что ты единственная совершеннолетняя девственница на весь университет, держись подальше от Валентайна, если... В смысле, когда они схватят

Гаррата.

Потрясенно глядя на Ирэнарна, нервно переспросила:

— Это сейчас тоже было сказано в прямом смысле?

— Конечно, — взглянув на меня, ответил дракон. — Я всегда предельно прямолинеен.

Об этом я знала.

И все же, ощущая нарастающую тревогу, произнесла:

— Вы уже говорили сегодня о том, что в моих интересах лишиться невинности до прихода в университет. Это как-то связано с последним замечанием?

Насмешка в сверкнувших серебром зеленых глазах и спокойное:

— При определенных ритуалах убийство совершеннолетней, сохранившей нетронутость инициированной магини дает весьма высокий шанс для слома даже весьма сильной ауры. Учитывая, что Валентайна ждут сегодня как минимум два нападения, вполне вероятно, что он попытается прибегнуть к самым грязным методам удержания власти.

Я совершенно потерялась в этом потоке информации, выхватив лишь то, что было совершенно непонятно:

— Девственность настолько принципиальна?

Ирэнарн вновь взглянул на меня, затем сложил газету, и я была готова поклясться, когда он начал ее складывать, — с ней было что-то не так, потому что вместо колонок, заголовков и изображений были видны лишь черные строки коротких, выведенных драконьими письменами сообщений, но на стол легла абсолютно стандартная газета, а дракон, улыбнувшись мне, ответил:

— Когда убивают мага, который влюблен или искренне любит, его энергия большей частью, вместе с последним порывом души, уносится к любимому. И соответственно, подобный индивид не подходит для ритуальных жертвоприношений. Естественно, проверить наличие или отсутствие чувств иной раз довольно проблематично, а вот определить наличие девственности уже проще. Магини — категория особая, как ты понимаешь, и в отличие от остальных женщин насилью подвергаются в крайне исключительных случаях, посему невинность теряют в основе своей по согласию и так же в основном с теми, кого любят. Делаем логичный вывод — не невинна, значит, влюблена или любит. Соответственно, драконью ауру ее смертью не вскрыешь. Спасибо за внимание, лекция закончена, можешь бежать в свой университет.

И мне многозначительно улыбнулись.

Но я, продолжив сидеть, все же спросила:

— Но... как? Откуда такая информация? — Лично я о подобном слышала вообще впервые.

Ирэнарн улыбаться перестал и пояснил:

— Провел некоторые научные изыскания со взломом после вчерашней встречи с твоими друзьями.

— Изыскания со взломом? — переспросила я. — Это как?

Пожав плечами, дракон вновь взялся за газету и вкрадчиво ответил:

— Это когда работающие в Университете Стихий драконы взламывают кабинет Валентайна и получают доступ к его научным изысканиям. Я кратко пересказал тебе его «гениальную» теорию. Собственно, вероятно, это и является причиной распространения искусственных чувств в университете, в не слишком понятной лично мне попытке «сберечь» истинные чувства юных магинь. Но, говоря откровенно, я и в вашей догме «драконы жрут девственниц» логики не обнаружил.

Я посидела, глядя на него, поглощенного явно не газетными заметками, и, кусая губы, нервно спросила:

— В университете есть драконы?

— Естественно, — не поднимая взгляда на меня, произнес, как само собой разумеющееся, Ирэнарн.

Но этот краткий ответ не располагал к расспросам. Поэтому я не стала спрашивать, но честно сообщила:

— Магистр Валентайн убежден, что я не девственница и у нас все... было.

— Но в то же время ему превосходно известно, что в твоей душе нет и тени влюбленности, — и дракон спокойно взглянул мне в глаза.

В его взгляде не было осуждения, упрека или намек на что-либо. Ирэнарн констатировал факт, как всегда прямо, конкретно, жестко и безапелляционно, четко обозначая ситуацию.

Вот только я себя виноватой почувствовала.

— Забавные отношения, — сложив газету и бросив ее на стол, произнес он. — Я виню себя за то, что люблю, а ты себя за то, что нет.

— Вы мой муж, — тихо сказала я, не поднимая глаз и комкая ажурную салфетку на коленях.

— Поверь, я гораздо больше, чем муж, — я твой дракон.

И, поднявшись, Ирэнарн вышел из столовой.

«Ты мой муж», — упрямо подумала я, глядя в широкую спину уходящего Главнокомандующего Долины драконов, и вот эту мысль я еще принять могла, а мысль «Мой муж — дракон» уже нет. Хотя кого я обманываю, осознать, что у меня есть муж, в целом было практически

невозможно, а уж то, что он дракон... Дракон! Огромный, черный, огнедышащий, затмевающий небо при взлете... и муж. Как это вообще можно было осознать?! Может быть, здесь, в Мебережи, где драконы стали делом привычным, это и воспринималось с пониманием, но для Любережи, где крылатый народ в каждой сказке описывался чудовищами, способными спалить даже солнце, не говоря о том, чтобы выжечь весь лес дотла, где их видели лишь вспарывающими небеса и скользящими тенью в свете луны... Если честно, я искренне сомневаюсь, что в Любережи хоть у одного боевого дракона была, скажем так, женщина. Потому что это было примерно то же самое, как если бы с чувствами и желаниями, понятными в мужчине, к девушке подошел замок. Огромный, неприступный, мрачный, опасный даже издали замок. Подошел, уменьшился до размера обычного мужчины и заявил перепуганной селянке, что она ему нравится в интимном смысле.

Я думаю, любая девушка, услышав подобное заявление, развернулась бы и бросилась прочь, на всей доступной ей скорости. Потому что это в принципе невозможно принять и осознать. С замком можно, допустим, дружить, общаться, если он способен к общению, жить в нем, в конце концов, но замуж за замок?! Это ломало всю картину моего мира! Это ломало все представление о сути вещей! Но при этом было реальностью...

Это стало реальностью.

Моей личной реальностью. С которой я уже даже почти свыклась и которую приняла. Просто эти слова Ирэнарна: «Поверь, я гораздо больше, чем муж, — я твой дракон» — вызвали вполне закономерные ассоциации. Я и огромный Черный дракон. Огнедышащий. Превышающий размером одноэтажный дом. Дракон!

Ирэнарн стремительно поднялся вверх, в спальню, затем спустился, сбежав по ступеням вниз.

Я слышала каждый его шаг и продолжала сидеть, комкая многострадальную салфетку.

Спасение моего мира? Ни на миг не сомневалась, что Ирэнарн его спасет, сомнений не было ни секунды, я опасалась лишь одного — того, что пострадают студенты и преподаватели Университета Стихийных Сил, ослепленные в своей неистовой ненависти к драконам и подчиненные стенами родного учебного заведения. Ну и за древнего с Гарратом переживала тоже — Владыке уже и так досталось после встречи с Ворониром. В остальном прекрасно понимала, что мне лично переживать имеет смысл уже после, когда дракон утащит свою добычу и даже не съест, вопреки всему, чему меня учили столько лет.

— Ты идешь? — раздался голос Ирэнарна. — Или все еще страдаешь по поводу отсутствия любви к собственному мужу?

Причем тот факт, что надо мной откровенно посмеивается, он даже не пытался скрыть.

Внезапно подумала: интересно, как бы отреагировал Черный дракон на предложение полюбить Крепость? В интимном смысле. И жениться на ней в довершение ко всему.

Запихнув в рот кусочек рыбы, толком не прожевав, запила чаем и поднялась.

Вышла в гостиную и, глядя на ожидающего меня у двери мужа, поинтересовалась:

— А у драконов есть... «любимые» в Любережи?

Главнокомандующий, занятый чтением на сей раз не газеты, а какого-то серебристого цвета свитка, бросил на меня быстрый взгляд и коротко ответил:

— Нет.

И почему я не удивлена?

Ирэнарн же, дочитав послание, сжег его, после посмотрел на меня и сообщил:

— Горные надавили на свою Правящую, свадьбе быть. Это хорошая новость. Плохая — как моя жена, ты должна будешь присутствовать на церемонии.

— А что же в этом плохого? — искренне удивилась я.

Поведя плечом, дракон размял шею и признался с досадой:

— Не хочу делиться тобой ни с кем.

А затем, к моему искреннему удивлению, добавил:

— Я в принципе заранее смирился с Камали и Хатором. Но все эти церемонии...

Я застыла, потрясенно глядя на него. Но затем слова вырвались сами:

— А нужна ли я Камали и Хатору?

Странно посмотрев на меня, Ирэнарн улыбнулся, покачал головой и укоризненно произнес:

— Ты еще очень мало знаешь о драконах, Милада. Нас невозможно заставить сделать что-либо против нашей воли, нас можно только подтолкнуть к тому, чего хотим мы сами. Камали и Хатор увидели в тебе то, что пробудило и Асур-Ррата, — чистоту души, потребность в родительской любви и семье. Древний лишь позволил им осознать, что они способны переступить через предрассудки и удочерить человеческую девушку, и слегка повлиял на весь род, позволив тем увидеть материнские

чувства Камали. Все. Ничего фальшивого, лживого или подчиняющего во всем этом нет, не было и, учитывая характер драконов, никогда не будет.

Прислонившись спиной к двери, я потянулась за шляпкой, взяла ее и несколько секунд отрешенно рассматривала искусственные цветы, пытаюсь понять все то, что сейчас услышала. И поверить, и принять.

— Сложно, понимаю. — Ирэнарн стоял в двух шагах от меня, чуть склонив голову к левому плечу и с интересом наблюдая за мной, за каждым моим движением, каждой отразившейся в моих глазах эмоцией. — Особенно в свете того, насколько сильно подвержены влиянию люди.

Возразить было нечем, вчерашний пример с моими одноклассниками был более чем наглядным.

— И прекрати винить себя за отсутствие ярко выраженных чувств ко мне, — неожиданно резко произнес дракон.

Недоуменно посмотрела на него.

Ирэнарн преодолел разделяющее нас расстояние плавным шагом, обнял за талию, привлекая к себе, тронул подбородок, вынуждая запрокинуть голову, склонился надо мной и сказал:

— Мне нравится твоя откровенность. Нравятся честность и открытость. Я слишком устал от лжи и притворства, Милада, мне тошно от них еще со времен Ривэл, и окончательно фальшь опротивела со вскрытием заговора древних. И поэтому твоя искренность как глоток чистого воздуха, она притягивает. Ты притягиваешь.

И последние два слова он произнес так, что сердце вдруг забилося как-то быстрее... Намного быстрее. И дракон, словно почувствовав это, улыбнулся, глядя мне в глаза, медленно опустил ладонь с моего лица на грудь, прижав напротив моего быстро бьющегося сердца.

— И это не страх, — многозначительно протянул он.

— Это удивление, — почему-то решила уточнить ситуацию я.

— Си-и-ильно сомневаюсь, — многозначительности становилось все больше.

— Тогда страх, — внесение ясности в понимание ситуации вдруг стало крайне важным для меня.

Ирэнарн усмехнулся, продемонстрировав все, что он думает вот об этом конкретном «страхе», но затем вертикальные зрачки дракона вдруг сжались в узкие щелочки, и Главнокомандующий неожиданно резко спросил:

— Что тебя так пугает?

И тон был такой, словно на его пальце где-то кольцо Правды затерялось. Хотя зачем оно дракону, они и так ложь чувствуют. Наверное,

поэтому я и сказала правду:

— Всё.

Удивленно приподнятая бровь, и, проведя костяшками пальцев по щеке, Ирэнарн мягко спросил:

— Что конкретно? Я?

Внезапно поняла, что его тело прижимает меня к двери, рука на талии, предохраняя от соприкосновения с дверной ручкой, притягивает к дракону, вторая всей ладонью прикасается к моей щеке, и губы совсем рядом, и глаза, нечеловеческие, по-драконьи пронизательные, пристально вглядываются, словно видя насквозь все мои мысли и сомнения. Видя, но не понимая.

— Всё, — повторила зачарованно, не в силах отвести взгляда от его глаз.

Он склонился чуть ниже:

— Смысл бояться всего, если у тебя есть я?

Судорожно выдохнула, чувствуя прикосновение его губ и нервно начала перечислять:

— Да, у меня есть... дракон, который винит себя за то, что влюбился в меня.

И вот это было тем, что невольно, но вполне логично отзывалось болью в душе. Я опустила взгляд, не в силах смотреть в его темно-зеленые, отдающие серебром глаза после того, что сказала. Все же сказала...

— Милада, — очень мягко произнес Ирэнарн, — это всего лишь были предрассудки, предрассудки, которые я не сумел преодолеть сразу.

Отвернувшись, глядя в сторону, на букетик полевых ромашек, оставленный госпожой Осинн в медной вазочке на столике у кресла, и едва слышно возразила:

— Предрассудки — это воспринимать драконов как огромных крылатых огнедышащих существ иной расы, которые если и интересуются людьми, то исключительно в гастрономических целях. То, что сейчас испытываю я, — это предрассудки. И я еще даже не знаю, как буду с ними бороться. А то, что вы вините себя за влюбленность в человеческую девушку, это уже совсем другое.

Очень нежно, едва касаясь, Ирэнарн тронул мой подбородок теплыми пальцами, заставил перевести взгляд с вазочки на него и, глядя мне в глаза, произнес:

— Влюбленность? Я не влюбился, Милада, я — люблю, это принципиально разные чувства. Это принципиально разные вещи. Это принципиально разные потребности.

Он тяжело вздохнул, склонился надо мной ниже и выговорил:

— Ты нужна мне. Нужна до безумия. Нужна настолько, что моя сила срывается с цепи, пробуждая практически неконтролируемую ярость дракона... Но, как оказалось, мне нужно и другое — счастье в твоих глазах, твоя улыбка, твое желание быть рядом со мной. И вот за это я себя ненавижу.

Слушавшая каждое его слово, словно зачарованная, я очнулась, вздрогнув, едва услышала последнюю фразу, и прошептала севшим голосом:

— Почему?

Скользнув пальцами по моей щеке, он отвел выбившуюся прядь с лица, заправив мне за ухо, после взглянул в мои глаза и хрипло произнес:

— Потому что все было бы проще, забери я тебя сразу.

Отрицательно замотала головой, в ужасе глядя на дракона.

— А, ну да, Гаррат, — досадливо вспомнил Ирэнарн.

Тяжело вздохнул и неожиданно признался:

— Никогда не думал, что в ситуации, где должно быть хоть какое-то чувство благодарности, буду испытывать лишь досаду.

Ужаса в моих глазах стало на порядок больше. Ирэнарн, заметив это, подавил собственные эмоции и хрипло выдохнул:

— Ты была бы моей. Только моей. Только для меня. Без Камали, Хатора, Гаррата, древнего, без всех. И это сводит с ума — знать, что каждая твоя улыбка могла бы быть для меня, каждый твой взгляд — мой, каждое прикосновение... И я виню себя, да, виню и ненавижу за то, что не понял сразу.

Мне было очень страшно, но я все же спросила:

— А что бы изменилось?

Не стала добавлять «по сравнению с тем, что мы имеем сейчас».

Но Ирэнарн понял. И, глядя мне в глаза, тихо ответил:

— Все. Я бы не стал пугать тебя, вольно или невольно. Не срывался бы в храме, вынудив тебя уйти и ненавидя себя за то, что понял, насколько мне хочется, чтобы ты осталась. Не стал бы настаивать на близости. Не целовал бы против твоей воли. Я бы не сделал многое из того, что совершил.

Он улыбнулся едва заметно грустной улыбкой и добавил:

— Если бы я мог все знать тогда, я бы унес тебя в вечно цветущие горы Аратена и не прикасался бы до тех пор, пока ужас в твоих глазах не сменился бы нежностью.

Ужас не готов был сменяться, ужас стал гораздо больше и

всеобъемлюще, стоило лишь представить себе подобное развитие событий.

— Я... — выдохнула испуганно.

— Полюбила бы меня рано или поздно, — совершенно уверенно сказал Ирэнарн.

Замерла, потрясенно глядя на дракона, но Главнокомандующий Долины драконов со всей свойственной ему прямолинейностью произнес:

— Тебя тянет ко мне.

— Что? — сорвалось возмущенное.

Ирэнарн усмехнулся, пожал плечами, склонился к самым моим губам и прошептал:

— Ну, понимаешь, ты замерзла, осиротев, а я большой теплый дракон, и мой огонь никогда не кончится, так что... тебя ко мне тянет. Как к дракону. Большому и теплему.

И глаза его сверкнули, выдавая насмешку.

Он отстранился, все так же не отрывая взгляда, и сказал:

— А если серьезно, милая, то да — тебя тянет ко мне. Еще пока совсем чуть-чуть, почти неощутимо, едва заметно, но ты прижимаешься ко мне, когда спишь и не осознаешь этого, и сильно испугавшись, ты также неосознанно ищешь защиту в моих объятиях. Я нравлюсь тебе. И не как дракон, а как мужчина. Твой мужчина.

Возмущенно вдохнула побольше воздуха, собираясь возразить, но Ирэнарн, коварно прищутив глаза, вкрадчиво поинтересовался:

— Не нравлюсь?

Я попыталась ответить и... не смогла. Выдохнула, не отрывая взгляда от темно-зеленых драконьих глаз, и промолчала, нервно кусая губы. Потому что это был вопрос, на который невозможно было ответить «нет». Ирэнарн не мог не нравиться. В нем вызывало симпатию все — решимость спасти брата вопреки всем, всему, и даже когда сам Гаррат сдался; благородство в отношении человеческих магов — ведь мог поступить так, как рассказывал Асур-Ррат — сжечь всех и вся, но он этого не сделал, он даже вреда не причинил никому, кроме виновного в деле отравления стражей магистра Сарантуса; и то, что он отдал меня Камали, не сумев отказать в просьбе матери... это невозможно было забыть. Ирэнарн мне нравился как личность, как правитель, как дракон.

Но как муж...

— Ну же? — подтолкнул к ответу «муж».

И я решилась на ту же предельную искренность, какую проявил дракон.

— Мне очень страшно, — прошептала совершенно честно и потому

что точно знала, что ложь он почувствует, и потому что Ирэнарн был последним, кому бы мне хотелось лгать. — Страшно выходить замуж, потому что теперь впереди неизвестность, и это пугает. Страшно, потому что вы дракон, а для меня драконы все еще могущественные огромные огнедышащие, летающие в небе чудовища, которые да, вполне логически объяснимо едят девственниц. И страшно потому, что я все еще не знаю, чего ждать от вас.

И боюсь, последнее во всем выпавшем на одном дыхании было самым пугающим.

— В смысле? — резким холодным тоном переспросил, словно мгновенно подобравшийся, Ирэнарн.

Зажмурилась испуганно, но после, открыв глаза, все же высказала:

— Я угощаю вас пирожками — вы обвиняете меня во взятке! Я пытаюсь помочь и объяснить, почему в комнате, где держали Гаррата, ощутила магию своей конфессии, — вы обвиняете меня разжигании костра! Я сообщаю об опасности для драконов и существовании грассов — а вы... вы... Я отправляюсь в Горлумский лес по заданию руководства университета и чтобы избежать проблем с лордом Энроэ — вы называете это нарушением договоренностей и объявляете о том, что теперь я ваша наири! Мне продолжать?

Ирэнарн промолчал.

А я совсем тихо добавила:

— Вы обещаете мое поступление в Университет Стихийных Сил, а через несколько минут, осознав, что я никак не смогу сообщить о своем похищении, утаскиваете в пещеру. И я уже даже не буду говорить о том, что обещание спасти мой мир обернулось браком в храме Триединого.

Дракон усмехнулся и добавил к вышесказанному мной:

— Ты ни слова не сказала о своей цене, а я ее назначил.

Судорожно вздохнув, тихо призналась:

— Это единственное, против чего я не скажу ни слова... Но вы могли хотя бы посвятить меня в свой план, возможно, тогда мне было бы легче принять брак и... ночь.

Я не ожидала от него понимания, уже уяснила, что восприятие всего подряд у нас совершенно разное, просто высказала то, что было на душе, что пугало, что превращало ожидание жизни с ним в накрывающий с головой ужас.

Но Ирэнарн, помолчав несколько секунд, наконец, произнес:

— Я понял тебя.

— Правда? — переспросила с неожиданной даже для себя надеждой.

— Относительно, — нехотя сознался дракон.

Почему-то улыбнулась Ирэнарн, глядя на меня, улыбнулся тоже. И мы стояли и смотрели друг на друга, все так же улыбаясь, и почему-то вдруг захотелось, чтобы это мгновение не кончалось.

Но тут в саду раздался очередной вопль летающего университетского письма, а следом рев пламени, судя по всему, напрочь уничтожившего магическое средство сообщения.

— Предупреждаю повторно — не входи в здание университета сегодня. — Все так же глядя на меня с улыбкой и нежностью, произнес Ирэнарн. — Держись вместе со студентами. Я бы в принципе оставил тебя здесь, но есть опасения, что в этом случае мой ореол мирового спасителя несколько померкнет, и я лишусь возможности произвести на тебя нужное впечатление.

Я рот от изумления приоткрыла.

— Что? — с усмешкой поинтересовался Ирэнарн.

— Мм-м... — только и сказала я.

Дракон развел руками, отпустив на миг меня, и честно признался, обняв снова:

— Девушки любят победителей. Как видишь, я прилагаю все усилия для достижения тобой нужного уровня влюбленности.

— Что? — потрясенно переспросила я.

Ирэнарн наклонился, легко прикоснувшись губами к моим губам, прошептал:

— Милая, ты не драконица, впечатлить тебя размером сокровищницы мне не удастся, приходится действовать в рамках вашей человеческой психологии.

И, прижав меня сильнее, Ирэнарн, стремительно меняя облик, распахнул дверь, отстранился от меня и сказал:

— Беги, мое перепуганное счастье, постараюсь впредь не пугать. В университет не заходить. Похищать больше не буду.

И меня отпустили, а затем спокойно вручили оставленные здесь вчера ребятами конспекты. Я стояла, перехватив все и едва не выронив шляпку, смотрела на дракона, не зная, что сказать. А потом на дороге раздалось:

— Эй, госпожа, полчаса жду уже!

— Иди, — с улыбкой глядя мне в глаза, произнес Саир Ирэтани, взирающий на меня зелеными глазами Главнокомандующего.

Что-что, а командовать этот дракон умел.

— Хорошо поговорили, — продолжая улыбаться, произнес он.

— Ну... да... уж, — запинаясь, согласилась я.

Ирэнарн усмехнулся и сообщил:

— Как все закончится, отправимся к твоей семье.

— Правда? — не поверила я.

Он рассмеялся, укоризненно посмотрел на меня и произнес:

— Милая, только ты можешь быть... наверное, настолько собой. Мы женаты, я обязан поставить род Кириито в известность о том, что их дочь отныне Правящая драконица. Беги уже, пока я не взялся тебе доказывать, что интимные отношения не настолько страшны, как ты думаешь.

Это были очень действенные слова, я даже отступила на шаг, на что Ирэнарн отреагировал иронично изогнутой бровью и улыбкой, от которой мое сердце снова отчаянно быстро забилося. Он стоял в дверях нашего дома, стройный молодой дракон, в котором я безошибочно видела сильного, широкоплечего, пусть тоже молодого, но боевого и не по годам взрослого... мужчину. Уходить не хотелось, хотя после его шутливой угрозы и оставаться было как-то... не по себе. Но очень неожиданно подумалось о том, что было бы хорошо, если бы он стал обратно самим собой, обнял и... реагировал вот так вот нормально на все мои слова, как сейчас.

Но извозчик постучал в калитку, я вздрогнула, обернулась на миг, вновь повернулась к Ирэнарну.

— Беги, — сказал он и, протянув руку вправо, подхватил упавший к нему на раскрытую ладонь на этот раз красный свиток.

Отступила еще на шаг и, едва он, раскрыв послание, начал быстро читать, все же поспешила к нетерпеливо ждущему извозчику. Тот даже калитку для меня открыл и следом дверцу кареты, но вот едва я села на сиденье, а он дверцу закрыл...

Стремительно обрисовавшийся синим сиянием контур люка заставил забраться на сиденье с ногами.

— Вкусняшка, — донеслось с пола, и я, потрясенно взиравшая на магическое явление, обнаружила Гаррата, выглядывающего через щелочку приоткрытого люка сокровищницы, — слушай, а если что-то, к чему прикоснулись, противно верещит — это ваша очередная ушилomatельная побудка?

— Это сирена! — слыша отдаленный звук, в ужасе прошептала я. — То, к чему вы прикоснулись, — магическая ловушка!

— Треклятые спящие! — выругался Владыка и люк закрыл.

И тревога ледяной волной смысла то удивленно-восторженно-нежное чувство, что охватило меня после разговора с Ирэнарном. Я чуть не взвыла, прижимая тетради к груди, и, не удержавшись, постучала в окно извозчика

и попросила ехать быстрее. Тот наградил меня очень недобрым взглядом, но поводьями дернул, заставляя лошадей прибавить ходу.

Тревога не отпускала.

Теоретически я сильно подозревала, что смертельных ранений Гаррату и древнему не нанесут, но слишком живы были воспоминания о тех мучительных издевательствах, которым Воронир подверг Владыку, и о груди дракона, израненной в кровь, и о безумии в его затуманенных иллюзиями глазах. А что, если Воронир... Почему-то я не могла представить себе Валентайна, отдающего такой приказ... Так вот, что, если Воронир прикажет одурманенному Гаррату убить древнего? Меня от огня Правящего дракона спас только Ирэнарн, а что спасет древнего? Все ведь может произойти так быстро, что ни один дракон не успеет вмешаться!

Извозчик, видимо проникшийся моей мольбой, гнал по пустым улицам на огромной скорости, но, когда мы подъехали к воротам, те все равно оказались закрыты. Меня это не остановило. Выскочив из кареты еще на ходу, я бросилась к воротам, но, едва занесла было руку, чтобы постучать, они приоткрылись сами, выглянул давешний старичок в алой мантии, скорбно взглянул на меня и спросил:

— Дракон не пускал?

Ну, вообще да, поэтому и кивнула.

— Заходи, — сжалился надо мной магистр, — все равно собрание отменили.

— Как отменили? — спросила, проскользнув в приоткрытые ворота.

Старичок ворота притворил, заговорщически поманил меня пальцем и прошептал, едва подошла:

— В университете драконы!

Я, обладающая жемчужиной от воздушника, удивленно моргнула, потому что да — в университете были драконы. И я их даже сейчас превосходно видела — среди расходившихся по башням студентов они свободно передвигались в мантиях цвета разных стихий и под качественной человеческой личиной. Но мне даже беглого взгляда хватило для того, чтобы обнаружить по меньшей мере шестерых представителей крылатого народа, которые превосходно себя ощущали в рядах искренне ненавидящих их магов.

— В кабинете магистра двоих поймали, — продолжил делиться со мной информацией старик.

И мне стало как-то очень нехорошо.

— Д-двоих? — переспросила, сжимая учебники.

— Милада! — окликнул заметивший меня Светозар.

Ветер и Лина остановились, развернулись и теперь тоже смотрели на меня.

— Не переживай, деточка, разберемся, магистр Валентайн и не с такими драконами разбирался, — коварно хихикнул маг. — Иди, иди давай, занятия уже начинаются.

Иди? Ирэнарн прямо сказал, чтобы я оставалась со студентами, и предполагалось, что студенты в здание университета не войдут, но, оглядевшись, я увидела неожиданное — они расходились по башням! Они шли туда, куда идти вообще не стоило, потому что стены Университета Стихийных Сил не так безопасны, как хотелось бы!

И что-то мне подсказывало: общее собрание, назначенное, видимо, для спасения студентов, отменили по вине двух вполне конкретных драконов, которые вляпались в очередные неприятности. Не удивлена. Гаррат сначала делает, а потом думает, но древний?!

— Милада, — Светозар подошел, взял за руку, переплетя наши пальцы, что мне совсем не понравилось, — идем, лекция начинается.

Отняла ладонь и отступила на шаг, демонстративно показав, что вольностей не позволю. Светозар скрипнул зубами, глянул на Ветра и Лину, и те, переглянувшись, поторопились вслед за остальными студентами, в отличие от алмаза нашего факультета.

— Милада! — парень попытался приблизиться, но, едва я отступила еще на шаг, пошел ва-банк и заявил: — Ты мне нравишься.

— Я замужем, — напомнила, нервно кусая губы.

Действительно нервничала. Ирэнарн приказал не приближаться к университету вообще, а к кабинету Валентайна в частности, но что, если они сейчас пытаются древнего и Гаррата. На мне Страж, мне не страшен огонь даже Правящего дракона, в момент если мне или Владыке будет угрожать смертельная опасность появится Ирэнарн, но что с древним?

В сердце уродливой темной кляксой медленно заползал страх, а в ушах звучали слова Асур-Ррата: «К проклятым спящим! Я сотворил, я и исправлю!»

— Милада, я — начал было Светозар.

— Извини, — голос дрогнул, — я, наверное, схожу к магистру Валентайну, — проговорила, наконец.

И, отступив, решительно развернулась и торопливо почти побежала в административный корпус. Только бы успеть!

Шла, все убыстряя шаг. Меня тут, кажется, все уже знали — секретари, встречающиеся по дороге, кивали приветственно, секретарь нашего факультета стихии Земли вообще поделилась конфеткой и сказала, чтобы я зашла после лекций, она мне учебники из библиотеки взяла, я рассеянно кивала, идя к единственной и в то же время безумно пугающей цели — кабинету ректора.

Подойдя к массивным дверям, резко выдохнула, даже не зная, что говорить буду, разве что могу в качестве предлога отчитаться по поводу разлитого в доме зелья, и постучала.

— Миладушка, девочка, входи, — раздалось над дверью.

Судя по голосу, настроен магистр был ко мне по-доброму, но меня все равно охватило какое-то плохое предчувствие, правда, это не помешало потянуть дверцу на себя, и войти в кабинет ректора.

И поняла, что предчувствие не обмануло, — помимо радушно улыбнувшегося мне магистра Валентайна в кабинете сидел Воронир.

Мы увидели друг друга одновременно. Видимо, Воронир просто не понял, какую «Миладу» имеет в виду ректор, имя-то распространенное, но, едва я вошла, он повернул голову, и мы оба застыли.

Я — испуганным, сжавшимся от ужаса зайцем, а вот он — медленно расправляющим кольца разъяренным удавом.

— Ты! — прогремело так, что башня пошатнулась. — Ты!!! — хриплый рык.

Я от ужаса не смогла даже пошевелиться. И не знаю, показалось или нет, но Воронир, даже учитывая, что он был в ярости, выглядел каким-то неправильным. Дерганным. Нервным. Бешеным. Неудержимым. Неестественно быстрым!

Воронир подскочил, от чего его черные вороного цвета волосы взметнулись и рассыпались по плечам, крылья внушительного орлиного носа трепетали от гнева, воздух вырывался со свистом сквозь стиснутые зубы.

— Ты! — Он двинулся ко мне, отшвыривая стулья и кадку с цветком с пути и более всего напоминая сейчас горный обвал — неудержимый, каменный, убийственный.

— Ты! — Рука его метнулась вперед, пальцы сжали шею.

У меня не было сил даже пошевелиться. Обмерев от ужаса, я смотрела на магистра Воронира огромными испуганными глазами и лишь вскрикнула, едва он схватил меня.

Но это дало какой-то совершенно неправильный результат.

— Ты... — вдруг как-то совершенно иначе произнес магистр, с

неожиданным интересом рассматривая меня, — хм... такие глазищи.

И хватка на моей шее ослабла.

А я сквозь грохот испуганного сердца слышала явно не в первый раз сказанное:

— Владимир, утомись!

Но в синих глазах Воронира только просыпалось что-то темное, липкое, жуткое, пугающее гораздо сильнее, чем страх смерти, что-то... неправильное. И это ощущение неправильности как-то мигом напомнило профессора Нарски, когда на ней был агрессивный, меняющий ее поведение артефакт, но мне хватило одного взгляда, чтобы понять — на Воронире не было никаких украшений. Ничего. Но с ним точно что-то было не так!

— Так вот о каком изумруде шла речь, — задумчиво разглядывая меня, произнес магистр, и его большой палец коснулся моей нижней губы, проведя по ней с сильным нажимом.

Это движение заставило содрогнуться и вывело из ступора.

— Что... что вы делаете? — испуганно прошептала я.

— Оцениваю, — холодно отозвался Воронир и пояснил: — Оцениваю степень притягательности изумруда.

Отшатнувшись, я больно ударилась о мгновенно закрывшуюся дверь.

— Владимир, хватит, я сказал! — подскочил с дивана Валентайн.

В его глазах я увидела те же сомнения в нормальности магистра, что охватили и меня.

Но Воронира наши сомнения не трогали, он, продолжая вести себя столь же неадекватно, обернувшись к отцу, со странной интонацией произнес:

— Показать фокус?

— Если только он не связан с попыткой заняться актом размножения, — едко ответил Валентайн и уже серьезно приказал: — Владимир, не трогай девочку!

Воронир демонстративно вскинул руки, словно сдаваясь, отступил от меня на несколько шагов, глядя с холодным прищуром, а в следующий миг с его пальцев сорвалось и понеслось в меня яркое, нестерпимо горячее пламя!

Я заорала, резко присела, закрываясь руками и, собственно, тем, что успела проорать в приступе дикого ужаса. Щит призванного Эсперату укрыл меня от первой лавины огня, но был полностью сметен второй.

— Владимир! — воскликнув, подбежал ко мне магистр Валентайн.

И загасил пламя.

Но было поздно. Огонь сжег до угля дверь и часть пола, оставил черные подпалины на стенах, но... ничуть и ничем не затронул меня.

Сжавшаяся и прикрывшая голову руками, я медленно отняла ладони, потрясенно глядя на совершенно целую, ничуть не поврежденную одежду, на даже не покрасневшую кожу, на волосы, которые все еще оставались на мне и свисали по плечу привычной косой. А затем в священном ужасе посмотрела на магистра Воронира, победно взирающего на меня сверху.

— Я долго искал причины этого удивительного явления, — прозвучал холодный, полный ненависти голос магистра Воронира. — Очень долго. Это не давало мне покоя. Но я нашел. Знаешь, отец, почему огонь ей не страшен?

Магистр Валентайн стряхнул с руки готовое исцеляющее заклинание и, зло глядя на сына, прошипел:

— Горю в нетерпении услышать твою очередную теорию!

И с явным осуждением взирая на потомка, магистр протянул руку потрясенной мне, помогая подняться, стряхнул с плеча черную сажу, упавшую со все еще тлеющей двери. Улыбнулся виновато и...

— Потому что она — СЕРДЦЕ ДРАКОНА! — с ненавистью проорал Воронир.

Магистр Валентайн удивленно обернулся к нему, укоризненно головой покачал, взяв меня за плечи, провел в глубь кабинета, усадил на диван, сел рядом и по-отечески спросил:

— Перепугалась?

Кивнула, в глазах невольно заблестели слезы.

— Бедный ребенок, — скорбно покачал головой ректор. И, повернувшись к сыну, устало сказал: — Я знаю.

И я даже дрожать перестала, хотя после стены пламени меня основательно потряхивало. А Валентайн, успокаивающе погладив меня по руке, продолжил:

— Я читал твой отчет и просмотрел показания очевидцев. То, что Владыка влюблен в девочку, было понятно сразу, но Главнокомандующий обошел брата и связал девочку с одним из своих приспешников. Милада замужем, Владимир. Не по своей воле, и, к сожалению, воспрепятствовать этому я не успел, но тут твоя вина, мой мальчик: ты упустил прекрасного мага и чудесную девушку с душой чистой настолько, что драконы не могли этого не заметить.

У меня было непередаваемое ощущение, что мои глаза все округляются и округляются...

— Сердце дракона... — задумчиво проговорил магистр Валентайн. —

Значит, Гаррат действительно полюбил...

Он сжал мою ладонь, похлопал по ней и решительно сказал:

— Нет, в любом случае Владыка уже у нас в руках, поэтому девочку не трогать!

— Что?! — неверяще переспросил Воронир. — Отец, ты осознаешь, что сейчас сказал?! Она — сердце дракона! Убьешь ее — считай, убил дракона! Я поднял всю информацию, что была у эльфов, наири у драконов редкость, случается, да, но редкость, по той причине, что истинная наири, та, что становится сердцем, становится и единственной слабостью этих монстров!

Я сидела, приоткрыв рот от изумления, но Валентайн отреагировал очень спокойно:

— Это ты не осознал, что сейчас услышал, сын. — Взгляд ясных глаз был укоризненным. — Владыка у нас. Я убью его и так, без того, чтобы подвергать уничтожению доброго и светлого человечка, к тому же девочке и так досталось в этой жизни.

Воронир, словно безумный, метнулся к отцу, полы его мантии взметнулись, как вороновы крылья, навис над магистром, по сравнению с сыном показавшимся совсем старым, и прорычал:

— Да ты в своем уме?!

И, отшвырнув меня с дивана, без жалости, без сожалений, без стыда и совести, Воронир выкрикнул заклинание:

— Аградоно!

Страшное, чудовищное по своей сути заклинание мгновенной смерти... сработало мгновенно.

Упавшая, я вскинулась было, в безумной попытке призвать щит и спасти ректора Университета Стихийных Сил, но все, что успела сделать, — это лишь увидеть последние мгновения жизни магистра Валентайна, в которого безжалостно вгрызались ядовитые призрачно-фиолетовые змеи, и его полный неверия взгляд, направленный на родного сына.

— Нет... — прошептала в ужасе.

И этим обратила внимание обезумевшего Воронира на себя. Но вместо парализующего ужаса я испытывала совершенно иной, жуткий ужас от содеянного магом.

— Это же ваш отец, — потрясенно выдохнула я. И сорвалась на крик: — ЭТО ЖЕ БЫЛ ВАШ ОТЕЦ! Как вы могли?!

Воронир пошатнулся, что было бы вовсе не удивительно после того, какое заклинание он использовал... Но я ошиблась — никакой слабости он

не испытывал, на него, судя по расширившимся, практически затопившим радужку зрачкам, окончательно нашло безумие.

— Это все ты! — вдруг прорычал магистр.

Его глаза лихорадочно заметались по кабинету, руки затряслись.

— Это ты! Драконе отродье! Ты ворвалась в кабинет и напала на старика! Я просто не успел ничего сделать! И не смог бы! Ты — сердце дракона, ты защищена их магией!

И он метнулся к двери, явно собираясь призвать на помощь... но уже в следующее мгновение остановился, так и не схватившись за дверную ручку, что могло закончиться полным обрушением обуглившегося дерева. Потому что до него дошло то, что я и так знала: я не смогла бы использовать заклинание Аградоно, никак и никоим образом. Для него требовался слишком высокий уровень владения магией, студенту-недоучке подобное могло только сниться.

Воронир принял удар молча, отодвинувшись от двери, развернулся к останкам своего отца. От них оставался лишь обтянутый кожей скелет — яд призрачных змей уничтожает ткани, все, что остается, — одни кости. Магистр с бесстрастной деловитостью осмотрел труп, протянул ладонь и сжег и мягкий уютный диван, и нашедшего на нем смерть магистра Валентайна.

Без жалости, без сожалений, без угрызений совести.

И вдруг, неестественно резко повернув голову ко мне, спросил с полубезумными нотками в голосе:

— Осуждаешь?

Осуждала. Открыто и не скрываясь.

— Он был плохим отцом, — решил почему-то оповестить меня Воронир.

— Вы говорите это сироте, готовой отдать все на свете, лишь бы ее родители были живы, — произнесла я.

Магистр дернул плечом, словно отгоняя назойливую муху, и удовлетворенно сказал:

— Теперь мы оба сироты.

А затем, развернувшись ко мне всем телом, вдруг как-то даже угрожающе произнес:

— Ты девственница.

Не то чтобы это было неправдой, но мне очень не понравилось то, как маг это сказал, особенно в свете рассказанного Ирэнарном... Правда, о научных изысканиях убитого им отца Воронир явно не знал, иначе не заявил бы:

— Ты девственница! Если бы отец был прав и брак бы действительно состоялся не по твоей воле, ты бы сейчас так свободно не сидела... Тебе было бы больно. Но, судя по движениям, боли ты явно не испытываешь. Ты девственница! — заключил почти торжествующе.

И это было таким бредом! Потому что как раз больно мне было — от того, с какой силой он швырнул меня с дивана, у меня теперь имелся как минимум синяк на все бедро, и он болел, и бедро болело тоже.

Но когда такие мелочи волновали магистра Воронира!

Безумно глядя на меня, он, подхихикивая, произнес:

— У меня есть древний, Владыка Долины и одна магически одаренная девственница. Изумительный набор для жертвоприношения!

И его внешность начала стремительно меняться, копируя облик только что убитого магистра Валентайна.

— Просто изумительный!

Призвание портала было неожиданным и для меня, и, кажется, даже для невменяемого Воронира.

В портал мы провалились, буквально.

* * *

Первые несколько секунд я лежала на полу, зажимая уши ладонями и стараясь не сорваться на крик — телепортационные браслеты драконов оказались еще очень щадящими по сравнению со способом перемещения Воронира.

Оглушенная переходом, я не сразу услышала разъяренное «Милада!», но когда Воронир схватил за плечо и потащил куда-то, пришлось опустить руки и открыть глаза.

Не могу сказать, что увиденное обрадовало. Радоваться было нечему — мы находились на одном из подземных уровней университета, в месте определенно не раз использовавшемся для жертвоприношений. Кажется, у «научных изысканий» магистра Валентайна была не только теоретическая база, видимо, тут и практикой не гнушались...

Но это было несущественно в сравнении с тем, что в этом круглом зале стояли прикованные к стене Гаррат в человеческой форме и древний в дракончиковой!

Скованные по рукам, ногам, лапам, хвосту, шеям, окруженные поблескивающим блокирующим полем и заметно растерянные, они проследили за тем, как Воронир в облике Валентайна проволока меня к

алтарю и, бросив на последний с размаху, принялся приковывать мои руки в изголовье серой замызганной каменюки.

— Миладка, а тебе что, больше заняться нечем? — неожиданно зло спросил Гаррат.

Так спросил, словно приковывали тут одну меня, а он так, зашел из праздного любопытства и приковался тоже исключительно от скуки.

— А она устала, забегалась, пусть полежит, отдохнет, поспит... вечным сном, — нервно подхихикнув, сказал Воронир.

Никогда не видела его подхихикивающим, просто никогда... с ним явно было что-то совсем не так. Что-то совершенно не так! И я очень подозревала внешнее влияние, но как ни вглядывалась, никаких артефактов на магистре не увидела, а вот давление в основании шеи ощутила. На Воронире была магия. Магия моей конфессии, но я сильно сомневаюсь, что он мог на себя наложить что-то, делающее его безумным. Что происходит?

— А у вас что, все койки закончились и, кроме как на жертвеннике, больше спать негде? — наивно хлопая ресницами, поинтересовался древний.

Воронир в бешенстве обернулся, криво усмехнулся и исчез в очередном портале. Надеюсь, для него перемещение будет настолько же «приятным», как и для меня!

Но в любом случае именно нечто такое мне и требовалось — чтобы ушел, отвернулся, отвлекся — все, что угодно, лишь бы у меня был шанс использовать то второе заклинание, на которое я была способна благодаря древнему. Потому что после его дара моих сил хватало теперь на три сильных заклинания, а не на одно, как раньше. Два я сегодня уже растратила на заклинания щита... оба раза совершенно бесполезно, у меня оставалось только одно.

И едва обезумевший магистр исчез, я приподнялась на жертвеннике, направила взгляд на цепи и кандалы, сковывающие древнего, и прошептала:

— Сасмеранэйр!

И заклинание открытия замков сработало, спасая древнего, собственно, благодаря подарку этого самого древнего, потому что, если бы не он, все, на что я бы сейчас годилась, — это лежать, молча глотая слезы и пытаюсь придумать, как сообщить Ирэнарну о случившемся.

— Асур-Ррат, уходите! — обессиленно опустившись на камень, приказала я.

Древний потрясенно посмотрел на свои свободные лапки и хвост, потом на меня.

— Уходите! — Смотреть на него из положения лежа с прикованными за головой руками было не слишком удобно, поэтому я и не смотрела, обессиленно прикрыв глаза. — У меня есть Страж на шее, у Гаррата — кровная защита, а у вас ничего!

Но дракончик, вместо того чтобы уйти в сокровищницу, хотя мог, он ее даже и призвал уже, и та контуром отразилась на полу, взял и потрясенно переспросил:

— То есть ты сюда из-за меня сунулась?!

Пришлось приподняться, посмотреть на древнего и повторить, с трудом сдерживая раздражение:

— У меня защита, у Владыки тоже, а у вас нету!

— Как это нету?! — возмутился дракончик. — Я что, беззащитный, по-твоему? Да я... Я! Да я вообще древний!

Почувствовала себя уставшей уже не только от того, что выложились на трех заклинаниях и сил во мне почти не осталось.

— Асур-Ррат, — стараясь говорить спокойно и не сорваться на крик, произнесла я, — а вы способны защититься от огня Правящего дракона?!

И дракончик открытую было пасть закрыл. Я же нервно продолжила:

— Магистр Воронир — а это Воронир, он на себя облик Валентайна натянул, — вполне способен повлиять на Владыку, и тот просто спалит вас огнем, как уже однажды едва не спалил меня.

Гаррат, помрачнев, едва слышно произнес:

— Прости...

— Даже не обижалась! — заверила его. И торопливо, боясь, что Воронир вернется, снова обратилась к Асур-Ррату: — Уходите, пожалуйста, я ни секунды не сомневаюсь, что Ирэнарн всех спасет, но очень боюсь, что он может просто не успеть спасти вас... Валентайн вот уже мертв...

Но древний стоял, странно глядя на меня, а в конце концов глухо произнес:

— Милада... что ж ты за человек такой...

— Защищенный, — с намеком сказала я. И уже откровенно взмолилась: — Уходите, пожалуйста!

Древний тяжело вздохнул и, к моему огромному облегчению, ушел, открыв сокровищницу и провалившись в нее.

Я откинулась на жертвенник, действительно просто отдыхая, и, услышав слова Гаррата, даже не сразу поняла, что он имел в виду, произнеся:

— Ты назвала его по имени.

— Асур-Ррата? — переспросила, устраиваясь на жертвеннике

поудобнее. — Так я давно знаю его имя.

— Я не про древнего, — отстраненно сказал Владыка. — Ты назвала по имени моего брата.

Я замерла, затем медленно приподняла голову и посмотрела на Гаррата. Дракон, не отрываясь, смотрел на меня нечеловеческими черными с серебристым зрачком глазами, и в его взгляде было что-то жуткое.

— Почему? — хриплый усталый вопрос.

Ответа у меня не было ни на одно из «почему», которые мог подразумевать Гаррат.

— Потому что я безответственный неуч, не способный не то что защитить любимую девушку, но даже едва не убивший ее?!

— Владыка, вы были под магическим влиянием, случившееся не было вашей виной ни в малейшей степени, я не...

— Я люблю тебя, — вдруг произнес Гаррат, не дав договорить.

У меня дыхание перехватило от чувства сожаления и... вины.

— Я люблю тебя с первого взгляда, с той самой секунды, как увидел твои ножки, твои испуганные, широко распахнутые от ужаса глаза, с того мгновения, как ощутил твой запах, — с каким-то ожесточением, быстро и четко проговаривая каждое слово, продолжил дракон. — Я полюбил тебя настолько, что едва не женился, наплевав на разницу в статусе, происхождении и положении. Я бы и женился, не явись Ир в самый неподходящий момент. И у нас с тобой могут быть дети, Милада, наши дети, а от Рэнарна ты не сможешь родить никогда!

Я в ужасе смотрела на Гаррата, и он, как-то по-своему восприняв этот ужас, жестко добавил:

— Ир — боевой дракон. Боевой, Милада. Он может предохраняться сколько угодно, но рано или поздно произойдет то, что случилось с матерью твоей бабушки Осаи. Ты умрешь на его руках.

Я промолчала.

И Гаррат, рванувшись в державших его цепях, прорычал:

— У ваших межрасовых отношений исход будет только один — твоя смерть! Понимаешь?

Мне было больно. За него. Не за себя.

— Понимаю, — едва слышно ответила я.

И дракон замер, потрясенно, неверяще глядя на меня.

— Очень хорошо понимаю, — повторила так же тихо. — Но рано или поздно смерть случается со всеми. А рождение детей может унести жизнь матери даже в единорасовом браке... моя мама умерла родами, и мой отец держал ее за руку до ее последнего вдоха.

И я вновь опустилась на жертвенник, и потому что не хотела видеть то, как смотрит на меня Гаррат, и потому что не было сил держать так голову больше. И нам бы закончить этот разговор, но Владыка глухо произнес:

— Милада, Рэнарн мой брат, и если я попрошу, он...

— Нет! — жестко и решительно ответила я.

Наверное, это было самое решительное «нет» в моей жизни. Но за жесткость стало совестно, и я торопливо пояснила:

— Мы женаты по традициям Триединого, я дала клятвы, я... Я никогда ни за что и ни при каких обстоятельствах не посмотрю на другого мужчину.

— Из-за клятв? — холодно спросил Гаррат.

— Из-за всего... — почти беззвучно ответила я.

Дракон услышал и задал еще более холодным тоном вконец неприятный вопрос:

— Потому что он купил тебя?!

Несмотря на усталость и чувство разбитости после двух примененных заклинаний, я все же приподнялась, взглянула на Гаррата и гневно ответила:

— Не купил! И не стал бы покупать! Ирэнарн не... не такой.

— Серьезно? — издевательски переспросил Гаррат. — То есть ты серьезно не понимаешь, во что вляпалась, согласившись продаться за цену спасения своего мира?

Укоризненно посмотрела на Владыку, неодобрительно покачав головой. И просто легла обратно, не желая дальше продолжать этот малоприятный разговор.

— Вкусняшка... — тихо позвал Гаррат.

Не ответила.

— Вкусняшка, тебе всего девятнадцать, дай мне год, один год, Милада, и я стану самым сильным, самым ответственным, я горы сверну ради тебя, Милада.

— Владыка, я замужем! — напомнила во второй уже раз.

— По человеческим законам! — взревел Гаррат. — Всего лишь по человеческим, древних же я перебую одного за другим, а последнего заставлю отменить этот проклятый драконий брак, и он потеряет силу!

Устало вздохнув, терпеливо повторила:

— Я замужем по моим законам. Я дала клятвы, имеющие значение для меня. Что бы ни решили древние, что бы ни решил сам Ирэнарн, я останусь верна ему, даже если он от меня откажется.

— Даже так? — глухо спросил Гаррат.

— Да, — уверенно ответила я.

И устало подумала о том, где же этого Воронира носит. Вот он бы сейчас очень не помешал, даже со всем своим безумием. И я лишь утвердилась в этой мысли, когда в тишине зала прозвучало:

— А если его не станет?

И то ли от жертвенника потянуло холодом, то ли от слов Гаррата. И боюсь, что второе вернее. И то, что я сейчас услышала, у меня просто в голове не укладывалось!

— Владыка, — очень тихо сказала я, — он спас вас от смерти. Дважды.

Искренне надеялась, что это подействует, безумно надеялась, но...

— Он все равно сдохнет. Убьет себя сам, сложив крылья и рухнув на скалы, едва ты умрешь на его руках. Так что убить его сейчас — вполне разумное решение — в этом случае ты останешься жива.

Наверное, я никогда не пойму драконов... Отец с легкостью соглашается убить сына, потому что это «разумное решение», брат — брата, по той же причине. Судорожно вздохнув, с максимальной решимостью, на которую была способна, ответила:

— Если Ирэнарн умрет, со скалы брошусь я!

Думала, подействует, но нет.

— Я дракон, я тебя в полете поймаю, — уверенно заявил Гаррат.

Шумно выдохнув, раздраженно ответила:

— Ничего, я настойчивая, прыгну еще раз!

Но дракон не отставал:

— В таком случае запру в максимально не приспособленном для прыжков помещении.

Я от возмущения даже холод жертвенника чувствовать перестала.

— Владыка, — чуть не прошипела, — я — маг. Я способна убить себя смертельным заклинанием и без всяческих прыжков!

— Тогда на всякий случай отрежу тебе язык, — решил Гаррат.

От изумления даже приподнялась, потрясенно глядя на него.

— Ладно, перебор, — сдался дракон.

Легла обратно, глядя в потолок.

Но Гаррат не сдавался:

— Заклинание немоты?

— Знаете, — не выдержала я, — будем откровенны. Между перспективой жить с вами в условиях немоты и нахождением в помещении с максимально низкими потолками я как-то больше склоняюсь к жизни с Ирэнарном, по крайней мере, и язык при мне останется, и ходить в полусогнутом состоянии не придется!

И Владыка умолк, видимо осознавая.

Осознавал недолго:

— Слушай, ну перегнул, с кем не бывает?

«Со всеми!» — раздраженно подумала я.

Но на этом мои трудности не закончились, потому что появился не Воронир... а древний! Древний, который деловито вылез из сокровищницы, любовно прикрыл крышку люка, потопал обратно к стене и снова пристегнулся, словно его и не отпускали!

А в ответ на потрясенный взгляд приподнявшейся меня Асур-Ррат беззаботно отмахнулся лапой и сообщил:

— Все под контролем, защиту от огня Правящего дракона получил.

Слов нет.

— А вернулись вы зачем?! — простонала я.

— Как зачем? — искренне возмутился древний. — Миладка, ты что, самое интересное же сейчас начнется!

Я рухнула обратно на жертвенник, чувствуя себя... жертвой. Потому что если древний и мог получить где-нибудь защиту от огня Правящего дракона, то только другого Правящего дракона. В смысле, у Ирэнарна, так что, собственно, о том, где я, Ирэнарн уже знает.

— Тебе пламенный привет от Главнокомандующего, — подтвердил мои худшие опасения Асур-Ррат, — он сказал выделить слово «пламенный» интонацией, сказал, ты поймешь, о чем он.

Внезапно идея принесения меня в жертву показалась даже немного привлекательной.

— В смысле? — холодно спросил Гаррат.

— В смысле, Главнокомандующий запретил ей заходить в университет в общем и приближаться к Валентайну в частности, — охотно поделился информацией древний.

Жертвенник становился все милее и милее...

— Но Ирэнарн приказал с алтаря ее снимать, сказал, холодный, еще простудится, — окончательно добил Асур-Ррат.

— Задачу понял, — угрожающе отозвался Гаррат.

И возникшему в мареве портала Ворониру я даже обрадовалась! Правда, поняли меня опять неправильно.

— Надеешься разжалобить? Напрасно, — посмеиваясь, сказал Воронир, находящийся все так же в личине Валентайна. — Я лично убью тебя с превеликим удовольствием. А спасения ждать глупо — у драконов нет ни шанса проникнуть на территорию университета незамеченными, магия этих стен реагирует на них мгновенно.

Серьезно?! Вот серьезно, да??? А ничего, что здесь более чем хватает драконов, которые, между прочим, умудряются даже учиться в этом университете! И кстати, не просто учиться, но и явно периодически взламывать и кабинет, и лаборатории ректора, причем оставаясь необнаруженными.

Кстати!

— Не понимаю, как вас вообще засекли? — возмущенно поинтересовалась я у нарушителей университетского спокойствия.

— Это все щербатый, — вдруг наклеузначал древний.

— То есть выцветшую вазу в библиотеке стырить хотел я, так? — раздраженно спросил Гаррат.

Древний виновато поковырял лапкой пол, после чего вскинул мордочку и выдал:

— Ты должен был меня остановить, это был твой долг как друга и товарища! А из-за твоей безответственности в итоге Миладка примчалась меня спасать!

Владыка Долины драконов уничижительно посмотрел на древнего и, простирая с глухим отчаянием, ударился головой о стену. После еще раз. Не знаю, причинило ли это вред голове, но вот стена пошла трещинами.

— Банальная приманка, — посмеиваясь и раскладывая кинжалы на черной кожаной подстилке в изголовье жертвенника, с презрением сообщил Воронир. — Для эльфов — изысканная арфа, для воров — золотой кубок, для драконов ваша же мерзкая ваза. Все предметы при прикосновении ввергают в стазис. Недолгий, все же мы несколько не рассчитывали на визит древнего и Правящего дракона, но нам хватило... хи-хи-хи!

Вести себя Воронир продолжал все так же невменяемо.

Драконы, кажется, тоже осознали это и тревожно переглянулись. А я подумала, что одной только защиты от огня Правящего дракона древнему может просто не хватить, потому что лично я понятия не имела, на что может пойти даже вменяемый Воронир, не говоря уже о Воронире явно психически нестабильном.

Обессиленно откинувшись на жертвенник, от которого тянуло могильным холодом, решила, что кое-кому нужно знать о ситуации более детально, и, водя пальцем по камню, что было не слишком удобно при условии наличия на мне сковавших запястья вместе наручников, я начала выводить:

«Уважаемый Ирэнарн-Ррат-Эгиатар...»

«Занят», — вспыхнуло вдруг перед моим лицом яркими огненными

буквами прямо в воздухе.

Я прочла написанное, почему-то ощутив некоторое возмущение, после посмотрела на Воронира — тот продолжал готовить инструментарий для принесения меня в жертву и, судя по всему, огненных слов не видел. Глянула в сторону прикованных пленников — те, похоже, тоже, хотя оба взирали на меня, определенно думая, как бы меня же избавить от столь удобного ложа.

Додумались!

— Слушай, старик походу полоумный, — вдруг сказал Гаррат, продолжая вглядываться в жертвенник.

— С чего бы? — деланно удивился древний.

— Там, на каменюке, приглядишь, полустертые письмена инструкции, — Владыка указал кивком, — видишь?

Древний прищурил глазки, демонстративно вчитываясь в то, что от него метрах в пяти было высечено мелким шрифтом, и зачитал:

— «Для приношения в жертву девственниц».

— Вот-вот, — поддакнул Гаррат, — а я Миладку от этой гадости еще в университете спас.

Услышав это, возмутилась даже я, потрясенно приподнявшись, а Воронир так и вовсе развернулся всем телом и возопил:

— Что?!

И не только он был разгневан — один взгляд древнего чего стоил. Причем смотрел древний на меня. Причем так, что в его взгляде откровенно читалось: «Попробуй только не подтвердить!» Я бы не подтвердила, но, учитывая, что эти двое за секунду до такого додумались, мне просто страшно было подумать, до чего они додумаются, если первый вариант плана избавления меня от угрожающего мне исключительно простудой жертвенника провалится.

Пришлось, сцепив зубы, нагло врать в глаза невменяемого магистра:

— Видите ли, профессор Воронир, всем известно, что драконы едят девственниц, — занудно начала я. — По причине этого я обратилась к студенту Вачовски с просьбой обеспечить мне полную гастрономическую неприкосновенность со стороны крылатого народа.

Воронир едва не обронил кинжал, который до этого протирал спиртом, почему-то боясь приступить к нарезке жертвы без обеспечения ее защиты от заражения какой-либо инфекцией.

— Что? — голос мага осип.

Я же, поразмыслив, решила добавить бреда:

— Вообще, я предусмотрительно избавилась от опасной для меня

невинности еще до переноса в Долину драконов, прибегнув к помощи настроенного с ярко выраженным энтузиазмом студента Тихомира. Но когда Вачовски, в котором я подозревала дракона, сообщил, что все еще считает меня существом повышенной аппетитности, я решила перестраховаться повторно. И как видите, это сработало — меня никто не съел.

На этот раз Воронир промолчал, взирая на меня с безгливой неприязнью, а вот древний, не выдержав, заорал:

— Что?!

Глянув на него, заговорщически призналась магистру Ворониру:

— Драконы такой темный народ, они даже не в курсе, что едят девственниц.

Магистр скривился, отшвырнул от себя кинжал, постоял, кусая губы, потом задумчиво произнес:

— Что-то я такое видел в конспекте профессора Иваса. Да, печально. Но теперь ясно, почему я ни одной девицы в стенах УМа не обнаружил, пришлось прирезать Аттинура.

Я с трудом крик сдержала!

Но магистра Воронира такие мелочи, как чужая смерть, похоже, уже совершенно не трогали. Он постоял, разглядывая меня, одним щелчком отстегнул мои кандалы и, схватив за шею, стащил с жертвенника. Особо дергаться мне не дали, протаскив до ближайшей стены, впечатали в нее и, вздернув мои руки вверх, приковали наручниками к высоко вбитому крюку. Ну, что сказать — на жертвенном алтаре мне было удобнее.

Но оба дракона смотрели на меня с видом победителей, мол, задача выполнена, мы герои. Переживание собственного героизма было, правда, слегка подпорчено Ворониром, который при помощи магии перетащил Гаррата со стены на алтарь, но даже на жертвеннике Владыка умудрился лежать со все тем же видом победителя.

А вот мне стало страшно, потому что это меня собирались покромсать обычным кинжалом, а вот для Владыки магистр выхватил из ножен кинжал из черной стали. Тот самый, заговоренный. Который раньше сам Гаррат и носил, во времена, когда прикидывался Вачовски. И вот этот конкретный кинжал легко мог причинить вред даже Правящему дракону! Где Ирэнарн?!

Ирэнарна не было, а Воронир отработанным движением занес кинжал над драконом!

— Послушайте, — заорала перепуганная я, — он тоже не девственник!

— Вранье! — гордо заявил Гаррат, устраиваясь поудобнее на камешке. — Я берег себя для жертвоприношения!

На него с нескрываемым скепсисом посмотрели все: и я, и древний, и даже Воронир, который руку так и держал в замахе.

— Я чист душой! — заметно обидевшись на всеобщий скепсис, выдал Владыка Долины драконов. — Мое сердце невинно!

— Я бы скорее сказал, мозг у вас и чист, и невинен, — ядовито вставил Воронир, обидев тем самым Гаррата до глубины души, за что в следующее мгновение и получил уши — большие и зеленые.

— Хам! — высказался дракон, отворачиваясь от остолбеневшего магистра.

— Это что такое?! — взвизгнул тот в ужасе от появившейся лопаухости, которая и обзор ему закрывала, и нанести удар Владыке, не повредив заодно собственное ухо, не давала.

И в этот момент открылась дверь.

Мы все повернулись в ее сторону, причем я повернулась с надеждой, но надежда угасла, едва стало ясно, что это кто-то из преподавателей, и, судя по зеленому цвету мантии, с моего факультета.

— О-о-о, — протянул он, искренне поразившись массивным, красиво ниспадающим до земли ушам Воронира. — Магистр Валентайн, я прошу прощения, что прервал вас в благом деле убиения премерзких чешуйчатых гадов, но у нас сегодня очень интересный практикум, и я, как преподаватель, искренне убежден, что студентке Радович было бы крайне полезно на нем присутствовать.

Воронир, пытаясь копировать интонации отца и стараясь сделать вид, что уши его ничуть не тревожат и вообще они неотъемлемая часть ритуала, с достоинством ответил:

— Радович присутствует на гораздо более интересном практикуме, магистр Энверд.

Преподаватель посмотрел на меня, после на того, кого считал ректором, и возразил:

— Но у нее скованы руки, что несколько затрудняет процесс наблюдения за вашим практикумом, магистр Валентайн.

Это было правдой — руки, прикованные наручником одна к другой, были вздернуты вверх так, что действительно вид распластанного на жертвеннике Гаррата частично был для меня закрыт. Но проблема в том, что тут имела место и куда более страшная правда.

— Магистр Энверд, это не магистр Валентайн! Это Воронир, он сошел с ума и убил своего отца! — воскликнула я.

Воронир тяжело вздохнул, брезгливо поморщившись, посмотрел на меня, скорбно почесал ниспадающее до пола правое ухо, и в следующий

миг пленников в помещении стало на одного больше!

— Нет, ну до чего же неудобные наручники, — сокрушаясь, произнес профессор Энверд, именно наручникам уделив пристальное внимание и как-то упустив тот факт, что его только что протащило через весь каменный зал, сильно ударило о стену, а после сковало этими же наручниками.

— Это все, что вас беспокоит? — недоуменно поинтересовалась я.

Профессор постоял, словно размышлял о чем-то, после чего вытащил руку из наручника... почесал нос, засунул руку обратно и признался:

— Нет, меня откровенно тревожит то, что мы имеем дело именно с Ворониром. Радович, вам наручники опустить пониже?

Неуверенно кивнула.

Тотчас же штырь, вбитый в стену, к которому, собственно, крепились наручники, сполз ниже, позволяя мне стоять хотя бы не на цыпочках. Причем Энверда вовсе не встревожило то, что все это, включая наш диалог и его способность использовать магию в антимagicеских наручниках, произошло на глазах у заметно изумившегося Воронира. И было чему изумляться — это на алтаре наручники были обычными, а вот эти должны были магию блокировать напрочь!

И в этот момент дверь снова распахнулась.

— Э, — оглядев зеленые уши, протянул Светозар, — магистр Валентайн, а вы профессора Энверда не видели? А, профессор Энверд, вот вы где!

И наша компания увеличилась еще на одного пленника.

После чего Воронир шарахнул по всем нам блокирующим магию заклинанием, откинул уши за спину, видимо, чтобы не мешали, сходил к двери, нервно зачаровывая ее, и зло прошипел:

— Не жертвенная, а проходной двор какой-то! Распустились! Никакого уважения к жертвоприношениям!

Профессор Энверд снова высвободил руку, почесал нос, чихнул, засунул руку обратно в наручник и философски заметил:

— Вероятно, причиной этого является время проведения жертвоприношения, магистр Воронир. Видите ли, исторически сложилось так, что по обыкновению подобные мероприятия происходят исключительно ночью, желательно при свете полной луны. Если вы обратите внимание на расписание практических занятий, вы обнаружите, что о практике проведения жертвоприношений с наступлением темноты известно даже первокурсникам, но ваши методы всегда отличались несколько непродуманным подходом.

Ушастый, теряющий облик предка, но не теряющий зеленые уши,

Воронир медленно, с таким выражением лица, что я искренне испугалась за профессора, развернулся всем телом к магистру Энверду и прорычал:

— Аградоно!!!

Но заклинание мгновенной смерти не сработало...

— Произнесенное второй раз за сутки Аградоно нежизнеспособно, — укоризненно сообщил явно прописную истину магистр Энверд. — Да, не зря ходят слухи, что на детях гениев природа отдыхает. С другой стороны, ваша мать, бывшая хоть и элитной, но прости Триединый... несмотря на превосходные внешние данные, особым умом не отличалась. Теоретически умственные способности переходят к сыновьям от матерей, а гены, как известно, можно победить лишь путем целенаправленного трудолюбия, которое вам не свойственно. Учитывая все вышесказанное — не удивлен вашим тугоумием. И, к слову, магистр Воронир, это учебный жертвенник, на нем вот уже более пятидесяти лет в жертву приносятся исключительно неодушевленные вещи вроде корня мандрагоры. Соответственно, данный жертвенник не способен аккумулировать энергию смерти, и это уже не говоря о том, что без предварительного принесения в жертву девственницы у вас нет ни шанса взломать ауру дракона.

— Но это тупой дракон! — прошипел разъяренный Воронир.

— А вы не умнее, — прямо высказал ему магистр Энверд.

И вытащил обе руки из наручников. После чего щелчком снял кандалы с ошолобевшей меня и на удивление спокойного Светозара и, подталкивая меня к двери, скорбно произнес:

— Боюсь, мои дорогие, здесь вас ничему полезному не научат, так что следуйте на выход. А вам, магистр Воронир, я бы порекомендовал более не вмешиваться в мой учебный процесс, с вашими не озабоченными даже каплей разумности практикующими.

И, взяв потрясенную меня за плечи, профессор властно вывел меня из зала, несмотря на попытки к сопротивлению. Светозар за нами вышел сам.

И закрыл дверь, которая, по идее, вообще даже открыться не могла, потому что была зачарована!

Но Светозар взял и зачаровал ее повторно. Как?!

И в этот момент все так же придерживающий меня за плечи магистр Энверд скинул личину. И, не верящая собственным глазам, я потрясенно выдохнула:

— Магистр Тессорд?!

Призрачно светящийся боевой маг, которого убили грассы на королевской дороге, отвесил мне шутливый поклон.

— Так вот почему на вас ни блокирующее заклинание, ни

антимагические наручники не подействовали! — поняла я.

Тессорд хмыкнул и весело ответил:

— Да, есть в посмертии свои преимущества.

Но затем, мгновенно посуровев, наложил призрачную руку на мою грудь, втягивая блокирующее магию заклинание Воронира, и сокрушенно произнес:

— У тебя магии практически нет. На что выложились?

— Эсперату и Сасмеранэйр, — призналась я.

— Да, основательно, — признал магистр Тессорд. — Но зачем Сасмеранэйр? Заклинание падения оков не работает в условиях антимагических наручников.

Пришлось уточнить:

— Я не в антимагических была, я на алтаре лежала.

— А-а, — понимающе протянул магистр Тессорд. — Так, а смысл? Дверь была заперта, ты бы в любом случае не сбежала.

Чувствуя себя как-то не очень уютно, нехотя призналась:

— Я спасала дракона.

В глазах магистра, пусть даже и призрачных, промелькнуло что-то сильно недоуменное, после чего он спросил:

— Чего?!

Понимаю, насколько дико прозвучало, но... факт остается фактом.

— Милада, кто вообще спасает драконов? — возмутился магистр Тессорд. — Я чуть всю операцию под срыв не поставил, ринувшись за тобой, а она! Девушка, вам бы следовало более ответственно подходить к выбору жизненных приоритетов.

Хотел было сказать еще что-то, но замер.

А затем, развернувшись к Светозару, прошипел потусторонним голосом:

— Произошла активация системы безопасности университета.

Я тоже невольно обернулась к студенту и чуть не вскрикнула — потому что не было никакого Светозара, был ямщик, который Призрачный.

Единственное, чего я понять не могла, — как с жемчужиной воздушника я не разглядела подлог. А потом дошло — потому что достаточно сильные призраки не иллюзия, они просто способны ненадолго принимать облик того, чью ауру удастся скопировать.

— Уходим, быстро! — приказал Тессорд.

— Но там драконы... — напомнила я.

— Я сказал правду, ауру дракона невозможно сломать без предварительного принесения в жертву девственницы, поэтому не стоит

беспокоиться о Вачовски, — произнес Тессорд и указал мне на выход. — А вот о тебе стоит — нас сейчас по ауре университета размахнет, а выбраться отсюда самостоятельно ты не сможешь!

И я бросилась бежать вслед за понесшимся вперед Призрачным ямщиком, который орал, выл и в целом производил пугающее впечатление. Как оказалось, не зря — его целью было вывести всех из-под удара. И у него получалось — от жутких криков из лабораторных и жертвенных залов выбегали напутанные студенты, а заведев призрака, мчались сломя голову, уже не останавливаясь и не оборачиваясь — с высшими призраками связываться себе дороже, особенно в темном помещении без проникновения солнечного света.

За несколько минут четыре подземных уровня с лабораториями были освобождены, и Призрачный ямщик двинулся вперед, завывая все более жутко, но за этими криками очень чувствовалась его нервозность — он хотел спасти как можно больше студентов.

А вот мы с Тессордом отстали — бывший магистр боевой магии слишком быстро начал терять силы, едва мы поднялись на четвертый уровень, а вскоре и вовсе окликнул меня «Милада» и, едва я остановилась, указал на два бездыханных тела, скрытых полумраком неосвещенной ниши.

Подбежав, увидела лежащих профессора Энверда и Светозара — все верно, копирование ауры высшими призраками не дается легко даже магам.

— Их нужно вытаскивать! — крикнул мне магистр Тессорд.

Но мы не успели.

Внезапно все здание университета содрогнулось! А в следующее мгновение из стены взметнулись две темно-зеленые призрачные плети, хлестким ударом обхватили шеи бессознательного Светозара и захрипевшего от удара профессора Энверда и потащили обоих волоком по полу обратно! Обратно вниз!

— Треклятый двурогий, он пришел в себя... — простонал магистр Тессорд и резко толкнул меня в сторону, выводя из-под удара еще одной плети.

Но стоило мне упасть, как другая энергетическая петля выскользнула из расщелины между камней и жестким захватом обвила шею. Я захрипела, пытаюсь ухватиться хоть за что-то, едва меня с силой потащило вниз. Магистр дернулся было ко мне, но не смог ни перехватить, ни остановить плеть — его магия уже таяла на глазах, и его сила, и он сам.

И мне оставалось лишь с ужасом смотреть, как он отдаляется от меня, утаскиваемый впаянной в стены университета магией, и понимать, что еще

немного, и от удушья я потеряю сознание. А потому даже не сразу поняла, что бегущий ко мне магистр в знакомой коричневой мантии действительно существует, и это... Аттинур.

— Сагравера! — раздался его крик, и утаскивающая меня петля осыпалась снопом искр.

Ректор подбежал, опустился на одно колено, дернул за плечо и почти неприязненно спросил:

— Жива?

Неуверенно кивнула, неверяще вообще глядя на Аттинура, которого же Воронир убил... точнее, даже прирезал, как он сказал.

— Где Валентайн? — сразу задал глава УМа следующий вопрос.

— Магистра Валентайна больше нет, — прошептала я, — его убил магистр Воронир.

Аттинур на мгновение прикрыл глаза, словно справляясь с ударом, посмотрел на меня и хрипло произнес:

— Плохо. С Валентайном был шанс договориться.

И он, стремительно поднявшись, посмотрел вглубь уводящего вниз коридора с решимостью человека, приготовившегося к смерти.

— Что с Ворониром? — неловко поднимаясь с пола, спросила я. — Он же невменяем!

Не глядя на меня, магистр Аттинур кратко ответил:

— Я знал, что рано или поздно Воронир придет за моей жизнью, предварительно постаравшись отнять весь мой резерв, и подготовился к этому. К сожалению, ментальный удар затуманил его разум на гораздо меньший период времени, чем мы рассчитывали. Радович, уходите! Менее всего я расположен видеть вашу поднадоевшую мордашку перед собственной смертью.

И решительно двинулся вниз.

Я бросилась следом.

— Ррррадович, — ректор остановился, не оборачиваясь, — избавьте меня от вашей прилипчивой личности! Или вы считаете, что у вас хватит магии для участия в магическом сражении?!

У меня бы ни на какое сражение сейчас не хватило магии, но...

— Но если вы лишитесь сознания во время схватки с Ворониром, у меня хватит сил на то, чтобы привести вас в чувства, — робко сказала я.

Аттинур обернулся, смерил откровенно оценивающим взглядом, прикидывая перспективы, махнул рукой и, сдавшись, решил:

— Ладно, пошли, лишняя помощь мне не то чтобы поможет, тут уже вряд ли что поможет в принципе, но не повредит точно. Итак, Радович,

запомни, наша задача — задержать Воронира на максимально возможный срок. Фактически я искренне надеюсь на то, что меня он будет убивать достаточно долго для того, чтобы наши смогли выйти из-под удара.

И стремительно зашагал вперед так, что мне пришлось догонять бегом. Не обращая внимания на то, что я едва успеваю за ним, ректор начал быстро вводить меня в курс дела:

— Ты вовремя передала сведения королю, очень вовремя, Радович. И за возвращение пусть и призрачного магистра Тессорда в реальность — спасибо. Прости, благодарственной грамоты выдать уже не успею. Далее — в настоящий момент все зараженные деревни заблокированы. Прибегнув к помощи жрецов храма Древуна, мы смогли полностью остановить заражение. В сговоре участвовало сто восемьдесят членов купеческой гильдии. С ренегатами купцы разобрались сами... предельно жестоко, но кто будет винить их за это.

Резко свернув, он избежал захвата выскользнувшей из-за камня петли и уничтожил ту, что обхватила мою шею. Но на этот раз петли были куда толще и агрессивнее, и уничтожение далось с трудом даже Аттинуру.

— Быстрее, — прохрипел он, срывая с шеи и активируя один из артефактов с энергетическим зарядом. — Воронир захватывает контроль над университетом. А здесь Мстислава...

Голос Аттинура резко осип.

— Профессор Нарски тоже здесь? — изумленно переспросила я.

— Жаль, не успел обнять ее, — глухо произнес ректор, уничтожая еще одну петлю, выскользнувшую из мрака. И ответил мне: — Все здесь. Утреннее собрание студентов имело целью обеспечить нахождение магов вне стен Университета Стихий, по причине того, что все это — один мощный накопитель энергии, и нападать на Валентайна в момент, когда в его распоряжении были все силы и жизни студентов, было бы самоубийством.

Я вдруг подумала, что то, что мы сейчас возвращаемся в логово Воронира, для Аттинура и так является самоубийством. Но он продолжал решительно идти навстречу своей смерти, потому что хотел дать хоть какой-то шанс на выживание тем, кого, видимо, сегодня привел на бой... имеющий все шансы превратиться в бойню.

— Как сдох Валентайн? — вдруг спросил Аттинур.

— Заклинание Аградоно, — поспешая за ним, ответила я.

— Жуткая смерть, — после секундного молчания отозвался ректор.

И остановился перед дверью, ведущей в ритуальный зал. Каким-то образом зная, где конкретно находится Воронир.

Остановился, резко выдохнул и вдруг сказал, не глядя на меня:

— Слушай, Радович, если выживешь, скажи ей, что она была моим светом. Всегда.

И отшвырнул меня в сторону, спасая от заклинания, которое с той, другой стороны разнесло обитую железом дверь в щепки.

Дверь словно взорвалась, снеся половину стены и не повредив отгородившегося щитом Аттинура!

А дальше начался ужас.

— Кого я вижу! — раздался голос магистра Воронира, и в нем более не было даже намека на безумие.

Это был уже тот умный, коварный и жестокий магистр Воронир, каким знала его я, каким знали его все. Расчетливый и хладнокровный Воронир, вызывающий панический ужас.

— Что ж, — медленно проговорил магистр, пристально глядя на с трудом удерживающего щит ректора УМа, — ты всегда был подлым щенком, Аттинур, и старикашка вышел из тебя не лучше... — это было сказано еще спокойно, а вот затем: — Я УБИЛ ОТЦА!!!

И в этом яростном рыке прозвучала вся боль, отчаяние и гнев от утраты. И я поняла, насколько для Воронира стало ударом осознание сотворенного. Это тогда затуманенный разум ничего толком не осознал, а вот сейчас горе обрушилось на мага со всей силой.

— Я!.. — рык, перешедший в хрип.

Ректор встретил ярость Воронира хладнокровно и так же холодно ответил:

— Собаке собачья смерть.

Воронир застыл, затем глухо, разъяренно зарычал и нанес удар, который смел Аттинура вместе с частью стены, впечатав в противоположную часть коридора и разнеся в пыль щит, которым ректор пытался прикрыться. А затем, с рыком раненого зверя выскочив из полуразрушенной залы, магистр ринулся на пытающегося подняться ректора и получил камнем по голове! Да, у меня практически не осталось резерва, ничего, кроме искр энергии, способных разве что привести в чувства, но магия превосходно развивает меткость, а камней тут валялось в избытке.

— Ты! — прорычал Воронир, резко повернувшись. Лицо его было рассечено, кровь заливала правый глаз.

И в этот момент ударил Аттинур! Поток магии снес Воронира с большей частью каменного крошева и впечатал в высокий потолок, а оттуда маг рухнул на пол с огромной, магически усиленной скоростью.

Ни один человек после подобного бы не встал, но Воронир вскочил мгновенно! И это в то время, как Аттинур уже не мог даже сесть нормально. Я схватила следующий камень, побольше первого, и запустила прежде, чем даже подумала об этом. Удар в висок был сильным, но Воронира не свалил, и магистр медленно, угрожающе медленно повернулся ко мне...

— Эксагаар! — прохрипел Аттинур, формируя черный магический клинок, и, рванувшись изо всех сил, запустил его.

Воронир уклонился!

Легко, практически играючи, и клинок ушел в стену, расплавив ее по контуру человеческого тела.

— И это все, на что ты способен? — издевательски поинтересовался мой некогда спаситель.

А в следующее мгновение все имеющиеся в разрушенном коридоре камни рассыпались в прах, даже тот, который я схватила. Не успела кинуть... Уже ничего не успела!

Одно движение, и меня охватила призрачная плеть, а через миг я стояла прикованная в ритуальном зале, напротив откровенно потрясенного древнего и слегка ошарашенного Гаррата. И потрясло их вовсе не произошедшее только что сражение, потрясло абсолютно другое — стена в изголовье жертвенника стала одним магическим экраном! И вот на нем было ясно и отчетливо видно, что тысячи зеленоватых призрачных плетей оплели студентов Университета Стихийных Сил, прижав к стенам и заметно, так что по петлям перекатывались потоки, словно они пили глоток за глотком, высасывая энергию из оказавшихся в западне юных магов.

— Смотри, — Воронир, могучий, широкоплечий, втащил казавшегося стариком в сравнении с ним, избитого, ослабевшего Аттинура, — смотри, пададь! Думал отвлечь меня и спасти их? Действительно верил в это?!

Резкий поворот головы, взметнувшиеся вороньи волосы, по-орлиному цепкий взгляд на экран и пугающе едкое:

— А где же наша Нарски, а, Аттинур? Где та, которую ты берег от меня все эти годы, щенок престарелый? — И глухое: — Ты заставил меня убить родного отца, мразь, я заставлю тебя смотреть на смерть любимой женщины!

И экран стремительно приблизил изображение стены, точного места, о котором Воронир знал...

Вот только стена в этом месте была пуста! Там лишь висела, судорожно дергаясь, оборванная зеленая энергетическая плеть.

Это стало шоком для Воронира! Абсолютным, непередаваемым шоком

для глядевшего и не верившего в то, что видит, магистра.

И в этой потрясенной тишине вдруг прозвучало иронично-насмешливое:

— Меня всегда искренне удивляло ваше стремление использовать женщин для достижения своих целей.

Воронир застыл, а затем медленно развернулся, разжав пальцы и позволив Аттинуру бессильно, словно тряпичный мешок, рухнуть на пол.

А я, задержав дыхание, смотрела на находящегося в изломанном проходе Черного дракона. Ирэнарн стоял, расслабленно сложив руки на груди, и с нескрываемым презрением взирал на тяжело дышащего, собирающего силы для удара Воронира.

Но если за магистра Аттинура я переживала до безумия, то за Ирэнарна нет, ни на секунду, ни на мгновение. Я смотрела на Главнокомандующего и понимала, что это все... для Воронира — все. Ирэнарн уничтожит его, даже не напрягаясь и не позволяя причинить вред никому более. И хватило одного взгляда на магический экран, висящий в изголовье Гаррата, чтобы догадка подтвердилась — энергетические петли разрушались, сковывающие студентов плетения ломались, осыпаясь трухой и лишая Воронира энергии, которую он пытался, отчаянно пытался призвать.

Я только одного не понимала — что могло разрушить энергетические петли так, что они просто на глазах рассыпались на части!

— Колония Гема — умнейший коллективный разум, и я в целом искренне признателен за создание разумной черной плесени, как видите — пригодилась, — сообщил Ирэнарн, насмешливо глядя на раз за разом пытающегося собраться с силами магистра Воронира. — С удовольствием познакомил бы вас, но... у вас уже назначена очень важная встреча.

И в полуразваленный зал бесшумно и незримо шагнул грасс, оставляя на трухе из камня следы, вдвое превышающие размер следов Голода. И я поняла, кто это — предводитель грассов, который говорил со мной в Горлумском лесу, тот, кто напоследок прорычал исчезающему в портале Ворониру: «Мсть! Всегда! Везде! Мсть!» И вот сейчас, видимо, время для мести настало.

Воронир взвыл!

— Не здесь, — спокойно произнес Ирэнарн.

И шагнул ко мне с едва читающейся улыбкой, скрывающейся в серебряных искорках изумрудных глаз. Подошел, закрыв своим могучим телом грасса, выволакивающего из разрушенного ритуального зала отчаянно сопротивляющегося и орущего Воронира, скользнул пальцами по

моим вздернутым над головой рукам, коснулся лица по контуру, приподнял за подбородок, заглушая для меня вопли гибнущего магистра где-то там, в глубине подземных уровней, и произнес:

— Есть одна маленькая проблема, сердце мое.

— Какая? — выдохнула я, глядя на него широко распахнутыми сияющими глазами.

Ирэнарн нехотя сообщил:

— Фактически половину своего мира спасла ты, вовремя передав информацию королю и обеспечив возможность существования магистра Тессорда.

Дракон улыбнулся моему искреннему изумлению и продолжил:

— Среди исключительно твоих заслуг также сохранение существования Ямщика, спасение расы грассов и обнаружение ловушки, скрытой в кольце Правды твоегодохлого ректора...

— Я жив, — раздалось хриплое с пола.

— Разговорчивость не самый верный путь к выживанию, — холодно сообщил ему Ирэнарн.

Укоризненно посмотрела на него. Правящий дракон передернул плечами, взглянул мне в глаза и неожиданно спросил:

— Как насчет золота?

Я улыбнулась.

И продолжала улыбаться, все так же глядя на него сияющими от счастья глазами и не веря тому, что все закончилось. Триединый, все наконец-то закончилось, и все живы... ну, кроме Воронира, его где-то там вдали продолжали убивать с максимальной жестокостью... но кто осудит предводителя грассов? Я не осуждала. Не могла. После всего, что мне было известно, после попытки Воронира уничтожить всю расу этих призрачных псов, всех, включая совсем маленьких детей...

— Нет! — вдруг воскликнул Асур-Ррат, меняя облик и становясь человеком... ну, судя по голосу.

Просто я не видела, весь мир для меня сейчас заслонял Ирэнарн, и всем этим миром он для меня становился. Медленно, но верно он становился для меня всем.

И дальнейшие слова древнего я расслышала словно сквозь пелену тумана:

— Главнокомандующий, вы потребовали от меня невмешательства, я согласился в обмен на возможность защиты прав моей подопечной!

Черный дракон проигнорировал полностью и его, и его заявление, и вообще практически все на свете.

— Драгоценности? — продолжил он откровенно покупать меня. — Мы можем оформить твое участие в спасении мира как работу по найму с максимально высокой оплатой труда.

— Это жульничество! — возмущился древний.

Я едва ли расслышала его слова, с нежностью глядя на Черного дракона. С нежностью, благодарностью, восхищением и чем-то еще, чему у меня не было определений. Зато имелось четкое определение того, что он сделал, и я тихо прошептала:

— Ты всех спас.

Именно спас. Потому что мог поступить иначе, мог явиться сюда с отрядом боевых драконов и сжечь всё и всех тех одурманенных магов, что кинулись бы на защиту медленно, но верно убивающего их родного учебного заведения. Мог бы уничтожить магистров, всех тех, кто так истово ненавидел драконов, но вместо этого в сотрудничестве с плесеневой колонией изобрел вино, способное вернуть ясность мыслей и уничтожить не людей — возвращенную в них ненависть.

Он мог бы многое, мне ли не знать, Ирэнарн был способен одним приступом ярости сметать города и разрушать горы... Но вместо этого — право на месть, подаренное грассам, право на жизнь, подаренное разумной плесени, и спасение моего мира, без жертв и разрушений.

И, судорожно сглотнув, прошептала, не отрывая взгляда от его темно-зеленых глаз:

— Я считаю, что условия сделки были выполнены.

Вертикальные черные драконьи зрачки отчетливо сверкнули серебром, но я даже не вздрогнула, продолжая смотреть на Ирэнарна. Смотреть и видеть в нем больше, чем дракона, кажется... Кажется, я действительно начинала видеть в нем гораздо больше, чем только дракона.

— Нет! — разъяренно прорычал древний. — Милада просто не в себе, после всего. Моя подопечная...

— Я так понимаю, главная ваша проблема в том, что подопечная у вас в исключительно единичном количестве, — не отрывая от меня нежного взгляда, ледяным тоном произнес Ирэнарн. — Полагаю, самое время это исправить, так что, уважаемый Асур-Ррат, забирайте это щербатое недоразумение с жертвенника идохнувшего магистра с пола и ступайте реанимировать студентов, которые отныне находятся под вашей ответственностью.

Но Гаррат с жертвенника прыгнул сам. Причем так резко, что Ирэнарн обернулся к нему, открыв и мне обзор на происходящее. Гаррат выглядел... жутко. Его короткие серебристо-платиновые волосы были белы

настолько, что, казалось, искрились снегом, а в глазах разливалась чернота — абсолютная, глухая, безысходная, страшная.

Старший Правящий дракон брезгливо сорвал с себя остатки оков, отбросил искореженное железо, одним движением швырнул в обессиленного магистра Аттинура телепортационный браслет, и маг исчез в то же мгновение. А вот после Владыка, подняв голову, посмотрел на брата и холодно, но с отчетливо слышным злым наслаждением поинтересовался:

— Щербатое недоразумение, говоришь?

И улыбнулся. Издевательски и широко, демонстрируя рот, полный идеальных белых клыков, весь комплект.

— Ежин-трава, братишка, на Правящих драконов не действует, — добил Гаррат.

И лицо Ирэнарна окаменело.

А древний, пошатнувшись, ухватился рукой за стену, как и я, потрясенно глядя на Владыку Долины драконов.

— Я пытался сказать об этом Вкусняшке, — криво ухмыльнувшись, произнес Гаррат, — но наша наивная девочка иногда не понимает даже самых прямых намеков. Так что, малыш, отдашь ее мне или заставишь нас обоих наблюдать за ее смертью? Кстати, благодаря «благословению» древних очень скорой смертью. Решать тебе, ты ведь у нас самый умный.

И, оттолкнувшись от жертвенника, он ушел, не оглядываясь.

Это видела лишь я, полными слез глазами проследив за тем, как тот уходит, нанеся удар в спину родному брату, который пошел на все, чтобы сохранить его жизнь. Но это Ирэнарн пошел на все, а Гаррат... Невольно вспомнила, что рассказывала о нем профессор Нарски, что говорил Асур-Ррат и тот взгляд убийцы в лесу, когда я пыталась защитить Тихомира...

Древний, съжившись до привычного мне вида дракоши, поскреб когтем подбородок и все, что смог сказать — это потрясенное:

— М-да...

Я лишь мельком отметила его уменьшение и движение, во все глаза глядя на Ирэнарна. На застывшего, словно окаменевшего, с абсолютно пустым взглядом Ирэнарна.

Он, почувствовав мой взгляд, словно находясь в каком-то стазисе, отрешенно произнес:

— Тебя нужно освободить, да?

И железо с моих наручников стекло вниз черными каплями, освобождая запястья и позволяя мне опустить руки. Ирэнарн словно не заметил этого, продолжая смотреть все так же в сторону, устало, обреченно,

безрадостно.

— Я... — начал было древний.

Но замолк. Затем, развернувшись, медленно, тяжело ступая, вышел из разрушенного ритуального зала, опустив плечи.

Где-то там, наверху, слышались крики радости, поздравления, кажется, напавшие на Университет Стихийных Сил маги и с трудом выжившие студенты еще не верили в то, что выжили... Там царила радость, а здесь...

— Ирэнарн, — тихо, едва слышно позвала я.

Он промолчал, даже не пошевелившись.

— Ирэнарн. — Я подошла ближе, пытаюсь заглянуть в остекленевшие, казалось, ничего не видящие нечеловеческие глаза.

И мой дракон отмер, лишь затем, чтобы глухо произнести:

— Гаррат сказал правду. Рано или поздно я убью тебя.

И портал вспыхнул, унося нас обоих прочь из университета.

ЭПИЛОГ

Я сидела, устроившись на корнях разросшейся сакуры, и зубрила драконий учебник по общей магии. Асур-Ррат оказался не только расчетливым пронырой, но и жутко требовательным ректором — у нас весь университет волком выл. Буквально. Университет-то был живым, дракон — к чистоте по-драконьи маниакально требовательным, поэтому, собственно, университет и выл, а мы подвывали, особенно когда помимо стандартной программы получили в нагрузку драконью и эльфийскую.

— У меня будут лучшие студенты! Каждый студент будет сиять знаниями, как золотой высшей пробы! Вы у меня сиянием сокровищницу затмите! Мы вообще всю эту Броню за пояс заткнем на раз-два! — Ну и прочее в духе Асур-Ррата, после чего количество предметов и уровень требований неуклонно росли.

Живой магический источник, дремавший у меня в ногах, потянулся, словно котенок, и запрыгнул на колени, устраиваясь поудобнее. Задумчиво погладив его, попыталась вчитаться снова в абзац о том, что драконья магия принадлежит исключительно драконам и никакие другие расы к ней не способны.

А можно я этот пункт зачитаю завтра на зачете, а?

В этот момент проходящие мимо драконы, пожилая супружеская пара, заметив меня, оба и разом низко поклонились. Учтиво склонила голову в ответ, искренне сожалея о том, что меня вообще заметили, и в очередной раз сдерживая порыв подскочить и тоже поклониться.

В целом ситуация, в которой я оказалась, была та еще — я находилась замужем. По всем драконьим традициям, с благословения всего ныне распущенного, но еще имеющего вес в матримониальных вопросах Совета древних. Я была женой Ирэнарна-Ррат-Эгиатара из дома Правящих драконов, и разлучить нас могла только смерть. Ну, в смысле, брак был заключен со знаменитой драконьей традиционной фразой: «И только смерть разлучит вас». Собственно, заключая этот брак, Совет древних и надеялся на смерть, точнее, даже на две — на смерть Гаррата, который заявит свои права на меня, ну и на мою смерть, потому... потому как жизнь штука сложная, а о межрасовых отношениях и говорить не приходится.

Вот только они опять и сильно недооценили Ирэнарна.

В тот день, когда он спас мой мир, а спас именно он, кто бы что ни говорил, Ирэнарн вернул меня в дом моих родителей, на глазах у

потрясенных родных надел на меня брачную подвеску, затем безапелляционно закрепил на запястьях браслеты наири, из уже трех имеющихся на моей шее подвесок выбрал своего Стража, сжал в ладони и, глядя мне в глаза, хрипло приказал:

— Если прикоснусь — убей.

Я сказала:

— Нет.

Он развернулся и взмыл в небо огромным черным, затмевающим сияние солнца драконом. Вот только мне почему-то было уже все равно, что он дракон, я просто не хотела, чтобы он улетал...

Он явно тоже, и в Долине на парочку гор стало меньше. Потом еще на парочку... Но в городе никаких разрушений не наблюдалось.

Я не знаю, как он держался, у меня были Камали, Хатор и сестры, а у него — никого. Совершенно никого. У него даже практически не осталось меня, потому что на мои письма Ирэнарн если и отвечал, то лишь коротко и по делу, а в остальном... тишина. И у меня сердце замирало при мысли, что он там один... опять один. Не буквально, нет. Сейчас, когда весь Аркаллон готовился к прилету Снежной драконицы и предстоящей свадьбе Владыки, остаться один Ирэнарн не мог при всем своем желании, ему приходилось быть на виду, приходилось встречать посольства, приходилось готовить столицу к свадебному торжеству... И приходилось выслушивать многочисленные изъявления сочувствия по поводу «благословения» ныне распущенного Совета древних и навязанной ими жены-человечки. А так же многочисленные вопросы на тему «За что ж они так с вами-то?».

Мне было легче — меня никто ни о чем не спрашивал. Весь род Кириито сразу принял информацию и о том, что я отныне Правящая драконица, и о том... что мой муж ко мне не приближается. Теперь, когда все знали историю бабушки Осаи, вопросов о том, почему я в семье, а не с мужем, не возникало ни у кого. Вопросов вообще не было — только сочувствие и поддержка.

Поддержка такой большой и дружной семьи оказалась очень кстати, когда в столице узнали о нашем браке, а узнали быстро — древние постарались. Что-то вроде последней мести... Таким образом, в один далеко не прекрасный день вся Долина оказалась в курсе, какой конкретно человечкой древние проклинали Ирэнарна. И даже тот факт, что я приемная дочь рода Кириито, не имел особого значения для аристократии Долины — от Главнокомандующего немедленно потребовали расторжения брака. Я даже видела часть делегации, надменно летящей в Крепость для «серьезного разговора» с Правящим драконом.

Улетали обратно они уже вовсе не так надменно, и я бы даже сказала, быстро, а древний обозначил это насмешливым: «Славно улепетывают».

После данного демарша вся Долина окончательно уяснила, что у них Правящая драконица человеческого происхождения, зато удочеренная родом Кириито... И началось паломничество желающих посмотреть на «ту самую человечку».

И вот тогда я узнала, что такое — защита рода.

Мои родные мигом оборвали начавшийся было поток нескончаемых визитов соседей, дальней родни и вообще в принципе всех желающих. Драконы попытались было начать массовые полеты над гостиницей «Весенняя капель», но появление присланных Ирэнарном ир-ханов быстро остудило пыл любопытствующих. Теперь территорию гостиницы облетали по дуге, по очень широкой дуге.

Но все равно оставаться в столице стало почти невыносимо.

Родители, посоветовавшись, решили, что нам всем будет лучше некоторое время пожить у бабушки Осаи, но и в провинции обо всем узнали также быстро. Я все-таки была единственной человеческой девушкой во всей Долине, а драконы уже были в курсе, на ком женат Главнокомандующий. И в итоге, где бы я ни появилась, куда бы ни вышла, даже в наряде просто девушки, а не замужней драконицы, хотя шкафной дух нашил их мне огромное количество, меня узнавали везде. Поклоны, подарки, взгляды, разговоры, просьбы о благословении. Потом начались подарки от драконьей аристократии и эльфийских королевств, которые «на всякий случай» все забрал Зэрнур, учтливое поздравление сквозь зубы от Снежной драконицы Гэндоран, которая пожелала счастья, поставив это слово в кавычки, и даже ради приличий не попыталась скрыть то, что желала бы надеть на себя мою брачную подвеску. Она вообще мало что скрывала. На редкость неприятная особа оказалась, откровенно говоря, после ее послания мне даже стало немного жаль Гаррата... Впрочем, радоваться за него едва ли было возможно — Владыка оставался под арестом, куда более жестким, чем в первый раз.

— Долгих лет, Правящая Ирэнарн-наири! — крикнул маленький дракончик, пробегающий мимо.

— И тебе благословения спящих, — вежливо ответила я.

«Ирэнарн-наири» — сердце дракона, несмотря ни на что и вопреки всему.

Я с грустью посмотрела в сторону убегающего мальчика и замерла, увидев стоящего в трех шагах от меня, прислонившегося плечом к дереву Ирэнарна. Сердце дрогнуло, а после забилося так быстро, что его биение

ощутил даже мгновенно проснувшийся магический источник, до того забавно спящий на моих коленях.

Черный дракон улыбнулся застывшей мне, перевел взгляд на источник, усмехнулся и произнес:

— Твой «котенок» заметно подрос за последние три дня, что ты проводишь здесь.

Я на миг глянула на магический источник, потянувшийся было, а после снова свернувшийся клубочком у меня на коленях, и вновь перевела встревоженный взгляд на Ирэнарна. Я вглядывалась в его глаза — посеребренные за эти дни и, казалось, полностью утратившие привычную мне изумрудную зелень, в его лицо, на котором отчетливо читались ожесточение и усталость.

— Не могу без тебя, — вдруг тихо сказал дракон.

Почти выдохнул, едва слышно.

Я смотрела на него, не в силах произнести ни слова, просто ни слова. С того момента, как он вернул меня родителям, я видела его впервые. И я смотрела на него, уставшего, но сильного и негиббемого, и просто не хотела, чтобы он уходил.

— Должен, — с улыбкой, в которой читалась лишь тихая грусть, произнес он.

— Уйти? — догадалась, кажется, начиная чувствовать его примерно так же, как и он меня.

Ирэнарн кивнул, не отрывая от меня полного глухой тоски взгляда вновь позеленевших глаз. Нечеловеческих, но таких родных.

— Поизучал вашу психологию на досуге, — усмехнулся Ирэнарн. — Второй после «спаси мир на ее глазах» беспронгрышный способ влюбить в себя девушку — отношения на расстоянии. Учитывая ситуацию, мои шансы на успех стремительно растут.

Невольно улыбнулась.

— Ну вот, ты уже улыбаешься, — с нежностью глядя на меня, произнес дракон. И тяжело вздохнув, добавил: — Впервые искренне за последние несколько дней.

Безумно смутившись, опустила взгляд, поняла, что вот-вот уроню учебник, подхватила его на этапе сползания с моих колен и вновь посмотрела на Ирэнарна. Дракон же пристально, очень пристально смотрел на учебник по драконьей магии. Затем мягко оттолкнулся от дерева, подошел, присел передо мной, подчеркнуто стараясь ни в коем случае не коснуться, вгляделся в книгу, поднял взгляд и неверяще переспросил:

— Драконья магия?

— Асур-Ррат свято верит, что у нас всех есть к ней способности, а у меня больше всех, — пожала плечами я.

Ирэнарн медленно сузил глаза. Там, в глубине сверкнувших серебром вертикальных зрачков, в этот момент словно вспыхивали молнии надвигающейся грозы, вспыхивали все ярче, а на губах дракона медленно проявлялась улыбка.

— Что? — тихо спросила я, сдерживая желание осторожно отодвинуться.

— Ничего, — не отрывая от меня взгляда, произнес Ирэнарн.

— Ты как-то пугающе улыбаешься, — наконец призналась я.

— Вполне нормальная улыбка для дракона, отчетливо вспомнившего о факте подворовывания у него магии.

Вспыхнув, возмущенно выдохнула:

— Ирэнарн, это вышло случайно, я...

Но, не дав мне договорить, Черный дракон мягко прикоснулся к моим, лежащим поверх книги пальцам, осторожно, словно сам не верил в то, что действительно касается, накрыл их теплой ладонью, вновь посмотрел мне в глаза и многозначительно напомнил:

— Факт подворовывания у меня моей истинно драконьей магии.

И я, хотевшая было продолжить оправдываться, судорожно выдохнула, потрясенно глядя на дракона. Несколько секунд осознание накрывало волной, а затем я вспомнила — безопасно для собственной жизни женами боевых драконов могут быть лишь те, кто владеет драконьей магией.

Сердце пропустило удар...

Потом еще один...

— Так что там у нас с чувствами? — Ирэнарн, в отличие от меня, гораздо быстрее вникал в новую информацию и усваивал ее.

— Я... — ничего не смогла сказать в ответ.

Дракон взглянул на меня с легкой укоризной и мягко произнес:

— Поверь, тебе бы лучше уже влюбиться в меня.

— П-п-почему? — Я все же предприняла осторожную попытку отодвинуться.

Но не позволив оказаться от него дальше ни на вздох, Ирэнарн поднялся, нависнув надо мной, склонился к самым моим губам и прошептал:

— Потому что, милая, после спасения мира и отношений на расстоянии у вас, людей, третьим безотказным способом влюбления стоит коварное соблазнение.

Судорожно выдохнув, честно солгала:

— Я тебя уже очень люблю.

Зеленые глаза медленно прищурились, заставив вспомнить, что ложь драконы чувствуют априори.

— Практически люблю, — мгновенно исправилась я.

Улыбка на губах Главнокомандующего стала очень предвкушающей.

— Ладно, — я была уже в панике, — ты мне очень нравишься, я очень скучала и, кажется, даже немного влюбилась.

— А вот это правда, — был вынужден признать мгновенно посерьезневший Ирэнарн.

Его серьезности хватило примерно на секунду, после чего в зеленых глазах вновь промелькнуло нечто завораживающее, на губах появилась все такая же полная предвкушения улыбка, и Черный дракон, склоняясь надо мной, прошептал:

— Тем обоснованнее мое решение перейти сразу к коварному соблазнению.

— А может, к первым двум пунктам вернемся? — с надеждой предложила я.

— Опять спасти мир — это еще ничего, но семь дней без тебя? Я сдохну, — совершенно искренне сообщил он. Но раз уж мы начали заключать новую сделку, предложил: — Медленное коварное соблазнение?

— Очень медленное, — решила внести коррективы я.

Ирэнарн улыбнулся, мягко прикоснулся к моим губам и прошептал:

— Естественно, очень медленное, тебе же еще воровское искусство осваивать и осваивать.

— Я не... — начала было.

Осеклась под насмешливым взглядом. И не стала ничего говорить, с улыбкой глядя на дракона. На моего дракона, который не сводил с меня сияющего нежностью взгляда.